

Валерий Антонов

**Метафизика Аристотеля.
Том 2. Грамматические
алгоритмы
«Метафизики»**

Валерий Антонов
Метафизика Аристотеля.
Том 2. Грамматические
алгоритмы «Метафизики»

<https://litres.ru/73999583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исследование анализирует центральные книги «Метафизики» Аристотеля (VI–X) на двух уровнях. Макроанализ изучает архитектуру, логические переходы и грамматические маркеры связей. Микроанализ вскрывает построчную грамматику: залоговые и временные оппозиции, субстантивацию, синтаксис причастных оборотов и операторы необходимости. Показано: Аристотель конструирует онтологию в языке. Книга VI задаёт предмет метафизики, отсекая привходящее. Книга VII вводит сущность, материю и форму. Книга VIII разрабатывает 47 грамматических алгоритмов. Книга IX переводит анализ в динамику потенции и энергии, утверждая приоритет действительности. Книга X завершает учением о едином и пределе. Прослежена генетическая связь между книгами: конструкции VII становятся алгоритмами VIII и применяются

в IX–X. Выявлено единство грамматико-логического метода Аристотеля.

Содержание

Введение к книгам VI–X «Метафизики»	5
Аристотеля: архитектура грамматического конструирования онтологии.	
Книги VI (E) и VII (Z) «Метафизики»	12
Аристотеля: микроанализ и макроанализ как два уровня исследования.	
Шестая книга.	17
Глава 1.	19
Глава 2.	35
Глава 3.	51
Глава 4.	61
Седьмая книга.	75
Глава 1.	81
Глава 2.	90
Глава 3.	100
Глава 4.	112
Глава 5.	127
Глава 6.	139
Глава 8.	166
Глава 9.	181
Глава 10.	196
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Валерий Антонов
Метафизика Аристотеля.
Том 2. Грамматические
алгоритмы «Метафизики»

Введение к книгам VI–X
«Метафизики» Аристотеля:
архитектура грамматического
конструирования онтологии.

Центральные книги «Метафизики» — VI (E), VII (Z), VIII (H), IX (Θ) и X (I) — образуют единый архитектурный ансамбль. Их связь не хронологическая и не композиционная в узком смысле, а методологическая: каждая книга выполняет свою функцию в общем движении от установления предмета первой философии до завершённого учения о сущности, её началах, её динамическом осуществлении и её трансцендентальных определениях. Настоящее введение даёт обзор этой архитектуры как целого, не повторяя частных анализов, уже представленных в предыдущих введениях к отдельным книгам, но показывая сквозную логику всего пятикнижия.

Исходный пункт: вопрос о сущем и границы метафизики (книга VI).

Книга E открывает центральный цикл, устанавливая, чем метафизика не является и чем она должна быть. Аристотель разводит три типа теоретических наук — физику, математику и первую философию — через серию последовательных отрицаний, каждое из которых отсекает определённый регион сущего. Этот жест станет прототипом целого семейства операций, которые в последующих книгах будут проводить границы определмости, делимости и потенциальности.

Затем Аристотель расчленяет само «бытие» на четыре смысла: привходящее, бытие как истина, бытие по категориям, бытие в потенции и акте. Первые два он сразу же выводит за скобки метафизики. Этот двойной ход — умножение смыслов и последующее ограничение предмета — задаёт метод, который будет последовательно применяться во всех следующих книгах: сначала разложить, затем указать, с чем именно работает философ, а что остаётся за пределами рассмотрения. Здесь же впервые появляются понятия, которые станут несущими конструкциями всего дальнейшего: *κατὰ συμβεβηκός* и *καθ' αὐτό, δύναμις* и *ἐνέργεια*, категории как роды сказывания. Анализ истины как сложения и разделения в суждении закладывает фундамент для будущего учения об определении и его границах: простое не допускает ошибки, и потому к нему неприменима предикативная структура.

Строительная площадка: конструирование сущно-

сти (книга VII).

Если книга VI очертила территорию, то книга Z начинается на ней строительство. Её центральный вопрос — τίς ἡ οὐσία; («что есть сущность?») — получает форму через сведение более общего вопроса τί τὸ ὄν; («что есть сущее?»). Сама эта операция сведения есть грамматический акт: субстантивация через артикль превращает вопрос о бытии в вопрос о «сущности» как особом предмете.

Затем Аристотель перебирает кандидатов: субстрат, суть бытия, род, общее. Каждый предьявляется, испытывается и либо принимается с оговорками, либо отводится. Этот перебор — не просто диалектическое упражнение, а метод, в котором грамматические маркеры (время, залог, модальность) неявно оценивают статус каждого кандидата до того, как высказано эксплицитное суждение. Из этого перебора вырастают три ключевые фигуры: ὑποκείμενον (субстрат-подлежащее), τὸ τί ἦν εἶναι (суть бытия) и σύνολον (составное целое). Все три порождены субстантивацией — превращением глагольных и местоименных конструкций в имена.

Центральные главы Z развивают учение об определении: оно двусоставно (род и видовое отличие), оно есть λόγος τοῦ τί ἦν εἶναι, и его единство представляет собой проблему. Вопрос διὰ τί ἐν ὁ ὀρισμός; («почему определение едино?») — это зародыш той апории, которая получит полное разрешение лишь в конце книги VIII. Здесь же вводится тезис, который станет аксиомой для всего последующего: форма не

возникает и не уничтожается; возникает только составное.

Наконец, заключительная глава Z делает решающий поворот: сущность объявляется началом и причиной, а вопрос переформулируется как $\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\delta\epsilon\ \tau\iota\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \tau\omicron\upsilon\delta\epsilon$; («почему вот это присуще вот этому?»). Тем самым исследование сущности становится исследованием причин — и открывается путь к книге VIII, где этот вопрос будет применён к единству материи и формы.

Лаборатория: грамматические алгоритмы чувственной сущности (книга VIII).

Книга H — методическое сердце пятикнижия. Если книга VII построила понятия, то книга VIII испытывает их на материале чувственных сущностей, превращая неявные грамматические жесты предыдущих книг в эксплицитные инструменты. Здесь впервые полностью раскрывается метод, который можно назвать грамматическим конструированием: сущность, материя и форма не описываются, а порождаются через синтаксические операции — субстантивацию, удержание подлежащего при смене предикатов, модальную грамматику, синтаксис аналогии.

Книга движется через пять последовательных задач: от конструирования самих начал — к обнаружению структурной двусмысленности имени и границ определения — затем к конкретизации материи как ближайшей и собственной — далее к ограничению понятия потенции через исключение привходящего уничтожения — и наконец к снятию апории

единства. Этот последний шаг даёт формулу, которая является итогом всего построения: последняя материя и форма суть одно и то же, различаясь только по модусу — в возможности и в действительности. Никакого третьего начала, склеивающего материю и форму, не требуется; вопрос о причине единства оказывается псевдо-вопросом.

Динамика осуществления: приоритет энергии (книга IX).

Книга Θ берёт результаты лаборатории и переводит их в динамический регистр. Понятия потенции и энергии, служившие в книге VIII инструментом для снятия апорий, становятся здесь главным предметом. Аристотель строит классификацию потенций, различая активные и пассивные, рациональные и нерациональные, и устанавливает фундаментальную асимметрию: энергия первее потенции по логосу, по времени и по сущности.

Это меняет иерархию начал. В книге VIII материя и форма были онтологически равноправны (хотя форма имела приоритет в определении). Теперь энергия получает безусловное первенство: возможность есть только через действительность и ради неё. Модальная грамматика ($\deltaυνάμει / \epsilon\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\acute{\iota}\alpha$), выработанная ранее, применяется к анализу бесконечного (оно существует только в потенции, никогда в акте) и к анализу истины (истина и ложь — в сложении и разделении мысли, а не в вещах). Книга завершается на границе между метафизикой и теорией познания, подготавливая

переход к трансцендентальным определениям сущего.

Пределы единства: трансценденталии и мера (книга X).

Книга I замыкает цикл на самом абстрактном уровне. Если книга VIII разрешила вопрос о единстве составной сущности, то книга X спрашивает о природе самого Единого. Ответ гласит: Единое не есть род и не есть отдельная сущность; оно сопутствует каждой категории, сказываясь столькими же способами, сколькими и сущее.

Аристотель разворачивает учение о противоположностях, классифицируя их типы — противоречие, лишённость, *contrarietas*, отношение. Различение кучи и целого, введённое в книге VIII для анализа определения, перерастает здесь в учение о пределе и мере: Единое есть мера, множество — измеряемое. Тем самым онтология, начатая с вопроса о сущности, приходит к своему логическому завершению: от сущего как такового — к его первым началам — к его динамическому осуществлению — и к его трансцендентальным определениям.

Общая архитектура пятикнижия.

Пять книг образуют не линейную последовательность, а концентрическую структуру с нарастающей степенью абстракции. Книга VI задаёт внешние границы: что такое метафизика и чем она не занимается. Книга VII строит центральное понятие — сущность — и вводит все её аспекты. Книга VIII разрабатывает метод: грамматические операции, че-

рез которые эти аспекты связываются в единую теорию чувственной сущности. Книга IX вводит динамику: начала сущности рассматриваются в их осуществлении, с установлением приоритета энергии. Книга X выходит на уровень трансценденталий: единство и множество, мера и предел.

Движение внутри этого ансамбля можно описать и как восхождение от конкретного к абстрактному (от чувственной сущности к Единому), и как возвращение от абстрактного к конкретному (от формальных структур книги VI к их наполнению в книгах VII–VIII и к их динамическому осуществлению в IX–X). В обоих случаях метод остаётся единым: Аристотель не столько описывает реальность, сколько конструирует её в языке, и понимание его метафизики требует восстановления тех лингвистических операций, которыми он пользуется на каждом шагу этого восхождения.

Книги VI (E) и VII (Z) «Метафизики» Аристотеля: микроанализ и макроанализ как два уровня исследования.

Вводная часть. Настоящий текст открывает исследование книг VI и VII, объединяя два взаимодополняющих уровня анализа — микроанализ и макроанализ, — последовательно применённые ко всем главам.

Под **макроанализом** понимается исследование логической архитектуры каждой главы: её общей траектории, типа логического движения (установление границ, дедукция, перебор кандидатов, апория с разрешением, отождествление), грамматических маркеров перехода между параграфами и места главы в сквозной траектории всей книги. Для книги VI макроанализ фиксирует, как через цепочку отрицаний и ограничений устанавливается предмет первой философии и отсекаются нерелевантные смыслы бытия. Для книги VII макроанализ прослеживает, как через перебор кандидатов в сущности (Z 3–6), анализ сути бытия и определения (Z 4–6, 10–12), анализ материи и формы в контексте становления (Z 7–9) и финальный вопрос о сущности как причине (Z 17) рождаются понятия, которые в книге VIII станут инструмен-

тами грамматического конструирования.

Под **микроанализом** понимается построчный грамматический разбор ключевых конструкций: временных и залоговых оппозиций, синтаксиса причастных и инфинитивных оборотов, семантики предлогов и союзов, субстантивации через артикль, механизмов сведения многозначности к первичному смыслу (πρὸς ἓν λέγεσθαι), операторов необходимости (ἀνάγκη) и возможности (ἐνδέχεται), структуры вопроса διὰ τί. Микроанализ отвечает на вопрос: какими грамматическими средствами Аристотель выполняет каждый логический шаг и какой онтологический эффект производит каждая конструкция?

Соотношение двух уровней можно пояснить на примере. В Z 17 макроанализ фиксирует решающий поворот: сущность объявляется началом и причиной, а вопрос переформулируется как διὰ τί τόδε τι κατὰ τοῦδε; Микроанализ эксплицирует: вопрос строится через предложное сочетание κατὰ с родительным падежом, указывающее на предикативную структуру («почему вот это присуще вот этому?»); именно эта грамматическая схема в книге VIII разовьётся в алгоритм 25 (перечисление всех возможных причин) и алгоритм 43 (суть бытия как причина перехода из потенции в акт).

Особенности анализа книг VI–VII.

Книги VI и VII выполняют в центральном корпусе «Метафизики» особую функцию. Книга VI — это мета-уровень:

она устанавливает, чем метафизика не является и чем она должна быть, разводит три типа теоретических наук и выделяет четыре смысла бытия, из которых только два (бытие по категориям и бытие в потенции и акте) становятся предметом первой философии. Книга VII — это строительная площадка: на ней через перебор кандидатов (субстрат, суть бытия, род, общее), через анализ определения и его единства, через учение о становлении и через финальный поворот к причинности возводятся понятия, которые в книге VIII будут уже не предметом поиска, а инструментами грамматического конструирования.

Эта функциональная особенность определяет пропорцию двух уровней анализа. В книгах VIII–X микроанализ и макроанализ шли как два параллельных слоя примерно равного объёма. В книгах VI–VII пропорция иная: макроанализ более развёрнут, поскольку необходимо проследить архитектуру каждой главы, её место в общей траектории книги и генетическую связь с будущими алгоритмами книги VIII. Микроанализ более выборочен: он фокусируется на тех фрагментах, где впервые появляются грамматические конструкции, которым предстоит стать устойчивыми алгоритмами, или где грамматика несёт особую онтологическую нагрузку. К таким фрагментам относятся: разведение четырёх смыслов бытия в E 2, сведение вопроса τί τὸ ὄν к τίς ἡ οὐσία в Z 1, анализ ὑποκείμενον в Z 3, анализ τί ἦν εἶναι в Z 4–6, апория единства определения в Z 12, анализ становления в Z 7–9, вопрос

διὰ τί в Z 17.

Кроме того, книга VII содержит развёрнутую диалектику — перебор кандидатов в сущности с последовательным отсевом, — что требует включения в макроанализ диалектического компонента: отслеживания структуры перебора, столкновения тезисов, грамматических маркеров статуса каждого кандидата. Эти маркеры (время, залог, модальность) в книге VII ещё не формализованы в устойчивые алгоритмы, но именно здесь они впервые применяются систематически.

Генетическая связь с книгой VIII.

Каждый выявленный в книге VII грамматический ход будет сопровождаться указанием на то, в какой алгоритм книги VIII он разовьётся. Например: удержание подлежащего при смене предикатов в Z 3 алгоритм 7 (грамматическое доказательство материи как субъекта); анализ определения как двусоставной структуры в Z 12 алгоритм 17 (определение как предикация, требующая двусоставности); вопрос διὰ τί в Z 17 алгоритмы 25 и 43; различие возникновения формы и составного в Z 8 алгоритм 32. Тем самым анализ книг VI–VII восстанавливает генезис тех 47 алгоритмов, которые были выявлены в книге VIII как уже готовый инструментарий.

Ниже для каждой главы сначала даётся макроанализ (архитектура, тип движения, маркеры переходов, место в траектории книги, генетическая связь с книгой VIII), а затем — микроанализ ключевых фрагментов (построчный грам-

матический разбор с экспликацией онтологической функции конструкций).

Шестая книга.

С шестой книги мы вступаем в самый внутренний круг метафизики. Основной идеей и задачей метафизики является исследование $\delta\upsilon\ \eta\ \delta\upsilon\upsilon$ или понятия $\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$. Хотя этот вопрос не ставится непосредственно до седьмой книги, шестая книга настолько непосредственно связана с седьмой (ср. примечание к VI, 4, 9), что обе они могут быть поняты только как одна книга, и их совершенно бессмысленное разделение может рассматриваться только как непонимание порядка метафизики. Если понимать шестую книгу вместе с седьмой, то возникает следующий ряд идей:

1) Метафизика должна (в отличие от других специализированных наук) исследовать сущее, постольку поскольку оно есть сущее, $\tau\acute{o}\ \delta\upsilon\upsilon\ \eta\ \delta\upsilon\upsilon$, *Wesen und Begriff des Seyns* — VI, 1.

2) Бытие в одиночестве используется в разных смыслах. Для того чтобы определить вид бытия, который должна исследовать метафизика, необходимо отвергнуть два вида бытия, которые сюда не относятся ($\acute{\alpha}\varphi\epsilon\tau\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\upsilon$ VI, 4, 6. 8.), а именно:

а. случайное бытие, $\tau\acute{o}\ \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \sigma\upsilon\mu\beta\epsilon\beta\eta\kappa\acute{o}\varsigma\ \delta\upsilon\upsilon$, которое вообще выпадает из сферы науки, — VI, 2. 3.

б. Бытие как истина, $\tau\acute{o}\ \acute{\omega}\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma\ \delta\upsilon\upsilon$, которая не существует объективно, а только в мысли, основываясь лишь на разделении и соединении мысли, — - VI, 4. 3) Отбросив эти

два вида бытия, которым здесь не место, остаются (VI, 2, 1. 4, 8. VII, 1, 1.) τὰ σχήματα τῆς κατηγορίας, т. е. те виды или τρόποι бытия, которые выражаются в десяти категориях. Среди них, однако, первая категория, τί ἐστὶ или οὐσία, выражает самое примитивное и существенное бытие, то бытие, которое составляет предпосылку и основание других категорий, других способов бытия. Следовательно, именно οὐσία, исследование которой составляет действительный и специфический предмет метафизики: οὐσία есть то ὄν ἢ ὅν, как наука которого метафизика была определена VII, 1.

В седьмой книге сразу же рассматривается понятие οὐσία. Следует также отметить, что, как и третья и четвертая, шестая книга также возвращается в сокращенном виде в одиннадцатой книге (XI, 7. и 8, 1—16.).

Глава 1.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1025b 3 – 1026a 23).

1025b 3 Ὅτι μὲν οὖν ἡ σοφία περὶ ἀρχάς ἐπιστήμη τίς ἐστι, δῆλον ἐκ τῶν πρώτων ἐν οἷς διηπόρηται πρὸς τὰ ὑπὸ τῶν ἄλλων εἰρημένα περὶ τῶν ἀρχῶν· ἀπορήσειε δ' ἂν τις πότερον μίαν ὑπολαβεῖν εἶναι δεῖ τὴν σοφίαν ἐπιστήμην ἢ πολλὰς· εἰ μὲν γὰρ μίαν, μία γ' ἐστὶν ἀεὶ τῶν ἐναντίων, αἱ δ' ἀρχαὶ οὐκ ἐναντίαι· εἰ δὲ μὴ μία, ποίας δεῖ θεῖναι ταύτας; ἔτι τὰς ἀποδεικτικὰς ἀρχὰς θεωρῆσαι μιᾶς ἢ πλειόνων; εἰ μὲν γὰρ μιᾶς, τί μᾶλλον ταύτης ἢ ὅποιασοῦν; εἰ δὲ πλειόνων, ποίας δεῖ ταύτας τιθέναι; ἔτι πότερον πασῶν τῶν οὐσιῶν ἢ οὐ; εἰ μὲν γὰρ μὴ πασῶν, ποίων χαλεπὸν ἀποδοῦναι· εἰ δὲ πασῶν μία, ἄδηλον πῶς ἐνδέχεται πλειόνων τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην εἶναι· ἔτι πότερον περὶ τὰς οὐσίας μόνον ἢ καὶ τὰ συμβεβηκότα – ἀπόδειξις ἐστίν; εἰ γὰρ περὶ γε τὰ συμβεβηκότα ἀπόδειξις ἐστίν, περὶ τὰς οὐσίας οὐκ ἔστιν· εἰ δ' ἑτέρα, τίς ἑκάτερα καὶ ποτέρα σοφία; ἥ μὲν γὰρ ἀποδεικτική, σοφία ἢ περὶ τὰ συμβεβηκότα· ἥ δὲ περὶ τὰ πρῶτα, ἢ τῶν οὐσιῶν.

1025b 18 ἀλλ' οὐδὲ περὶ τὰς ἐν τοῖς φυσικοῖς εἰρημένας αἰτίας τὴν ἐπιζητουμένην ἐπιστήμην θετέον· οὔτε γὰρ περὶ τὸ οὐ ἕνεκα (τοιούτον γὰρ τὸ ἀγαθόν, τοῦτο δ' ἐν τοῖς πρακτοῖς ὑπάρχει καὶ ταῖς οὐσίαις ἐν κινήσει· καὶ τοῦτο

πρῶτον κινεῖ – τοιοῦτον γὰρ τὸ τέλος – τὸ δὲ πρῶτον κινήσαν οὐκ ἔστιν ἐν τοῖς ἀκινήτοις). ὅλως δ' ἀπορίαν ἔχει πότερον ποτε περὶ τὰς αἰσθητὰς οὐσίας ἐστὶν ἡ ζητούμενη νῦν ἐπιστήμη ἢ οὐ, περὶ δὲ τινὰς ἐτέρας. εἰ γὰρ περὶ ἄλλας, ἢ περὶ τὰ εἶδη εἴη ἂν ἢ περὶ τὰ μαθηματικά. τὰ μὲν οὖν εἶδη ὅτι οὐκ ἔστι, δῆλον (ὅμως δὲ ἀπορίαν ἔχει, κὰν εἶναι τις αὐτὰ θῆ, διὰ τί ποτ' οὐχ ὡσπερ ἐπὶ τῶν μαθηματικῶν, οὕτως ἔχει καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὧν ἔστιν εἶδη· λέγω δ' ὅτι τὰ μαθηματικά μὲν μεταξὺ τε τῶν εἰδῶν τιθέασιν καὶ τῶν αἰσθητῶν, οἷον τρίτα τινὰ παρὰ τὰ εἶδη τε καὶ τὰ δεῦρο, τρίτος δ' ἄνθρωπος οὐκ ἔστιν οὐδ' ἵππος παρ' αὐτόν τε καὶ τοὺς καθ' ἕκαστον· εἰ δ' αὖ μὴ ἔστιν ὡς λέγουσι, περὶ ποῖα θετέον πραγματεύεσθαι τὸν μαθηματικόν; οὐ γὰρ δὴ περὶ τὰ δεῦρο· τούτων γὰρ οὐθέν ἐστὶν οἷον αἱ μαθηματικαὶ ζητοῦσιν τῶν ἐπιστημῶν). οὐδὲ μὴν περὶ τὰ μαθηματικά ἡ ζητούμενη νῦν ἐστὶν ἐπιστήμη (χωριστὸν γὰρ αὐτῶν οὐθέν). ἀλλ' οὐδὲ τῶν αἰσθητῶν οὐσιῶν· φθαρταὶ γάρ. ὅλως δ' ἀπορήσειέ τις ἂν ποίας ἐστὶν ἐπιστήμης τὸ διαπορῆσαι περὶ τῆς τῶν μαθηματικῶν ὕλης. οὔτε γὰρ τῆς φυσικῆς, διὰ τὸ περὶ τὰ ἔχοντα ἐν αὐτοῖς ἀρχὴν κινήσεως καὶ στάσεως τὴν τοῦ φυσικοῦ πᾶσαν εἶναι πραγματείαν, οὐδὲ μὴν τῆς σκοπούσης περὶ ἀποδείξεώς τε καὶ ἐπιστήμης· περὶ γὰρ αὐτὸ τοῦτο τὸ γένος τὴν ζήτησιν ποιεῖται. λείπεται τοίνυν τὴν προκειμένην φιλοσοφίαν περὶ αὐτῶν τὴν σκέψιν ποιῆσθαι.

1026a 1 (продолжение для полноты) ἐπεὶ δὲ τὸ ἀπλῶς ὄν κατὰ πλείους λέγεται τρόπους, ὧν εἷς ἐστὶν ὁ κατὰ

συμβεβηκὸς εἶναι λεγόμενος, σκεπτέον πρῶτον περὶ τοῦ οὕτως ὄντος. ὅτι μὲν οὖν οὐδεμία τῶν παραδεδομένων ἐπιστημῶν πραγματεύεται περὶ τὸ συμβεβηκὸς, δῆλον (οὔτε γὰρ οἰκοδομικὴ σκοπεῖ τὸ συμβησόμενον τοῖς τῇ οἰκίᾳ χρησομένοις, οἷον εἰ λυπηρῶς ἢ τούναντίον οἰκήσουσιν, οὔθ' ὑφαντικὴ οὔτε σκυτοτομικὴ οὔτε ὀψοποικὴ, τὸ δὲ καθ' αὐτὴν ἴδιον ἐκάστη τούτων σκοπεῖ τῶν ἐπιστημῶν μόνον, τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ οἰκεῖον τέλος· (οὐδὲ μουσικὸν καὶ γραμματικόν,) οὐδὲ τὸν ὄντα μουσικὸν ὅτι γενόμενος γραμματικὸς ἅμα ἔσται τὰ ἀμφοτέρω, πρότερον οὐκ ὢν, ὃ δὲ μὴ ἀεὶ ὄν ἔστιν, ἐγένετο τοῦτο, ὥσθ' ἅμα μουσικὸς ἐγένετο καὶ γραμματικὸς· τοῦτο δὲ οὐδεμία ζητεῖ τῶν ὁμολογουμένως οὐσῶν ἐπιστημῶν πλὴν ἡ σοφιστικὴ· περὶ τὸ συμβεβηκὸς γὰρ αὕτη μόνη πραγματεύεται, διὸ Πλάτων οὐ κακῶς εἶρηκε φήσας τὸν σοφιστὴν περὶ τὸ μὴ ὄν διατρίβειν).

Книга шестая Метафизики Аристотеля. Глава 1.

[1] Мы собираемся искать принципы и конечные причины бытия, в той мере, в какой оно является бытием. [2] Так, например, существует основание здоровья и благополучия; так, математика имеет свои принципы, элементы и причины; вообще каждая наука о мыслительном знании, даже каждая наука, которая только принимает участие в чем-то в мышлении, имеет отношение к конечным причинам и принципам в более точном или более общем виде. [3] Но все эти науки ограничивают конкретную область, которой они занимаются: они не занимаются бытием как таковым, или бытием как

бытием, или сущностью. [4] Скорее, одни делают свой объект ясным для себя посредством чувственного восприятия, другие исходят из предпосылок о сущности вещей, которые не были доказаны в дальнейшем, и таким образом дают более или менее строгий отчет о существенном содержании области, которой они занимаются. [5] Очевидно, однако, что посредством такой индукции невозможно вывести сущность и понятие, но [6] для этого есть другой способ философского изложения. [7] Кроме того, они вообще ничего не говорят о том, обладает ли область, которой они занимаются, реальностью или нет: конечно, ведь это вопрос одного и того же метода рассуждения, чтобы установить, что нечто есть и есть ли оно. Так вот, поскольку физика также имеет дело с определенной областью бытия, а именно с тем реальным, что имеет в себе принцип движения и остановки, она, очевидно, не может быть ни [8] действующей, ни производящей наукой. Ибо в производстве принцип находится в производителе, а именно в разуме, искусстве или способности; в действии — в агенте, [9] а именно в намерении: ведь объект действия и объект намерения — одно и то же. Если, следовательно, все мышление имеет либо действующий, либо производящий, либо наблюдающий характер, то физика, конечно, будет наблюдающей наукой, но она сделает объектом наблюдения то бытие, которое способно к движению, тогда как чисто понятийное бытие обычно лишь постольку, [10] поскольку оно не может быть отделено от своих субстратов.

Здесь следует сказать кое-что о сущности и понятии, потому что без этого все исследование было бы напрасным. [11] Из того, что является объектом определения и определения сущности, одно подобно пустотелому носу, другое — пустоте. Эти два понятия различаются постольку, поскольку в пустотелый нос включена материя (пустота — это полый нос), [12] тогда как пустота лишена чувственно воспринимаемой материи. Итак, если все физическое имеет ту же природу, что и пустотелый нос, например, нос, глаз, лицо, плоть, кости, вообще все, что является живым существом, кроме того, лист, корень, кора, короче говоря, все растительное, ибо ни одна из этих вещей не мыслима без движения, но всегда существует в материальном виде, то отсюда следует, каким образом нужно искать и определять сущность в физике и почему рассмотрение души также частично выпадает на долю физика, а именно постольку, поскольку она не свободна от материи.

[13] Из вышесказанного ясно, что физика — это наука о наблюдениях. Математика также является наукой о наблюдениях. Но имеет ли она дело с чем-то неподвижным и существующим само по себе [14], остается пока открытым; но то, что некоторые математические вещи, которые ей приходится рассматривать, неподвижны и неразделимы, очевидно. Но если существует вечная, неподвижная, самосуществующая вещь, [15] то ее познание должно принадлежать наблюдательной науке. Но не физике, поскольку она имеет отно-

шение к подвижному [16], и не математике, а другой науке, которая имеет приоритет перед этими двумя. Ибо физика действительно имеет дело [17] с тем, что существует индивидуально, но не с тем, что неподвижно; математика отчасти действительно имеет дело с тем, что неподвижно, но, конечно, не с тем, что существует индивидуально, а постольку, поскольку оно находится в материи; фундаментальная же наука имеет дело как с тем, что существует индивидуально, так и с тем, что неподвижно. Но если все [18] причины должны быть вечными, то особенно эти, ибо они являются причинами появления под божественным.

Таким образом, мы получаем три философии наблюдения, математику, [19] физику и теологию. Ибо если божество существует, то оно, несомненно, имеет такую природу [неподвижную и самосущую], и самая почтенная наука должна заниматься самым почтенным. Созерцательные науки более совершенны, чем другие, а эта — самая совершенная из созерцательных наук. [20] Можно спросить, является ли первая философия общей, или же она имеет отношение к определенной области и определенному виду бытия. Первое. Ведь даже среди математических наук не все ведут себя одинаково, но геометрия и астрономия имеют своим объектом конкретную область бытия, в то время как математика как общая наука является общей для них всех. Итак, если нет никакого бытия, кроме природных вещей, [21] то физика — первая наука: но если есть неподвижное бытие, то эта

наука первенствует и является первой философией, и общей потому, что она первая. Тогда ей надлежит исследовать сущее как сущее в соответствии с ее понятием и то, что принадлежит сущему как сущему.

Комментарий к Главе 1 Книги VI «Метафизики» Аристотеля.

**Метафизика в ее отношении к другим наукам.
Классификация философии.**

I. Основные тезисы и их разъяснение.

1. Предмет исследования — сущее как сущее. Аристотель утверждает, что все прочие науки (например, математика, медицина) ограничиваются исследованием определенного аспекта или рода сущего ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$), но не сущего как такового, в его всеобщности ($\delta\upsilon\nu\ \eta\ \delta\upsilon\nu$). Они либо исходят из чувственного восприятия, либо принимают свои исходные предпосылки (аксиомы, гипотезы) без доказательств, не исследуя сути ($\tau\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$) своего предмета. Истинная же философия, именуемая здесь мудростью ($\sigma\omicron\phi\acute{\iota}\alpha$), должна исследовать именно сущее как сущее, его первые начала и конечные причины.

2. Критика метода частных наук. Указывается, что

метод, основанный на чувственном восприятии или недоказанных гипотезах (который можно условно назвать индуктивным подходом частных наук), не способен привести к постижению сущности (οὐσία) и выработке определения (ὄρισμός). Для этого требуется особый, философский метод исследования (ἄλλος τρόπος τῆς δηλώσεως). Более того, частные науки, принимая свой предмет как данность, даже не ставят вопроса о его реальном существовании, тогда как установление «что» (ὅτι) вещи и ее сути — задача одной и той же мыслительной деятельности.

3. Классификация наук. Всякая рациональная деятельность (διάνοια) делится на:

· **Практическую** (πρακτική) — связанную с поступками, коренящимися в сознательном выборе (προαίρεσις). Ее цель заключена в самом действии (например, нравственный поступок).

· **Продуктивную (творческую)** (ποιητική) — связанную с искусством и ремеслом. Ее цель — создание чего-то внешнего по отношению к самому действию (например, дом, создаваемый строителем).

· **Теоретическую (созерцательную)** (θεωρητική) — направленную на познание истины ради нее самой. Среди теоретических наук выделяются:

· **Физика** — изучает сущее, способное к движению и существующее как неотделимое от материи (подобно «курносому»).

· **Математика** — изучает неподвижное сущее, которое, однако, не существует отдельно, а мыслится как пребывающее в материи.

· **Первая философия (теология)** — изучает вечное, неподвижное и отдельно существующее сущее (божественное).

4. Физика и её ограничения: аналогия «курносого». Физика, будучи наукой теоретической, исследует сущее не в его чистоте, а как «схваченное вместе с материей» (συνειλημμένον μετὰ τῆς ὕλης). Аристотель вводит фундаментальное различие между формой как таковой («вогнутость», κοιλότης) и формой, воплощенной в материи («курносость», σιμότης, которая есть вогнутость *носа*). Физика изучает вещи по аналогии с «курносим», то есть формы и сущности, неотделимые от материи и движения. Она не может объяснить абсолютные, нематериальные причины, так как ограничена областью подвижного и материального. В эту область попадает и большая часть души (за исключением, возможно, ума).

5. Математика и её предмет. Математика изучает абстрактные объекты (числа, фигуры), которые неподвижны (ἀκίνητα), но при этом не обладают отдельным существованием (οὐ χωριστά). Они пребывают в материи, и математик лишь мысленно (λόγῳ) отделяет их от нее. Например, геометрическая сфера не существует как самостоятельная сущность, а является абстракцией от свойств реальных тел.

6. Первая философия (метафизика/теология). Поскольку существует вечное, неподвижное и отдельное бытие (Божество, перводвигатель), должна существовать и наука, его изучающая. Эта наука и есть первая философия. Она:

- Является **первичной** (πρώτη) в онтологическом порядке, так как изучает первопричины.
- Является **наиболее общей** (καθόλου) именно в силу своей первичности: ее предмет (сущее как сущее) лежит в основе всего.
- Является самой ценной (τιμιωτάτη), ибо занимается самым ценным родом сущего.

7. Проблема общности первой философии. Возникает диалектический вопрос: является ли первая философия всеобщей наукой о бытии или же частной наукой об особом роде бытия (божественном)? Аристотель решает эту дилемму, утверждая ее универсальность именно как следствие ее первичности. Как общая математика (καθόλου μαθηματική) лежит в основе частных математических наук (геометрии, астрономии), так и первая философия, будучи наукой о первых началах всего, является общей для физики и математики.

II. Комментарий с элементами философско-лингвистического и текстологического анализа.

Данная глава представляет собой не набор декларатив-

ных утверждений, а диалектическое исследование, в котором грамматика и синтаксис древнегреческого языка играют ключевую роль в формировании философской аргументации.

1. Введение (§1). Глава начинается с отсылки к содержанию книги I (особенно гл. 3–10), где Аристотель разбирает мнения предшественников о началах (ἐκ τῶν πρώτων ἐν οἷς διηλόρηται). Это введение задает контекст: вопрос о том, что такое мудрость как наука о началах, остается открытым.

2. Апоретический метод и синтаксис дилеммы (1025b 3–18). Текст строится как цепочка апорий, грамматически оформленных через серию косвенных вопросов и условных предложений. Это ключевой методологический инструмент.

· *πότερον... ἢ... (ли... или...):* Эта конструкция (*πότερον μίαν... ἢ πολλάς, πότερον πασῶν... ἢ οὐ*) задает жесткое поле логических возможностей, вынуждая мысль двигаться в рамках бинарного или ограниченного выбора.

· *εἰ μὲν γὰρ... εἰ δὲ μή... (если с одной стороны... если же нет...):* Эти условные периоды проверяют каждую из ветвей дилеммы на логическую состоятельность. Например, тезис «мудрость — одна наука» проверяется через общее место из логики: «одна наука [познает] противоположности» (*μία γ' ἐστὶν ἀεὶ τῶν ἐναντίων*). Поскольку начала (*ἀρχαὶ*) не являются противоположностями, тезис отвергается. Синтаксис здесь имитирует процесс рассуждения, де-

монстрируя, как именно мы приходим к определенному выводу.

3. Терминологическая работа: артикль как инструмент философа. Аристотель активно использует определенный артикль (τό, τά) для субстантивации, превращая в философские категории практически любые части речи. Это не стилистический прием, а способ создания понятийного аппарата.

· **Субстантивация прилагательных и причастий:** τὰ συμβεβηκότα (привходящее, от перфектного причастия «случившееся»), τὰ πρῶτα (первоначала), τὰ αἰσθητά (чувственно воспринимаемое).

· **Субстантивация предложных фраз:** τὸ οὗ ἕνεκα («ради-чего», целевая причина) — застывшая в качестве термина разговорная конструкция.

· **Аналогия как лингвистический эксперимент (§11–12):** Пример с τὸ σιμόν (курносость) и τὸ κοῖλον (вогнутость) является центральным. Грамматически оба — субстантивированные прилагательные среднего рода. Однако σιμόν семантически неразрывно связано с материей (носом), в то время как κοῖλον может мыслиться без нее. Это грамматическое тождество при семантическом различии и становится фундаментом для разделения физики (изучает формы в материи, как «курносое») и первой философии (изучает чистые формы, как «вогнутость»). Форма σιμόν здесь обозначает само свойство в его материальном воплощении, в отли-

чие от абстрактного имени ομιότης.

4. Апофатический метод: грамматика исключения (1025b 18 и далее). Определение первой философии происходит через последовательное отделение от того, чем она *не является*.

· **Ступенчатое исключение:** οὐδὲ περὶ τὰς... αἰτίας... θετέον (не о причинах физических), οὐδὲ μὴν περὶ τὰ μαθηματικὰ (и уж конечно не о математических предметах), ἀλλ' οὐδὲ τῶν αἰσθητῶν οὐσιῶν (но и не о чувственных сущностях).

· **Усилительная частица μὴν (в οὐδὲ μὴν)** придает отрицанию характер категоричности.

· **Логика вывода через λείπεται τοίνυν... (следовательно, остается...):** После исключения всех альтернатив, единственный возможный субъект для предиката «быть искомой наукой» — это «предлежащая философия» (τὴν προκειμένην φιλοσοφίαν). Глагол λείπεται (безличный пассив) представляет этот вывод как безличную, логическую необходимость.

5. Иерархия наук и синтаксис обоснования (1026a 1 и далее). Иерархия выводится не через простое декларирование, а через причинно-следственные связи.

· **Принцип «предмет определяет достоинство науки»:** Утверждение τιμιωτάτην δεῖ τὸ τιμιώτατον (почтеннейшая [наука] должна [заниматься] почтеннейшим) ставит статус науки в прямую зависимость от онтологического статуса

ее предмета.

· **Обоснование всеобщности через первичность (§21):** Ключевой момент — καθόλου οὕτως ὅτι πρώτη (и общая она потому, что первая). Всеобщность метафизики — не результат индуктивного обобщения, а следствие ее первичности в онтологическом порядке. Она изучает τὸ ὄν ἢ ὄν (сущее как сущее), потому что ее предмет — первые начала, которые обуславливают всё остальное. В отличие от частных наук, где γένος — это «область однородного», предмет первой философии — само бытие.

6. Важнейшие текстологические и терминологические уточнения.

· §8. **πρακτῶν и ποιητῶν:** В рукописях часто встречается чтение практиκῶν и ποιητικῶν (практических и творческих наук). Однако контекст требует родительного падежа среднего рода — πρακτῶν (дел, поступков) и ποιητῶν (создаваемых вещей). Аристотель говорит о том, что начало движения для продуктивной и практической деятельности находится в субъекте, а не в объекте действия. Чтение практиκῶν — распространенная ошибка переписчиков.

· §9. **μόνον:** Наречие «только» занимает синтаксически неудобную позицию. По смыслу оно должно относиться ко всему высказыванию о физике: она рассматривает «сущность согласно понятию» (οὐσία κατὰ τὸν λόγον), но *лишь постольку*, поскольку эта сущность неотделима от материи.

· §14. **μὴ χωριστά:** Это важнейшая текстологическая прав-

ка. Рукописное чтение ἢ χωριστά (или отделимые) нарушает всю трехчастную схему теоретических наук: если бы математика изучала отдельное и неподвижное, она бы совпадала с первой философией. Логика отрывка и параллельные места (οὐ χωριστὰ δέ, ἀλλ' ὡς ἐν ὕλη) требуют чтения μὴ χωριστά (неотделимые).

· §17. ἀχώριστα (неотделимые): Утверждение, что физика занимается «неотделимым», может показаться противоречием, поскольку физика изучает конкретные, отдельно существующие вещи. Однако здесь этот термин означает «неотделимые от материи». То есть физик рассматривает форму вещи не в отрыве от ее материального субстрата, в отличие от первого философа, который изучает чистое, отделимое от материи бытие.

· §19. θεολογική (теология): Метафизика получает это имя потому, что является наукой о божественном (ἐπιστήμη τῶν θείων). Так как высший принцип универсума — это Божество, первая философия, изучающая первопринципы, есть прежде всего наука о Боге.

III. Вывод.

Аристотель выстраивает строгую иерархию наук, основанную на способе существования их предметов: от неотделимого от материи и подвижного (физика) через неотделимое и неподвижное (математика) к отделимому и неподвижному

ному (первая философия/теология). Эта иерархия не только закладывает основу классической западной метафизики, но и демонстрирует уникальный метод Аристотеля, где язык — с его синтаксисом дилемм, субстантивацией и апофатикой — становится инструментом формирования самого философского знания.

Глава 2.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1026a 33 – 1026b 27).

1026a 33 Ἐπεὶ δὲ τὸ ἀπλῶς ὄν λεγόμενον λέγεται πολλαχῶς, ὧν ἓν μὲν ἦν τὸ κατὰ συμβεβηκός, ἕτερον δὲ τὸ ὡς ἀληθές, καὶ τὸ μὴ ὄν ὡς τὸ ψεῦδος, παρὰ ταῦτα δ' ἐστὶ τὰ σχήματα τῆς κατηγορίας (οἷον τὸ μὲν τί, τὸ δὲ ποιόν, τὸ δὲ ποσόν, τὸ δὲ πού, τὸ δὲ ποτέ, καὶ εἴ τι ἄλλο σημαίνει τὸν τρόπον τοῦτον),

1026a 36 ἔτι παρὰ ταῦτα πάντα τὸ δυνάμει καὶ ἐνεργείᾳ· ἐπεὶ δὴ πολλαχῶς λέγεται τὸ ὄν, πρῶτον περὶ τοῦ κατὰ συμβεβηκός λεκτέον, ὅτι οὐδεμία ἐστὶ περὶ αὐτὸ θεωρία.

1026b 1 Σημεῖον δέ· οὐδεμιᾶ γὰρ ἐπιστήμη ἐπιμελές περὶ αὐτοῦ οὔτε πρακτικῆ οὔτε ποιητικῆ οὔτε θεωρητικῆ.

1026b 2 Οὔτε γὰρ ὁ ποιῶν οἰκίαν ποιεῖ ὅσα συμβαίνει ἅμα τῇ οἰκίᾳ γιγνομένη (ἄπειρα γὰρ ἐστίν· τοῖς μὲν γὰρ ἠδεῖαν τοῖς δὲ βλαβεράν τοῖς δ' ὠφέλιμον οὐθέν εἶναι κωλύει τὴν ποιηθεῖσαν, καὶ ἑτέραν ὡς εἰπεῖν πάντων τῶν ὄντων· ὧν οὐθενός ἐστίν ἢ οἰκοδομικῆ ποιητικῆ), τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον οὐδ' ὁ γεωμέτρης θεωρεῖ τὰ οὔτω συμβεβηκότα τοῖς σχήμασιν, οὐδ' εἰ ἕτερόν ἐστι τρίγωνον καὶ τρίγωνον δύο ὀρθὰς ἔχον.

1026b 7 Καὶ τοῦτ' εὐλόγως συμπίπτει· ὥσπερ γὰρ ὄνομά τι μόνον τὸ συμβεβηκός ἐστίν. Διὸ Πλάτων τρόπον τινὰ οὐ

κακῶς τὴν σοφιστικὴν περὶ τὸ μὴ ὄν ἔταξεν.

1026b 9 Εἰσὶ γὰρ οἱ τῶν σοφιστῶν λόγοι περὶ τὸ συμβεβηκὸς ὡς εἰπεῖν μάλιστα πάντων, πότερον ἕτερον ἢ ταῦτὸν μουσικὸν καὶ γραμματικόν, καὶ μουσικὸς Κορίσκος καὶ Κορίσκος, καὶ εἰ πᾶν ὃ ἂν ᾗ, μὴ ἀεὶ δέ, γέγονεν, ὥστ' εἰ μουσικὸς ὢν γραμματικὸς γέγονε, καὶ γραμματικὸς ὢν μουσικός, καὶ ὅσοι δὴ ἄλλοι τοιοῦτοι τῶν λόγων εἰσίν· φαίνεται γὰρ τὸ συμβεβηκὸς ἐγγύς τι τοῦ μὴ ὄντος.

1026b 14 Δῆλον δὲ ἐκ τῶν τοιούτων λόγων· τῶν μὲν γὰρ ἄλλον τρόπον ὄντων ἔστι γένεσις καὶ φθορά, τῶν δὲ κατὰ συμβεβηκὸς οὐκ ἔστιν. Ἄλλ' ὅμως λεκτέον ἔτι περὶ τοῦ συμβεβηκότος ἐφ' ὅσον ἐνδέχεται, τίς ἢ φύσις αὐτοῦ καὶ διὰ τίν' αἰτίαν ἔστιν· ἅμα γὰρ δῆλον ἴσως ἔσται καὶ διὰ τί ἐπιστήμη οὐκ ἔστιν αὐτοῦ.

1026b 18 Ἐπεὶ οὖν ἐστὶν ἐν τοῖς οὖσι τὰ μὲν ἀεὶ ὡσαύτως ἔχοντα καὶ ἐξ ἀνάγκης, οὐ τῆς κατὰ τὸ βίαιον λεγομένης ἀλλ' ἦν λέγομεν τῷ μὴ ἐνδέχεσθαι ἄλλως, τὰ δ' ἐξ ἀνάγκης μὲν οὐκ ἔστιν οὐδ' ἀεὶ, ὡς δ' ἐπὶ τὸ πολὺ, αὕτη ἀρχὴ καὶ αὕτη αἰτία ἐστὶ τοῦ εἶναι τὸ συμβεβηκός· ὃ γὰρ ἂν ᾗ μήτ' ἀεὶ μήθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, τοῦτό φαμεν συμβεβηκὸς εἶναι.

1026b 24 Οἷον ἐπὶ κυνὶ ἂν χειμῶν γένηται καὶ ψῦχος, τοῦτο συμβῆναί φαμεν, ἀλλ' οὐκ ἂν πνίγος καὶ ἀλέα, ὅτι τὸ μὲν ἀεὶ ἢ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ τὸ δ' οὐ. Καὶ τὸν ἄνθρωπον λευκὸν εἶναι συμβέβηκεν (οὔτε γὰρ ἀεὶ οὔθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ), ζῶον δ' οὐ κατὰ συμβεβηκός. Καὶ τὸ ὑγιάζειν δὲ τὸν οἰκοδόμον συμβεβηκός, ὅτι οὐ πέφυκε τοῦτο ποιεῖν οἰκοδόμος ἀλλὰ

ιατρός, ἀλλὰ συνέβη ἱατρὸν εἶναι τὸν οἰκοδόμον.

1026b 29 Καὶ ὀψοποιὸς ἡδονῆς στοχαζόμενος ποιήσειεν ἄν τι ὑγιεινόν, ἀλλ' οὐ κατὰ τὴν ὀψοποιητικὴν· διὸ συνέβη, φαμέν, καὶ ἔστιν ὡς ποιεῖ, ἀπλῶς δ' οὐ. Τῶν μὲν γὰρ ἄλλων ἐνίστε δυνάμεις εἰσὶν αἱ ποιητικαί, τῶν δ' οὐδεμία τέχνη οὐδὲ δύναμις ὠρισμένη· τῶν γὰρ κατὰ συμβεβηκὸς ὄντων ἢ γιγνομένων καὶ τὸ αἴτιον ἔστι κατὰ συμβεβηκός.

1026b 34 Ὡστ' ἐπεὶ οὐ πάντα ἔστιν ἐξ ἀνάγκης καὶ αἰεὶ ἢ ὄντα ἢ γιγνόμενα, ἀλλὰ τὰ πλεῖστα ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, ἀνάγκη εἶναι τὸ κατὰ συμβεβηκός ὄν· οἷον οὗτ' αἰεὶ οὐθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ ὁ λευκὸς μουσικὸς ἔστιν, ἐπεὶ δὲ γίγνεται ποτε, κατὰ συμβεβηκός ἔσται (εἰ δὲ μή, πάντ' ἔσται ἐξ ἀνάγκης)· ὥστε ἡ ὕλη ἔσται αἰτία ἢ ἐνδεχομένη παρὰ τὸ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ ἄλλως τοῦ συμβεβηκότος.

1026b 37 – 1027a 5 Ἀρχὴν δὲ τῆνδὶ ληπτέον, πότερον οὐδέν ἔστιν οὗτ' αἰεὶ οὐθ' ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ. Ἦ τοῦτο ἀδύνατον; Ἔστιν ἄρα τι παρὰ ταῦτα τὸ ὀπότερ' ἔτυχε καὶ κατὰ συμβεβηκός. Ἀλλὰ πότερον τὸ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, τὸ δ' αἰεὶ οὐθενὶ ὑπάρχει, ἢ ἔστιν ἅπτα αἰδία; Περὶ μὲν οὖν τούτων ὕστερον σκεπτέον, ὅτι δ' ἐπιστήμη οὐκ ἔστι τοῦ συμβεβηκότος φανερόν· ἐπιστήμη μὲν γὰρ πᾶσα ἢ τοῦ αἰεὶ ἢ τοῦ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ - πῶς γὰρ ἢ μαθήσεται ἢ διδάξει ἄλλον; Δεῖ γὰρ ὠρίσθαι ἢ τῷ αἰεὶ ἢ τῷ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ, οἷον ὅτι ὠφέλιμον τὸ μελίκρατον τῷ πυρέττοντι ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ - τὸ δὲ παρὰ τοῦτο οὐχ ἔξει λέγειν, πότε οὐ, οἷον νουμηνία· ἢ γὰρ αἰεὶ ἢ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ καὶ τὸ τῆ νουμηνία· τὸ δὲ συμβεβηκός

ἔστι παρὰ ταῦτα.

Глава 2.

(1) Поскольку сущее в безусловном смысле сказывается во многих значениях, из которых одно – сущее как привходящее, другое – как истинное (а не-сущее – как ложное), и, кроме того, имеются категории (например, сущность, качество, количество, где, когда и всё, что означает такой способ сказывания), (2) а также сверх всего этого – сущее в возможности и в действительности, — то, поскольку сущее сказывается во многих значениях, прежде всего следует сказать о привходящем сущем, а именно что о нём нет никакого теоретического рассмотрения.

(3) Доказательство тому: ни одна наука им не занимается – ни практическая, ни творческая, ни теоретическая.

(4) В самом деле, строящий дом не производит всё то, что возникает вместе с домом (ведь их бесконечно много: ничто не мешает построенному дому быть приятным для одних, вредным для других, полезным для третьих и, так сказать, чем угодно из всего существующего; и строительное искусство не является творческим началом ни для чего из этого).

(5) Точно так же и геометр не рассматривает такие привходящие свойства фигур, как, например, различается ли треугольник сам по себе и треугольник, имеющий два прямых угла.

(6) И это происходит вполне закономерно: ведь привходящее есть, так сказать, лишь имя. (7) Поэтому Платон в неко-

тором отношении не плохо поместил софистику в область не-сущего.

(8) В самом деле, рассуждения софистов вращаются вокруг привходящего более всего, например: отличаются ли друг от друга образованный и грамотный или это одно и то же? [отличаются ли] образованный Кориск и Кориск? и всякая ли вещь, которая есть, но не всегда, стала [тем, что она есть]? так что если человек, будучи образованным, стал грамотным, то, будучи грамотным, он стал образованным; и все другие подобные рассуждения. (9) Ибо привходящее оказывается близким к не-сущему.

(10) Это ясно и из таких рассуждений: для сущих иным способом есть возникновение и уничтожение, для привходящего же их нет. (11) Тем не менее, следует ещё сказать о привходящем, насколько это возможно, какова его природа и по какой причине оно существует; тогда, вероятно, станет ясно и то, почему о нём нет науки.

(12) Итак, поскольку среди сущих одно всегда находится в одинаковом состоянии и по необходимости (не той, которая понимается как насилие, а той, которую мы имеем в виду как невозможность быть иначе), другое же существует не по необходимости и не всегда, а только большей частью, — то именно это и есть начало и причина существования привходящего. (13) В самом деле, то, что не есть ни всегда, ни по большей части, мы называем привходящим.

(14) Например, если в собачьи дни случится зима и холод,

мы говорим, что это произошло привходящим образом, но не если случится зной и жара, потому что одно бывает всегда или по большей части, а другое — нет. (15) Также и то, что человек бел, есть привходящее (ведь это не всегда и не по большей части), но что он живое существо — не привходящее. (16) И то, что строитель исцеляет, есть привходящее, потому что строителю по природе не свойственно это делать, а свойственно врачу, но случайно оказалось, что строитель — врач.

(17) И повар, стремясь к удовольствию, может приготовить нечто полезное для здоровья, но не в силу своего поварского искусства; поэтому мы говорим, что это произошло привходящим образом и что он в некотором смысле делает [это], но в безусловном смысле — нет. (18) В самом деле, для всего прочего действующие силы иногда бывают, а для привходящего нет ни определённого искусства, ни определённой способности: ведь для привходящих сущего или становящегося и причина также привходящая.

(19) Итак, поскольку не всё есть или становится по необходимости и всегда, но большинство вещей — по большей части, то необходимо существовать и привходящему сущему. (20) Например, белый не есть музыкальный ни всегда, ни по большей части; но поскольку это бывает иногда, то [белый] будет музыкальным привходящим образом (если же нет, то всё было бы по необходимости). (21) Так что причиной привходящего будет материя, способная быть иначе, чем

бывает по большей части.

(22) Следует же исходить из такого начала: существует ли нечто, что не есть ни всегда, ни по большей части? Или это невозможно? (23) Следовательно, существует ещё нечто сверх этих [двух], а именно то, что бывает как придётся, и привходящее. (24) Но существует ли [только] по большей части, а всегда — ни для чего? Или же существуют некоторые вечные вещи? Об этом следует исследовать позже. (25) А то, что науки о привходящем не существует, очевидно: ведь всякая наука имеет дело либо с всегдашним, либо с тем, что бывает по большей части. (26) Иначе как можно было бы учить или учиться? Ведь нужно иметь определённую либо по признаку «всегда», либо по признаку «по большей части», например, что медовая вода полезна для лихорадящего по большей части. (27) А то, что сверх этого, он не сможет сказать, когда именно [она не полезна], например, в новолуние: ведь если нечто бывает всегда или по большей части, то [полезно] оно и в новолуние. (28) Привходящее же стоит сверх этого.

Комментарий к Главе 2 Книги VI «Метафизики» Аристотеля

Привходящее (τὸ συμβεβηκός) и его отношение к науке.

I. Основные идеи главы и их разъяснение.

Глава 2 посвящена строгому доказательству того, что «привходящее» (часто переводимое как «случайное», «акцидентальное») не может быть предметом научного знания (ἐπιστήμη). Аристотель определяет онтологический статус привходящего, выводит причину его существования и окончательно закрепляет его место за пределами как теоретических, так и практических, и творческих наук.

1. Многообразие смыслов сущего и место привходящего (§§1–2). Аристотель начинает с рекапитуляции учения о многозначности сущего (τὸ ὄν λέγεται πολλαχῶς), которое подробно разрабатывалось в книгах III, V и VII. Он выделяет четыре основных смысла:

- Сущее как привходящее (τὸ κατὰ συμβεβηκός).
- Сущее как истинное (τὸ ὡς ἀληθές) и не-сущее как ложное.
- Сущее согласно фигурам категорий (τὰ σχήματα τῆς κατηγορίας): сущность, качество, количество и т.д.
- Сущее в возможности и действительности (τὸ δυνάμει καὶ ἐνεργείᾳ). Именно о первом из этих смыслов — о привходящем — и пойдет речь в этой главе. Тот факт, что Аристотель начинает с этой рекапитуляции, подчеркивает: анализ привходящего — это не изолированное исследование, а необходимый шаг в прояснении того, чем является сущее

как таковое.

2. Основной тезис: О привходящем нет науки (§2, §25). Главный тезис главы заявляется сразу: οὐδεμία ἐστὶ περὶ αὐτὸ θεωρία (о нем нет никакого теоретического рассмотрения). Это доказывается как от противного (ни одна из существующих наук им не занимается), так и через анализ его природы.

3. Доказательство от противного: привходящее не является предметом ни одной науки (§§3–5). Аристотель приводит примеры из всех трех родов наук:

· **Творческая** (ποιητική): Строитель (ὁ ποιῶν οἰκίαν) создает дом. Но возникает бесконечное множество сопутствующих обстоятельств (ὅσα συμβαίνει ἅμα τῇ οἰκίᾳ γυνομένην): для одних этот дом будет приятным, для других — вредным. Строительное искусство (οἰκοδομική) не является причиной *этих* свойств, и строитель их не создает.

· **Теоретическая** (θεωρητική): Геометр изучает треугольник и его необходимые свойства (например, равенство суммы углов двум прямым). Его не интересует, является ли *этот вот* конкретный треугольник, начерченный на песке, деревянным или медным, и вообще, отличается ли он от своей геометрической сущности.

· **Практическая** (πρακτική): Хотя прямого примера здесь нет, вывод распространяется на все три сферы.

4. Природа привходящего: «лишь имя» (§§6–9). Аристотель делает сильное онтологическое заявление: привхо-

дхящее ὄνομα τι μόνον ἐστίν (есть, так сказать, лишь имя). Это не означает его полного небытия, но указывает на его принципиально иной, ущербный способ существования по сравнению с сущностью (οὐσία). Оно не обладает собственной природой (φύσις) и устойчивым бытием. Именно поэтому Платон, по мнению Аристотеля, был прав, поместив софистику в область не-сущего (περὶ τὸ μὴ ὄν). Софисты строят свои эристические уловки на подмене сущностных предикатов привходящими. Их излюбленные вопросы как раз об этом: «Одно ли и то же образованный и грамотный?», «Если Кориск стал грамотным, то стал ли он и образованным, если раньше был им?». Эти парадоксы возникают из-за смешения сущности (Кориск) и привходящих признаков (образованный, грамотный).

5. Доказательство через отсутствие возникновения и уничтожения (§10). У сущего в собственном смысле (τῶν ἄλλων τρόπον ὄντων), то есть у сущностей и их сущностных свойств, есть процессы возникновения (γένεσις) и уничтожения (φθορά), понимаемые как результат внутренней причинной связи. У привходящих же событий (например, «быть вредным для кого-то») такого возникновения в строгом смысле нет. Они «случаются» (συμβαίνει), но не «становятся» как результат имманентной цели.

6. Причина существования привходящего (§§12–21). Почему же привходящее вообще существует? Аристотель выводит его онтологическую необходимость из структуры

самого бытия.

· **Сущее делится на:** а) существующее по необходимости и всегда (ἐξ ἀνάγκης καὶ αἰεί); б) существующее «по большей части» (ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ).

· **Логический вывод:** Поскольку существует сфера «по большей части», логически необходимо, чтобы существовала и сфера «не по большей части», то есть «в меньшинстве случаев». То, что не происходит ни всегда, ни в большинстве случаев, и есть привходящее (συμβεβηκός). Если бы существовало только необходимое и всегдашнее, то мир был бы жестко детерминирован.

· **Примеры:**

о Жара в «собачьи дни» (летом) — это «по большей части», а холод — привходящее.

о Быть живым существом для человека — необходимо, а быть белым — привходяще.

о Строитель, исцеляющий больного, делает это привходящим образом, так как исцеление — не функция строителя, а врача.

· **Причина привходящего — материя (§19, 21).** Если бы все было необходимо, не было бы привходящего. Но поскольку оно есть, его основание — материя (ύλη), понятая как чистая возможность (τὸ δυνάμει), как неопределенное (ἀόριστον), способное быть иначе (ἐνδεχομένη ἄλλως). В отличие от формы, которая стремится к определенности и закономерности, материя является источником неопределен-

ности и случайности. Именно она — причина того, что бытие может «соскальзывать» с пути «по большей части» в область «как придется».

7. Финальное доказательство: наука — о необходимом или регулярном (§§25–28). Всякая наука (πᾶσα ἐπιστήμη) имеет дело либо с тем, что существует всегда, либо с тем, что бывает «по большей части». Обучение и доказательство (μαθήσεται ἢ διδάξει) возможны только на основе фиксации такой регулярности. Врач знает, что медовая вода *по большей части* полезна при лихорадке. Но он не может научно определить, *когда именно* в меньшинстве случаев она окажется бесполезной (например, в новолуние). Это исключение и есть привходящее, которое находится παρὰ ταῦτα (сверх этого, за пределами необходимого и регулярного), а значит, и за пределами науки.

II. Комментарий с элементами философско-лингвистического и текстологического анализа.

Аргументация Аристотеля в этой главе опирается на точные логические и лингвистические различения, закрепленные в синтаксисе и терминологии.

1. Синтаксис вывода и рекапитуляции (§§1–2). Глава начинается с длинного протасиса (Ἐπεὶ δὲ...), перечисляющего смыслы сущего. Основная часть (аподосис) начинается только в §2 (πρῶτον περὶ τοῦ κατὰ συμβεβηκὸς λεκτέον).

Этот разрыв синтаксиса — не ошибка, а риторически и логически значимый прием. Для его «восстановления» и подчеркивания логической связи Аристотель использует рекапитулирующую частицу δὴ в ἐλεῖ δὴ πολλαχῶς λέγεται τὸ ὄν. Это не просто «поскольку же», а «поскольку, итак, (как мы уже установили)». Такое употребление δὴ характерно для Аристотеля, когда он, завершив отступление или перечисление, возвращается к основной нити рассуждения.

2. Негативное определение через примеры (§§4–5).

Синтаксис «строителя» (οὗτε γὰρ ὁ ποιῶν οἰκίαν ποιεῖ...) и «геометра» (οὐδ' ὁ γεωμέτρης θεωρεῖ...) построен как параллельная конструкция, демонстрирующая универсальность тезиса: *никто*, ни в одной из сфер деятельности, не имеет дела с привходящим. Пример с геометром (εἰ ἕτερόν ἐστι τρίγωνον καὶ τρίγωνον δύο ὀρθὰς ἔχον) имеет два уровня прочтения, важных для аристотелевской логики:

· **Простое толкование:** Геометра не интересует отличие «треугольника вообще» от «вот этого, конкретного» (медного, нарисованного) треугольника.

· **Более тонкое толкование:** Свойство «иметь сумму углов, равную двум прямым», хотя и является необходимым, в некотором смысле тоже «привходяще» для треугольника, так как не входит в его непосредственное определение («фигура, ограниченная тремя прямыми»), а выводится из него. В этом случае вопрос «тождественен ли треугольник своему свойству?» — это уже не геометрическая, а метафизическая

проблема, которой геометр как таковой не занимается. Это различие чрезвычайно важно для разграничения компетенций науки и метафизики.

3. Лингвистический статус привходящего: ὄνομα τι μόνον (§6). Выражение «лишь некое имя» (ὄνομα τι μόνον) указывает на семиотическую природу проблемы. Привходящее — это предикат, который можно высказать о вещи («Сократ бел», «строитель лечит»), но за которым не стоит самостоятельной сущности (οὐσία). Оно существует лишь в акте предикации, но не как самостоятельный элемент реальности. Это делает его идеальным инструментом для софистических манипуляций, основанных на смешении имени и вещи.

4. Строгое определение: противопоставление «всегда», «по большей части» и «привходящего» (§§12–13)
Трехчленное деление является строгим логическим различием:

· ἀεὶ καὶ ἐξ ἀνάγκης (всегда и по необходимости): то, что не может быть иначе.

· ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ (по большей части): то, что происходит регулярно, но допускает исключения.

· συμβεβηκός (привходящее): само исключение, то, что не является ни необходимым, ни регулярным. Аристотель уточняет, что необходимость здесь (ἐξ ἀνάγκης) — не насильственная (κατὰ τὸ βίαιον), а логическая/сущностная, определяемая как τῷ μὴ ἐνδέχασθαι ἄλλως (невозможность быть иначе).

5. Материя как причина: ἡ ὕλη αἰτία... τοῦ συμβεβηκότος (§§19, 21) Назвать матерью причиной приходящего — значит указать на фундаментальное онтологическое основание случайности. Если форма — это принцип определенности, «что́» вещи, то материя (ὕλη) — это субстрат, способный принять или утратить ту или иную определенность. Ключевой термин здесь — ἐνδεχομένη ἄλλως (способная [вести себя] иначе). Причиной того, что строитель исцелил (что не свойственно его природе), является не его искусство строителя (формальная/действующая причина), а материальный факт совпадения, возможность, заложенная в самом материальном мире. Именно поэтому у приходящего нет ὀρισμένη τέχνη (определенного искусства) или δύναμις ποιητική (определенной производящей способности), а причина его — κατὰ συμβεβηκός (привходящая) (§18).

6. Эпистемологический предел: пример с медовой водой (§§26–28) Финальный аргумент блестяще иллюстрирует эпистемологический предел науки. Наука может зафиксировать правило: τὸ μελίκρατον τῷ πυρέττοντι ὠφέλιμον ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ. Но когда студент спросит лότε οὐ; (в каком же случае нет?), наука, основанная на всеобщем и регулярном, не может дать определенного ответа об исключении. Она не может сказать: «в новолуние не полезно», так как из правила «по большей части» следует, что и в новолуние оно *по большей части* полезно. Указание на конкретное ис-

ключение (τὸ δὲ παρὰ τοῦτο) — это выход за пределы науки в область индивидуального и случайного, которое οὐχ ἔξει λέγειν (невозможно высказать научно).

III. Вывод.

Глава представляет собой стройное доказательство,двигающееся от констатации факта (науки не занимаются приходящим) к выявлению его глубокой причины (онтологическая «неполноценность» приходящего, его укорененность в неопределенности материи). Аристотель не просто «исключает» случайное из науки, а обосновывает его *необходимое* существование как обратной стороны регулярности («по большей части»), тем самым решая задачу, поставленную в начале главы: τίς ἡ φύσις αὐτοῦ καὶ διὰ τίν' αἰτίαν ἔστιν. Этим он окончательно закрепляет за первой философией статус единственной науки, способной обсуждать бытие в его предельных, а не только регулярных основаниях.

Глава 3.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1027a 29 – 1027b 16).

1027a 29 Ὅτι δ' εἰσὶν ἀρχαὶ καὶ αἷτια γενητὰ καὶ φθαρτὰ ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι καὶ φθειρέσθαι, φανερόν.

1027a 30 Εἰ γὰρ μὴ τοῦτ', ἐξ ἀνάγκης πάντ' ἔσται, εἰ τοῦ γιγνομένου καὶ φθειρομένου μὴ κατὰ συμβεβηκὸς αἷτιόν τι ἀνάγκη εἶναι.

1027a 32 Πότερον γὰρ ἔσται τοδὶ ἢ οὐ; Ἐάν γε τοδὶ γένηται· εἰ δὲ μὴ, οὐ. Τοῦτο δὲ ἐὰν ἄλλο. Καὶ οὕτω δῆλον ὅτι ἀεὶ χρόνου ἀφαιρουμένου ἀπὸ πεπερασμένου χρόνου ἤξει ἐπὶ τὸ νῦν,

1027a 35 ὥστε ὁδὶ ἀποθανεῖται νόσω ἢ βία, ἐάν γε ἐξέλθῃ· τοῦτο δὲ ἐὰν διψήσῃ· τοῦτο δὲ ἐὰν ἄλλο· καὶ οὕτως ἤξει εἰς ὃ νῦν ὑπάρχει, ἢ εἰς τῶν γεγονότων τι.

1027a 38 – 1027b 2 Οἷον ἐὰν διψήσῃ· τοῦτο δὲ εἰ ἐσθίει δριμέα· τοῦτο δ' ἦτοι ὑπάρχει ἢ οὐ. ὥστ' ἐξ ἀνάγκης ἀποθανεῖται ἢ οὐκ ἀποθανεῖται. Ὅμοίως δὲ κἂν ὑπερπηδήσῃ τις εἰς τὰ γενόμενα, ὁ αὐτὸς λόγος· ἦδη γὰρ ὑπάρχει τοῦτο ἐν τινι, λέγω δὲ τὸ γεγονός· ἐξ ἀνάγκης ἄρα πάντα ἔσται τὰ ἐσόμενα, οἷον τὸ ἀποθανεῖν τὸν ζῶντα· ἦδη γὰρ τι γέγονεν, οἷον τὰ ἐναντία ἐν τῷ αὐτῷ.

1027b 3 Ἄλλ' εἰ νόσω ἢ βία, οὐπω, ἀλλ' ἐὰν τοδὶ γένηται. Δῆλον ἄρα ὅτι μέχρι τινὸς βαδίζει ἀρχῆς, αὕτη δ' οὐκέτι εἰς

ἄλλο. Ἔσται οὖν ἢ τοῦ ὀπότερ' ἔτυχεν αὐτῆ, καὶ αἴτιον τῆς γενέσεως αὐτῆς ἄλλο οὐθέν.

1027b 6 Ἄλλ' εἰς ἀρχὴν ποίαν καὶ αἴτιον ποῖον ἢ ἀναγωγὴ ἢ τοιαύτη, πότερον ὡς εἰς ὕλην ἢ ὡς εἰς τὸ οὐ ἔνεκα ἢ ὡς εἰς τὸ κινήσαν, μάλιστα σκεπτέον.

Глава 3.

[1] Очевидно, что существуют такие начала и причины, которые возникают и уничтожаются, [сами] не возникая и не уничтожаясь.

[2] В самом деле, если бы это было не так, то всё было бы по необходимости, если только для возникающего и уничтожающегося не необходимо существует некоторая причина, [действующая] не привходящим образом.

[3] В самом деле, будет ли это [иметь место] или нет? Если произойдёт вот это, то да; если же нет, то нет. А это произойдёт, если произойдёт другое. И таким образом ясно, что при последовательном отнятии времени от ограниченного времени мы дойдём до настоящего.

[4] Так что этот человек умрёт от болезни или от насилия, если он выйдет [из дому]; это произойдёт, если он захочет пить; это — если произойдёт нечто другое; и так мы дойдём до того, что существует сейчас, или до чего-то из уже случившегося.

[5] Например: если он захочет пить; это — если он будет есть острую пищу; это либо есть, либо нет; следовательно, по необходимости он либо умрёт, либо не умрёт.

[6] Точно так же, если кто-либо перейдёт к уже случившемуся, рассуждение будет тем же: ведь уже существует это [условие] в чём-то, а именно уже случившееся. Следовательно, по необходимости всё, что произойдёт, произойдёт, например, смерть живого существа: ведь уже нечто произошло, а именно противоположности в одном и том же.

[7] Но умрёт ли он от болезни или от насилия — ещё не [необходимо], а только если произойдёт вот это. Таким образом, ясно, что [такое рассуждение] доходит до некоторого начала, которое уже не отсылает к другому.

[8] Следовательно, это и будет началом того, что происходит как придётся, и другой причины его возникновения нет.

[9] Но к какому началу и к какой причине происходит такое сведение — к материи, к цели или к движущему [началу], — это следует рассмотреть прежде всего.

Комментарий к Главе 3 Книги VI «Метафизики» Аристотеля

Случайные причины и предел необходимой каузальности.

I. Основные тезисы главы и их разъяснение

Эта небольшая, но крайне важная глава служит прямым

продолжением учения о привходящем, изложенного в главе 2. Если ранее Аристотель показал, *что* такое привходящее и почему о нем нет науки, то здесь он обосновывает его *необходимость* для самой структуры реальности, вводя концепцию «случайных причин».

1. Существование особых причин (§1). Аристотель начинает с утверждения: существуют начала и причины (ἀρχαὶ καὶ αἴτια), которые, хотя сами способны возникать и уничтожаться (γεννῆτὰ καὶ φθαρτά), делают это, «не возникая и не уничтожаясь» (ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι καὶ φθείρεσθαι). Парадоксальность этой формулировки намеренна. Она указывает на то, что такие причины «есть» или «не есть», но они не являются результатом имманентного, внутренне необходимого процесса становления. Их собственное возникновение — не закономерный этап каузальной цепи, а «вспышка», пересечение иных рядов.

2. Логическая дилемма: необходимость или случайность (§2). Если бы таких причин не существовало, то в мире царил бы абсолютная необходимость (ἐξ ἀνάγκης πάντ' ἔσται). Это обосновывается через принцип причинности: все возникающее и уничтожающееся *не привходящим образом* (μὴ κατὰ συμβεβηκός), т.е. в силу своей сущности, должно иметь определенную причину. Если любое событие имеет только такую, необходимую, причину, то цепь причин и следствий становится жестко детерминированной.

3. Мысленный эксперимент с регрессом причин

(§§3–7). Аристотель моделирует этот детерминистский мир через грамматическую конструкцию условного регресса.

· Будет ли событие Z? Да, если произойдет Y. Произойдет ли Y? Да, если произойдет X. Эта цепочка (ἐάν γε τοῦτι γένηται· τοῦτο δὲ ἐὰν ἄλλο) последовательно отодвигает нас от будущего события к настоящему (ἐπὶ τὸ νῦν) и даже в прошлое.

· **Пример:** Этот человек умрет, если выйдет из дому. Выйдет, если захочет пить. Захочет пить, если съест острой пищи. А острую пищу он либо ест сейчас, либо нет.

· **Вывод из детерминистской модели:** Поскольку в основании цепочки лежит факт настоящего (он *либо* ест, *либо* нет), то и финал цепочки (смерть) наступает с необходимостью (ἐξ ἀνάγκης ἀποθανεῖται ἢ οὐκ ἀποθανεῖται). Более того, даже смерть живого существа вообще предопределена прошлым фактом — наличием в теле противоположных элементов.

4. Разрыв цепи и рождение случайного (§§7–8). Однако, замечает Аристотель, эта строгая необходимость действует лишь до определенного момента. Дойдя до конкретики — *как именно* умрет человек, от болезни или насилия (νόσῳ ἢ βίᾳ), — цепь обрывается. Необходимость утверждает *факт* смерти, но не ее *способ*. Прослеживая причины способа, мы дойдем до некоторого начала (μέχρι τινός... ἀρχῆς), которое уже «не отсылает к другому» (οὐκέτι εἰς ἄλλο). Это начало и есть принцип «того, что бывает как придется» (ἢ

τοῦ ὀλότερ' ἔτυχεν), и у него нет иной, предшествующей причины. Это и есть разрыв имманентной каузальной цепи, в который «врывается» случайность.

5. Открытый вопрос о роде причины (§9). Глава заканчивается вопросом: к какому из четырех родов причин (материя, форма, движущее, цель) относится это последнее, «случайное» начало? Аристотель оставляет этот вопрос открытым для дальнейшего исследования, хотя его комментаторы (Александр Афродисийский) справедливо относят его к сфере движущей причины (κινητικῆ), понятой максимально широко.

II. Философско-грамматический анализ.

Текст этой главы — блестящий пример того, как философская мысль Аристотеля не просто *излагается* с помощью языка, но и *конструируется* его грамматическими и синтаксическими средствами.

1. Парадокс как программа: γενητὰ... ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι (§1). Стартовый тезис εἰσὶν ἀρχαὶ... γενητὰ... ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι (существуют начала... возникающие... без возникновения) построен как оксюморон. Грамматически это утверждение, но семантически — взрыв. Субстантивированный инфинитив с предлогом ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι (без процесса становления) наречно определяет прилагательное γενητὰ (способные возникать/возникшие). Аристотель сталкивает

совершенный вид (результат) и несовершенный вид (процесс), заставляя читателя переосмыслить само понятие «возникновения». Это не эристический прием, а точное указание на онтологический статус: такая причина *есть* или *не есть*, но ее бытие не является результатом непрерывного, закономерного процесса.

2. Грамматика детерминизма: условные периоды и бесконечный регресс (§§2–3). Модель жесткой каузальности грамматически оформляется через цепочку условных предложений (εἰ, εἰάν), создающих иллюзию неотвратимости.

· **Синтаксический параллелизм:** λότερον γὰρ ἔσται τοῦτῃ ἢ οὐ; Ἐάν γε τοῦτῃ γένηται· εἰ δὲ μή, οὐ. Τοῦτο δὲ ἐάν ἄλλο. (Будет ли это? Да, если произойдет то. А то — если [произойдет] другое). Этот сжатый, почти телеграфный синтаксис имитирует саму неумолимую поступь логической цепочки. Союз γὰρ в εἰάν γε усиливает оттенок обусловленности: «если уж действительно произойдет».

· **Текстологическая точность:** Чтение τοῦτο δ' ἐάν ἄλλο (а это — если другое) является критически верным, так как сохраняет условную конструкцию, в отличие от ошибочного τοῦτο δὲ ἄλλο. Параллельное место (XI, 8, 14) подтверждает это: «затмение произойдет, *если* произойдет то, а то — *если* произойдет иное».

· **Регресс через причастие:** Конструкция ἀεὶ χρόνου ἀφαιρουμένου (при постоянном отнятии времени) использу-

ет родительный независимый (Genetivus absolutus) от глагола настоящего времени, создавая образ непрерывного, длящегося процесса. Мы как бы видим, как время «сокращается» шаг за шагом.

3. Анаколуф как фигура мысли (§§4–5). Знаменитый пример со смертью от жажды демонстрирует нарочитую грамматическую неполноту. Вместо плавного гипотетического периода мы видим серию резких, обрывочных переходов: ὥστε ὀδὶ ἀποθανεῖται νόσῳ ἢ βία, εἰάν γε ἐξέλθη· τοῦτο δὲ εἰάν διψήσῃ· τοῦτο δὲ εἰάν ἄλλο· (так что этот умрет, если выйдет; а это — если захочет пить; а это — если другое). Глагол движения (ἐξέλθη) сменяется глаголом состояния (διψήσῃ), а затем и вовсе местоимением (ἄλλο). Этот анаколуф (синтаксический разрыв) блестяще имитирует сам процесс регресса: по мере движения к началу причинная цепь теряет субстанциальность, определения становятся все более общими, пока не растворятся в неопределенности.

4. Смерть подлинного субъекта: безличные и пассивные конструкции (§5). Ключевой момент наступает в момент обрыва цепи: τοῦτο δ' ἦτοι ὑπάρχει ἢ οὐ· (а это [вот это обстоятельство] либо есть в наличии, либо нет). Здесь полностью исчезает подлинный субъект действия. Безличная конструкция ὑπάρχει (букв. «имеется в наличии») фиксирует чистый, голый факт, лишенный агента. Это не «кто-то делает нечто», а «нечто просто есть так». В этом грамматическом переходе от актива к безличности и происходит

«разрыв» цепи: детерминизм наталкивается на факт, который сам не является звеном в необходимой последовательности.

5. Терминология разрыва: μέχρι τινός βαδίζει (§§7–8). Фраза μέχρι τινός βαδίζει ἀρχῆς, αὕτη δ' οὐκέτι εἰς ἄλλο (доходит до некоторого начала, а оно уже не [восходит] к другому) полна терминологической точности.

· βαδίζει (идет, шагает): Этот глагол подчеркивает дискретность, пошаговый характер анализа. Мы не «мыслим» непрерывно, а именно «шагаем» от одного звена к другому.

· μέχρι τινός (до некоторого [предела]): Неопределенное местоимение (τινός) играет здесь ключевую роль. Оно грамматически маркирует непознаваемость и принципиальную нефиксируемость этого предела. Это не какая-то конкретная «первая причина», а именно «какая-то», неопределенная точка останова.

· οὐκέτι εἰς ἄλλο (уже не [восходит] к другому): Отрицание οὐκέτι (уже не) указывает на то, что мы дошли до естественной границы метода. Наше «шагание» (βαδίζειν) здесь обрывается.

6. Субстантивация неопределенности: ἡ τοῦ ὀλίτερον ἔτυχεν (§8). Венец лингвистического конструирования в этой главе — термин ἡ τοῦ ὀλίτερον ἔτυχεν (начало того, что случилось как попало). Аристотель превращает в имя существительное (ἡ... ἀρχή) целую разговорную конструкцию (ὀλίτερον ἔτυχεν — «как придется», «что выпало»). Артикль

η и родительный падеж (τοῦ) оформляют эту неопределенность как строгий философский термин. Случайность, таким образом, получает не просто определение, а лингвистическую «прописку» в онтологии. Она становится началом, то есть точкой, с которой начинается новая каузальная цепь, но которая сама не имеет причины в предыдущей.

III. Вывод.

Глава 3 представляет собой строгое доказательство от противного. Грамматически разыгрывая сценарий абсолютного детерминизма, Аристотель доводит его до логического и синтаксического предела — до безличного факта и разрыва в цепи условных предложений. Именно этот разрыв, это οὐκέτι εἰς ἄλλο, и есть лингвистическое и онтологическое «место» случайности. Тем самым Аристотель не просто утверждает, но *показывает* через язык, что случайность — не иллюзия нашего незнания, а необходимый структурный элемент самого бытия, без которого мир превратился бы в застывшую, неразличимую необходимость.

Глава 4.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1027b 17 – 1028a 4).

1027b 17 Περὶ μὲν οὖν τοῦ κατὰ συμβεβηκὸς ὄντος ἀφείσθω (διώριστα γὰρ ἰκανῶς)· τὸ δὲ ὡς ἀληθὲς ὄν, καὶ μὴ ὄν ὡς ψευδός, ἐπειδὴ παρὰ σύνθεσιν ἐστὶ καὶ διαίρεσιν, τὸ δὲ σύνολον περὶ μερισμὸν ἀντιφάσεως (τὸ μὲν γὰρ ἀληθὲς τὴν κατάφασιν ἐπὶ τῷ συγκεκριμένῳ ἔχει τὴν δ' ἀπόφασιν ἐπὶ τῷ διηρημένῳ, τὸ δὲ ψευδός τούτου τοῦ μερισμοῦ τὴν ἀντίφασιν· πῶς δὲ τὸ ἅμα ἢ τὸ χωρὶς νοεῖν συμβαίνει, ἄλλος λόγος, λέγω δὲ τὸ ἅμα καὶ τὸ χωρὶς ὥστε μὴ τὸ ἐφεξῆς ἀλλ' ἔν τι γίγνεσθαι) –

1027b 25 οὐ γὰρ ἐστὶ τὸ ψευδός καὶ τὸ ἀληθὲς ἐν τοῖς πράγμασιν, οἷον τὸ μὲν ἀγαθὸν ἀληθὲς τὸ δὲ κακὸν εὐθύς ψευδός, ἀλλ' ἐν διανοίᾳ, περὶ δὲ τὰ ἀπλᾶ καὶ τὰ τί ἐστὶν οὐδ' ἐν διανοίᾳ.

1027b 28 Ὅσα μὲν οὖν δεῖ θεωρῆσαι περὶ τὸ οὕτως ὄν καὶ μὴ ὄν, ὕστερον ἐπισκεπτέον· ἐπεὶ δὲ ἡ συμπλοκὴ ἐστὶν καὶ ἡ διαίρεσις ἐν διανοίᾳ ἀλλ' οὐκ ἐν τοῖς πράγμασι, τὸ δ' οὕτως ὄν ἕτερον ὄν τῶν κυρίως (ἢ γὰρ τὸ τί ἐστὶν ἢ ὅτι ποιὸν ἢ ὅτι ποσὸν ἢ τι ἄλλο συνάπτει ἢ ἀφαιρεῖ ἢ διάνοια), τὸ μὲν ὡς συμβεβηκὸς καὶ τὸ ὡς ἀληθὲς ὄν ἀφετέον – τὸ γὰρ αἴτιον τοῦ μὲν ἀόριστον τοῦ δὲ τῆς διανοίας τι πάθος,

1027b 34 – 1028a 4 καὶ ἀμφότερα περὶ τὸ λοιπὸν γένος

τοῦ ὄντος, καὶ οὐκ ἔξω δηλοῦσιν οὐσάν τινα φύσιν τοῦ ὄντος — διὸ ταῦτα μὲν ἀφείσθω, σκεπτέον δὲ τοῦ ὄντος αὐτοῦ τὰ αἴτια καὶ τὰς ἀρχὰς ἧ ὄν. [Φανερόν δ' ἐν οἷς διωρισάμεθα περὶ τοῦ ποσαχῶς λέγεται ἕκαστον, ὅτι πολλαχῶς λέγεται τὸ ὄν.]

Глава 4.

[1] О привходящем сущем пусть будет оставлено (ибо оно достаточно определено). [2] Сущее же как истинное и несущее как ложное, поскольку они основываются на соединении и разделении, а вместе взятые — на расчленении противоречия (ибо истинное имеет утверждение о соединённом и отрицание о разделённом, а ложное — противоположность этого расчленения; каким же образом происходит мышление о вещах как вместе или как отдельно — это другой вопрос; я имею в виду мышление о них как вместе и как отдельно так, что мыслятся не последовательно, а как нечто единое), —

[3] ведь ложное и истинное находятся не в вещах (так что, например, благо было бы тотчас истинным, а зло — ложным), а в мышлении; относительно же простых [понятий] и сущностей — даже не в мышлении, —

[4] всё, что следует рассмотреть о таком бытии и не-бытии, должно быть исследовано позже. [5] Поскольку же соединение и разделение происходят в мышлении, а не в вещах, и сущее таким образом отлично от сущего в собственном смысле (ибо мышление либо соединяет, либо разделяет

сущность, или качество, или количество, или нечто иное), то привходящее сущее и сущее как истинное следует оставить: ведь причина первого неопределённа, причина же второго — некоторое состояние мышления,

[6] и оба они относятся к остальному роду сущего и не выявляют какой-либо природы сущего, существующей вне [их]. [7] Поэтому пусть они будут оставлены, а следует рассматривать причины и начала самого сущего, поскольку оно есть сущее. [Что же касается того, что сущее сказывается во многих значениях, то это ясно из того, что было нами определено относительно того, сколькими способами сказывается каждое [понятие].]

Книга VI (E), глава 4. Бытие как истина: грамматика исключения алетического смысла.

Архитектура главы. Глава завершает книгу VI, выводя за пределы метафизики последний из нерелевантных смыслов бытия — бытие как истину. Она построена как последовательное отсечение: от предварительного итога по привходящему — к анализу истины как соединения и разделения — к локализации истины в мышлении, а не в вещах — к исключению простого из сферы истины/лжи — и к окончательному выводу: оба исключённых смысла (привходящее и бытие как истина) не выражают никакой природы сущего вне мышления. Грамматическими несущими конструкциями служат: императив ἀφεΐσθω для отсечения, перфектный пассив διώρισται для фиксации достигнутого, дательный па-

δεξ τῷ συγκειμένῳ / τῷ διηρημένῳ для указания на основание истинности, противопоставление ἐν τοῖς πράγμασιν / ἐν διανοίᾳ для локализации истины, ограничительная конструкция περὶ δὲ τὰ ἄλλᾱ... οὐδ' ἐν διανοίᾳ.

Связи между параграфами. Параграф [1] открывается формулой Περί μὲν οὖν τοῦ κατὰ συμβεβηκὸς ὄντος ἀφείσθω — императив ἀφείσθω («пусть будет оставлено») отсекает привходящее, а частица οὖν подводит итог главам 2–3. Перфектный пассив διώριστα γὰρ ἰκανῶς фиксирует достаточность предшествующего анализа. Параграф [2] переходит к новому предмету через τὸ δὲ ὡς ἀληθὲς ὄν — частица δὲ вводит второй исключаемый смысл. Сложный синтаксис с ἐπειδὴ и причастными оборотами παρὰ σύνθεσίν ἐστι καὶ διαίρεσιν фиксирует онтологическое основание: истина и ложь коренятся в соединении и разделении. Пояснение в скобках: τὸ μὲν γὰρ ἀληθὲς τὴν κατάφασιν ἐπὶ τῷ συγκειμένῳ ἔχει τὴν δ' ἀπόφασιν ἐπὶ τῷ διηρημένῳ — дательные падежи τῷ συγκειμένῳ и τῷ διηρημένῳ с субстантивированными перфектными причастиями указывают на объективное основание утверждения и отрицания. Отсылка κἄλλος λόγος («другой вопрос») откладывает психологический анализ мышления.

Параграф [3] содержит ключевое отрицание: οὐ γὰρ ἐστὶ τὸ ψεῦδος καὶ τὸ ἀληθὲς ἐν τοῖς πράγμασιν... ἀλλ' ἐν διανοίᾳ. Предложная оппозиция ἐν τοῖς πράγμασιν / ἐν διανοίᾳ разводит онтологический и ментальный локусы ис-

τιны. Пример οἷον τὸ μὲν ἀγαθὸν ἀληθές τὸ δὲ κακὸν εὐθὺς ψεῦδος — reductio ad absurdum: если бы истина была в вещах, благо было бы истинным, а зло ложным. Ограничение: περὶ δὲ τὰ ἀπλᾶ καὶ τὰ τί ἐστὶν οὐδ' ἐν διανοίᾳ — для простого и сути бытия нет истины и лжи даже в мышлении. Это прототип алгоритма 17 (определение как предикация, требующая двусоставности) и алгоритма 44 (непосредственное единство безматерийного). *Более подробный грамматический разбор конструкции περὶ τὰ ἀπλᾶ см. в поstateйном анализе главы 4 (раздел о простом и составном).*

Параграф [4] — краткая отсылка: Ὅσα μὲν οὖν δεῖ θεωρῆσαι... ὕστερον ἐπισκεπτέον. Герундив ἐπισκεπτέον откладывает тему до Θ 10. Параграф [5] даёт обоснование исключения: ἐπεὶ δὲ ἡ συμπλοκή ἐστὶν καὶ ἡ διαίρεσις ἐν διανοίᾳ ἀλλ' οὐκ ἐν τοῖς πράγμασι — союз ἐπεὶ вводит основание. Различение τὸ δ' οὕτως ὄν ἕτερον ὄν τῶν κυρίως — «сущее таким образом отлично от сущего в собственном смысле». Пояснение в скобках: ἢ γὰρ τὸ τί ἐστὶν ἢ ὅτι ποιὸν ἢ ὅτι ποσὸν ἢ τι ἄλλο συνάπτει ἢ ἀφαιρεῖ ἢ διάνοια — мышление соединяет или разделяет категории. Параграф [6] — вывод: καὶ ἀμφοτέρα περὶ τὸ λοιπὸν γένος τοῦ ὄντος, καὶ οὐκ ἔξω δηλοῦσιν οὐσάν τινα φύσιν τοῦ ὄντος — оба исключённых смысла не выявляют никакой природы сущего вне мышления. Параграф [7] — итог: διὸ ταῦτα μὲν ἀφείσθω, σκεπτέον δὲ τοῦ ὄντος αὐτοῦ τὰ αἷτια καὶ τὰς ἀρχὰς ἧ ὄν. Императив ἀφείσθω и герундив σκεπτέον задают програм-

му для книг VII–IX. Финальная фраза в квадратных скобках — отсылка к книге Δ.

Грамматический разбор ключевых конструкций.

1. Императив ἀφείσθω. Третье лицо единственного числа перфектного императива от ἀφίημι — «пусть будет оставлено». Повторяется трижды: в параграфе [1] для привходящего, в параграфе [5] для обоих исключённых смыслов, в параграфе [7] как итоговый вердикт. Грамматическая функция: перформативное исключение — не описание, а действие, совершаемое в самом тексте. Аналогичное употребление в Θ 1 для омонимических значений δύναμις (алгоритм 11).

2. Дательные падежи τῷ συγκεκμηένῳ / τῷ διηρημένῳ. Субстантивированные перфектные причастия в дательном падеже с предлогом ἐπί: ἐπὶ τῷ συγκεκμηένῳ — «на соединённом», ἐπὶ τῷ διηρημένῳ — «на разделённом». Дательный падеж указывает на основание: утверждение «держится» на соединённом, отрицание — на разделённом. Это прототип алгоритма 17 (определение как предикация, требующая двусоставности): истина возможна только там, где есть синтез.

3. Оппозиция ἐν τοῖς πράγμασιν / ἐν διανοίᾳ. Предлог ἐν с дательным падежом разводит два локуса: вещи и мышление. Отрицание οὐ γάρ ἐστι... ἐν τοῖς πράγμασιν и утверждение ἀλλ' ἐν διανοίᾳ закрепляют локализацию истины в мышлении. Это фундаментальное различие, которое в Θ 10 будет развито в учение о двух типах истины (для состав-

ного и для простого).

4. Ограничение περὶ δὲ τὰ ἀπλᾶ... οὐδ' ἐν διανοίᾳ.

Предлог περὶ с винительным падежом вводит тему простого. Двойное ограничение: истины и лжи нет ни в вещах, ни в мышлении — для простого эти категории неприменимы во-все. Это прототип алгоритма 44 (непосредственное единство безматерийного) и алгоритма 17.

5. Герундивы ἐπισκεπτέον, ἀφετέον, σκεπτέον. Серия вербальных прилагательных на -τέον: ἐπισκεπτέον («следует рассмотреть»), ἀφετέον («следует оставить»), σκεπτέον («следует исследовать»). Грамматическая функция: методологическое предписание, задающее программу дальнейшего исследования. Заключительное σκεπτέον δὲ τοῦ ὄντος αὐτοῦ τὰ αἷτια καὶ τὰς ἀρχὰς ἧ ὄν — прямой переход к книгам VII–IX.

Генетическая связь с алгоритмами книги VIII. Конструкция ἀφείσθω развивается в алгоритм 11 (отсечение омонимических значений). Оппозиция ἐν τοῖς πράγμασιν / ἐν διανοίᾳ и анализ σύνθεσις / διαίρεσις развиваются в алгоритм 17 (определение как предикация, требующая двусоставности). Ограничение περὶ τὰ ἀπλᾶ развивается в алгоритм 44 (непосредственное единство безматерийного). Герундивы на -τέον развиваются в методологические операторы книги VIII (ληπτέον, θετέον в X, 1).

Книга VI (E) «Метафизики» Аристотеля: сводный макроанализ.

1. Общая архитектура книги VI.

Книга E — самая короткая из центральных книг «Метафизики» (всего 4 главы). Она выполняет функцию мета-уровня: устанавливает, чем должна заниматься первая философия, и отсекает те области, которые к ней не относятся. Архитектура книги подчинена этой задаче: каждая глава последовательно сужает поле исследования. Глава 1 разводит три типа теоретических наук и закрепляет за метафизикой исследование неподвижного и отделимого. Глава 2 выделяет четыре смысла бытия и исключает из рассмотрения первые два (привходящее и бытие как истину). Глава 3 углубляет анализ привходящего, демонстрируя его непригодность для науки. Глава 4 завершает книгу анализом бытия как истины и лжи, также выводя его за пределы метафизики. Тем самым к концу книги остаются два смысла бытия — бытие по категориям и бытие в потенции и акте, — которые становятся предметом книг VII–IX.

Грамматическими несущими конструкциями книги являются: цепочки отрицаний и ограничений для установления границ (οὐτε... οὐτε, μή... ἀλλά), распределительные частицы для классификации (τὸ μὲν... τὸ δέ... τὸ δέ), условные периоды для демонстрации невозможности науки о привходящем (εἰ... ἄν), конструкции с κατὰ συμβεβηκός для маркировки случайного.

2. Последовательность глав и их логические функции.

Глава 1: Предмет первой философии. Аристотель разводит три типа теоретических наук — физику, математику и теологию (первую философию) — через критерии движения и делимости. Физика изучает движущееся и неотделимое от материи; математика — неподвижное, но неотделимое; первая философия — неподвижное и делимое. Глава завершается утверждением, что первая философия есть наука о сущем как сущем и его началах.

Ключевые грамматические конструкции: $\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma \grave{\alpha}\nu \epsilon\acute{\iota}\epsilon\nu \phi\iota\lambda\omicron\sigma\phi\acute{\iota}\alpha\iota \theta\epsilon\omega\rho\eta\tau\iota\kappa\acute{\alpha}\iota$ — оптатив с $\acute{\alpha}\nu$, смягчённое утверждение. Тройное распределение наук через $\eta \mu\acute{\epsilon}\nu \gamma\acute{\alpha}\rho\dots \eta \delta\grave{\epsilon}\dots \eta \delta\acute{\epsilon}$. Условный период $\epsilon\acute{\iota}\dots \xi\sigma\tau\iota \tau\iota\varsigma \acute{\alpha}\acute{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$ вводит гипотезу вечной сущности как условия возможности первой философии. Тройное различие через делимость/неделимость ($\chi\omega\rho\iota\sigma\tau\acute{\omicron}\nu/\acute{\alpha}\chi\omega\rho\iota\sigma\tau\omicron\nu$) служит прототипом алгоритма 6 (разведение делимости через $\tau\tilde{\omega} \lambda\acute{\omicron}\gamma\omega\upsilon$ vs. $\acute{\alpha}\pi\lambda\tilde{\omega}\varsigma$), а условный период $\epsilon\acute{\iota}\dots \xi\sigma\tau\iota$ — прототипом алгоритма 8 (асимметричное следование через $\omicron\upsilon\kappa \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\gamma\kappa\eta$).

Глава 2: Четыре смысла бытия. Аристотель выделяет: бытие $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \sigma\upsilon\mu\beta\epsilon\beta\eta\kappa\acute{\omicron}\varsigma$ (привходящее), бытие $\acute{\omega}\varsigma \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma$ (как истина), бытие $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \tau\grave{\alpha} \sigma\chi\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha \tau\eta\varsigma \kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (по категориям), бытие $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota \kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\acute{\iota}\alpha$ (в потенции и акте). Первые два исключаются из метафизики: привходящее не может быть предметом науки, а бытие как истина относится к мышлению, а не к вещам.

Ключевые грамматические конструкции: $\tau\grave{\omicron} \acute{\omicron}\nu \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$

πολλαχῶς — формула многозначности. Распределение по четырём смыслам через τὸ μὲν... τὸ δέ. Конструкции с συμβεβηκός и συμβαίνει для маркировки случайного. Отрицание необходимости: ἀνάγκη δ' οὐ. Различение καθ' αὐτό и κατὰ συμβεβηκός служит прототипом алгоритма 35 (привходящее уничтожение), формула πολλαχῶς λέγεται — прототипом алгоритма 11 (структурная двусмысленность имени), а συμβαίνει как маркер не-необходимости — прототипом алгоритма 3.

Глава 3: Природа привходящего. Глава углубляет анализ привходящего, показывая, что оно не может быть предметом науки, поскольку не обладает ни необходимостью, ни регулярностью. Привходящее есть то, что «ни всегда, ни по большей части». Ключевые грамматические конструкции: двойное отрицание ὅσα μήτε ἀεὶ μήτε ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ; отрицание необходимости ἀνάγκη δ' οὐκ ἔστι; условные периоды с εἰ для демонстрации невозможности науки о случайном. Двойное отрицание μήτε... μήτε служит прототипом алгоритма 31 (отрицание материи без возникновения), а ἀνάγκη δ' οὐκ ἔστι — прототипом алгоритма 8.

Глава 4: Бытие как истина. Истина и ложь принадлежат не вещам, а мышлению: истина есть соединение (σύνθεσις) в суждении того, что соединено в вещах, и разделение (διαίρεσις) того, что разделено. Простое (ἀπλᾶ) не допускает ни истины, ни лжи в собственном смысле. Ключевые грамматические конструкции: суперлатив κυριώτατα в

формуле τὸ κυριώτατα ὄν ἀληθές ἢ ψεῦδος; дательный падеж с субстантивированными инфинитивами τῷ συγκεῖσθαι ἢ διηρῆσθαι; отрицание для простого περὶ τὰ ἀπλᾶ οὐκ ἔστι τὸ ἀληθές καὶ τὸ ψεῦδος. Различение составного и простого служит прототипом алгоритма 17 (определение как предикация, требующая двусоставности), а анализ σύνθεσις и διαίρεσις — прототипом алгоритма 44 (непосредственное единство безматерийного).

3. Грамматические маркеры переходов между главами.

Переход от главы 1 к главе 2 оформлен через ἐπεὶ δὲ πολλαχῶς λέγεται τὸ ὄν — союз ἐπεὶ вводит основание для различения смыслов бытия, а наречие πολλαχῶς задаёт программу классификации. Переход от главы 2 к главе 3 — через уточняющее ὅλως δὲ τὸ κατὰ συμβεβηκός, где ὅλως сигнализирует о переходе к более детальному анализу одного из исключённых смыслов. Переход от главы 3 к главе 4 — через ἐπεὶ δὲ... λέγεται τὸ ὄν... τὸ δὲ κυριώτατα ὄν ἀληθές ἢ ψεῦδος, где ἐπεὶ вновь вводит основание, а κυριώτατα маркирует переход к наиболее строгому смыслу бытия, который также будет исключён из метафизики.

4. Место книги VI в центральном корпусе.

Книга VI служит методологическим введением ко всему центральному корпусу (VII–IX). Установив, что метафизика занимается сущим как сущим, но не привходящим и не бытием как истиной, а бытием по категориям и бытием в по-

тенции и акте, она задаёт программу для трёх последующих книг: книга VII исследует бытие по категориям (прежде всего сущность), книга VIII — чувственную сущность, книга IX — бытие в потенции и акте. Отсечение привходящего (E 2–3) высвобождает понятие καθ' αὐτό, которое станет центральным для анализа сущности в книге VII. Отсечение бытия как истины (E 4) откладывает эту тему до Θ 10, где она будет рассмотрена на новом уровне — в контексте простых сущностей и чистой энергии.

Книга VI (E): сводный микроанализ.

Фрагмент 1. Четыре смысла бытия (E 2).

Формула $T\acute{o} \delta\acute{\nu} \lambda\acute{\epsilon}γ\epsilon\tau\alpha\iota \pi\omicron\lambda\lambda\alpha\chi\acute{\omega}\varsigma$ — стандартная формула многозначности, где наречие $\pi\omicron\lambda\lambda\alpha\chi\acute{\omega}\varsigma$ указывает на неоднозначность бытия. Четыре смысла вводятся через отсылку к книге Δ (гл. 7) с перфектным причастием $\delta\iota\epsilon\iota\lambda\acute{o}\mu\epsilon\theta\alpha$, фиксирующим результат предшествующего разграничения. Распределение: $\sigma\eta\mu\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota \gamma\grave{\alpha}\rho \tau\acute{o} \mu\acute{\epsilon}\nu \tau\acute{\iota} \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota \kappa\alpha\acute{\iota} \tau\acute{o}\delta\epsilon \tau\iota, \tau\acute{o} \delta\acute{\epsilon} \pi\omicron\iota\acute{o}\nu \eta \pi\omicron\sigma\acute{o}\nu \eta \tau\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\upsilon\acute{\nu} \acute{\epsilon}\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ — первое значение: бытие как чтойность и «вот это» (категория сущности); затем перечисление остальных категорий. Наречие $\pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\nu$ в формуле $\tau\omicron\upsilon\tau\omega\upsilon\acute{\nu} \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\nu \delta\acute{\nu} \tau\acute{o} \tau\acute{\iota} \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$ маркирует приоритет сущности. Это прототип алгоритма 5 (субстантивация через артикль) и алгоритма 12 ($\pi\rho\acute{o}\varsigma \acute{\epsilon}\nu \lambda\acute{\epsilon}γ\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$): все смыслы бытия сводятся к первичному — сущности.

Фрагмент 2. Привходящее и невозможность науки о нём (E 2–3).

Конструкции с *συμβεβηκός*: τὸ κατὰ συμβεβηκός ὄν — субстантивированное причастие с предлогом *κατά*, фиксирующее «привходящее» как особый тип бытия. Предикат *ἐγγύς τι τοῦ μὴ ὄντος* (близко к не-сущему) онтологически дисквалифицирует привходящее. Отрицание необходимости: *οὐκ ἔστιν ἐπιστήμη* категорически исключает науку о привходящем, поскольку оно не необходимо. Наречие *ἀεί* и выражение *ὥς ἐπὶ τὸ πολὺ* противопоставляются *συμβεβηκός* как два модуса регулярности. Условный период *εἰ δὲ μή, συμβήσεται...* — маркер *reductio ad absurdum*. Это прототип алгоритма 3 (*συμβαίνει* как маркер дистанции) и алгоритма 35 (*κατὰ συμβεβηκός*).

Фрагмент 3. Истина как сложение и разделение (E 4)

Суперлатив *κυριώτατα* в формуле *τὸ κυριώτατα ὄν ἀληθές ἢ ψεῦδος* маркирует «наиболее строгий» смысл бытия. Дательный падеж *τῷ συγκεῖσθαι ἢ διηρῆσθαι* с субстантивированными инфинитивами указывает на основание истинности: соединённость или разделённость в самих вещах. Это прототип алгоритма 17 (определение как предикация, требующая двусоставности). Различение простого: *περὶ τὰ ἀπλᾶ οὐκ ἔστι τὸ ἀληθές καὶ τὸ ψεῦδος* — для простого нет ни истины, ни лжи в собственном смысле. Отрицание *οὐκ ἔστι* с артиклем исключает алетические категории из сферы простого. Это прототип алгоритма 44 (непосредственное единство безматерийного).

5. Генетический указатель (в виде описания)

Фрагмент E 2 с конструкцией πολλὰχῶς λέγεται развивается в алгоритм 11 (структурная двусмысленность имени в книге VIII). Приоритет сущности, выраженный через πρῶτον ὄν в E 2, развивается в алгоритм 12 (πρὸς ἓν λέγεσθαι). Анализ привходящего через κατὰ συμβεβηκός в E 2–3 развивается в алгоритм 35 (привходящее уничтожение). Употребление συμβαίνει как маркера не-необходимости в E 2–3 развивается в алгоритм 3 (дистанцирование через συμβαίνει). Различение истины через τῷ συγκεῖσθαι ἢ διηρῆσθαι в E 4 развивается в алгоритм 17 (определение как предикация). Анализ простого в E 4 развивается в алгоритм 44 (непосредственное единство безматерийного). Разведение трёх наук через χωριστόν/ἀχώριστον в E 1 развивается в алгоритм 6 (разведение отделимости через τῷ λόγῳ vs. ἀπλῶς).

Обзор и анализ комментариев к главе 4

Седьмая книга.

Седьмая книга исследует понятие субстанциального бытия, или οὐσία (сущности). Каково то бытие, которое является истинным бытием, бытием в высшем смысле понятия (πρώτως ὄν, ἀπλῶς ὄν)? Аристотель отвечает на этот вопрос, анализируя различные виды οὐσία и определяя требования, которым должна соответствовать подлинная οὐσία: ибо, кратко говоря, οὐσία — это и есть искомое субстанциальное бытие (τὸ πάλαι ζητούμενον καὶ ἀπορούμενον, τί τὸ ὄν, τοῦτό ἐστι, τίς ἡ οὐσία, 1, 11). В позднейших книгах седьмая книга нередко цитируется под формулой ἐν τοῖς περὶ τῆς οὐσίας λόγοις, например, в IX, 8, 10; X, 2, 4, а также в IX, 1, 1.

Содержание книги вкратце таково. Сначала Аристотель замечает, что из всех видов бытия (среди всех категорий) только οὐσία является субстанциальным бытием (πρώτως или ἀπλῶς ὄν), и вопрос всей прежней философии τί τὸ ὄν сводится к поставленной проблеме τίς ἡ οὐσία (гл. 1). Затем, кратко перечислив основные взгляды прежних философов на эту проблему (гл. 2), он излагает собственное мнение в позитивном развитии понятия οὐσία, исследуя:

- 1) ἴλη (материю) или ὑποκείμενον (подлежащее) (гл. 3),
- 2) τί ἦν εἶναι (суть бытия) или форму (гл. 4–6),
- 3) совместный продукт обоих — составленное из материи

и формы единичное существо, τὸ σύνολον (гл. 7–12).

Наконец, опираясь на результаты предшествующего обсуждения, он в полемической аргументации показывает, что καθόλου (или то, что теория идей полагала как идею) не есть οὐσία (гл. 13–16).

Седьмая книга выходит за собственные пределы, завершаясь антиномией. Всякая οὐσία, всё, что относится к τῶν καθ' ἕκαστον (единичному), насколько простирается наш опыт, есть σύνολον, составленное из материи и формы. Но то, что имеет ὕλη (материю), имеет становление, подвержено тлению и не может быть полностью постигнуто в понятии (λόγῳ). Напротив, всё понятийное, всеобщее, лишено субстанциальной реальности, не есть οὐσία. Ср. примеч. к 13, 19 (где Аристотель сам формулирует эту апорию).

Истинной οὐσία, следовательно, не является ни одна чувственная вещь, ничто из того, что есть τόδε τι (это вот) (11, 15), ни одна из обычных οὐσία, которые все имеют возникновение и уничтожение (III, 5, 11; XI, 2, 19), а значит, содержат материю и неспособны к ὀρισμός (определению). Поэтому, чтобы понятие οὐσία обрело реальность, необходимо выйти за пределы области αἰσθηταὶ οὐσία (чувственных существей) (11, 19–20) и потребовать такую οὐσία, которая есть чистое τί ἦν εἶναι, чистая форма без материи (11, 15), единичное бытие и одновременно познаваемое. Единственная подлинная οὐσία, истинное πρῶτως καὶ ἀπλῶς ὄν — это божество. Бог есть οὐσία καθ' ἑξοχήν (сущность по преиму-

шеству), реальное ὄν ἰστό (сущее поистине), которое ищет метафизика. Таким образом, идея Бога является темой, целью и движущим мотивом всей аристотелевской метафизики: по отношению к этой идее седьмая книга, сколь важной она ни является сама по себе, как и вся остальная метафизика, имеет значение лишь подготовительного исследования и негативного обоснования (ср. особенно 11, 20 и примеч. к этому месту).

Из сказанного вдвойне ясно, почему для Аристотеля метафизика есть θεολογική (теологическая).

Комментарии к главам 1 — 3

Понятие οὐσία.

Понятие сущего употребляется в нескольких значениях, но в истинном смысле оно применимо только к «чтойности» (τὸ τί ἔστιν) или к тому, что есть единичная сущность (τὸ πρῶτον ὄν — первично сущее, означающее οὐσία). Все-му остальному имя «сущего» принадлежит лишь постольку, поскольку оно присуще этому истинно сущему — единичной сущности — как качественное, количественное или иное модусное определение (1, 2. 4).

Можно поэтому поставить вопрос: является ли ходьба, сидение и тому подобное сущим или не-сущим, поскольку оно не существует без субъекта, лежащей в основе οὐσία (т. е. без идущего, сидящего и т. д.), а значит, не самостоятельно (καθ' αὐτὸ πεφυκός, χωριστόν), а существует лишь в другом (§5). Если, таким образом, ходьба и сидение сказывают-

ся о ходящем и сидящем субъекте, но не наоборот (т. е. сам субъект — носитель предикатов — не сказывается о них), то ясно, что первичное бытие принадлежит единичному существу, о котором сказывается всё остальное и благодаря которому это остальное существует (*διὰ τὴν οὐσίαν κἀκείνων [τῶν κατηγορημάτων] ἕκαστόν ἐστιν*), тогда как всему прочему — бытие производное. Таким образом, *τὸ πρῶτως ὄν καὶ ὄν ἀπλῶς* («первично сущее и просто сущее») — это *οὐσία καὶ τὸ καθ' ἕκαστον* («сущность и единичное») (§6. 7).

Правда, и понятие *πρῶτως ὄν* («первично сущего») употребляется в разных значениях: нечто может быть первым для познающего субъекта (*γνώσει*), по понятию (*λόγῳ*) или во времени (*χρόνῳ*). Однако *οὐσία* является первым во всех трёх отношениях:

1. «Во времени (*φύσει*)», ибо ни один предикат не может быть представлен как самостоятельное единичное бытие (*χωριστόν*), только *οὐσία*; следовательно, она — предпосылка своих предикатов (§8).

2. «По понятию (*λόγῳ*)», ибо в понятии каждой вещи должно содержаться понятие её реальности; знать — значит постичь «чтойность» вещи (§9. 10).

После того как выяснилось, что вопрос *τί τὸ ὄν* («что есть сущее?») точнее следует формулировать как *τίς ἡ οὐσία* («что есть сущность?»), возникает дальнейший вопрос: что же такое *οὐσία*? (§12).

На этот вопрос даются противоречивые ответы, особенно прежними философами (1, 11; 2, 7). Аристотель упоминает здесь пифагорейцев (§3), Платона (§4), Спевсиппа (§5) и других академиков (§6).

Однако если вспомнить, что производное бытие принадлежит тому, что не обладает самостоятельной реальностью, а существует лишь в другом и сказывается о нём как предикат, тогда как первичное бытие — тому, что самостоятельно, не находится в другом и не сказывается о нём, то мы можем предварительно определить οὐσία как то, что не сказывается о другом субъекте, но о чём сказывается всё остальное (τὸ μὴ καθ' ὑποκειμένου ἀλλὰ καθ' οὗ τὰ ἄλλα, 3, 2. 6), то есть как безусловный субъект или носитель предикатов, никогда не становящийся предикатом.

Таким ὑποκείμενον («подлежащим») можно считать либо материю (например, медь), либо форму (идеал статуи), либо составное из обоих, τὸ σύνολον (готовую статую) (§3. 4). Однако кратко покажем, что материя, по крайней мере из этих трёх, не является искомым πρῶτον ὑποκείμενον («первичным подлежащим») или οὐσία.

Действительно, можно было бы счесть, что приведённое определение οὐσία вполне применимо к материи (ὑλη). Если от вещей отнять все качественные и количественные определения (длину, ширину, высоту и т. д.), то ничего не останется; следовательно, лишённая количества и качества материя, поскольку она сама не сказывается ни о чём другом,

тогда как всё другое сказывается о ней, казалось бы, более всего соответствует понятию οὐσία (3, 7–13).

Однако οὐσία, прежде всего, обладает тем свойством, что её можно указать как определённое единичное бытие, как «это» (τὸ χωριστὸν καὶ τὸ τόδε τι ὑπάρχειν δοκεῖ μάλιστα τῇ οὐσίᾳ). Поэтому форма и составное из формы и материи (τὸ σύνολον, о чём позже) гораздо больше могут претендовать на звание οὐσία, нежели материя (§14).

Таким образом, исследуя τίς ἢ οὐσία («что есть сущность?»), мы должны в первую очередь рассмотреть форму (τὸ εἶδος) или «чтойность» (τὸ τί ἐστι) (§15. 16).

Глава 1.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1028a 10 – 1028b 7).

1028a 10 Τὸ ὄν λέγεται πολλαχῶς, καθάπερ διειλόμεθα πρότερον ἐν τοῖς περὶ τοῦ ποσαχῶς· σημαίνει γὰρ τὸ μὲν τί ἐστι καὶ τότε τι, τὸ δὲ ποιὸν ἢ ποσὸν ἢ τῶν ἄλλων ἕκαστον τῶν οὕτω κατηγορουμένων.

1028a 13 Τοσαυταχῶς δὲ λεγομένου τοῦ ὄντος φανερόν ὅτι τούτων πρῶτον ὄν τὸ τί ἐστίν, ὅπερ σημαίνει τὴν οὐσίαν.

1028a 15 Ὅταν μὲν γὰρ εἴπωμεν ποιόν τι τότε, ἢ ἀγαθὸν λέγομεν ἢ κακόν, ἀλλ' οὐ τρίπηχυ ἢ ἄνθρωπον· ὅταν δὲ τί ἐστίν, οὐ λευκὸν οὐδὲ θερμὸν οὐδὲ τρίπηχυ, ἀλλὰ ἄνθρωπον ἢ θεόν.

1028a 18 Τὰ δ' ἄλλα λέγεται ὄντα τῷ τοῦ οὕτως ὄντος τὰ μὲν ποσότητες εἶναι, τὰ δὲ ποιότητες, τὰ δὲ πάθη, τὰ δὲ ἄλλο τι.

1028a 20 Διὸ κἂν ἀπορήσειέ τις πότερον τὸ βαδίζειν καὶ τὸ ὑγιαίνειν καὶ τὸ καθῆσθαι ἕκαστον αὐτῶν ὄν σημαίνει, ὁμοίως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὅπου οὖν τῶν τοιούτων· οὐδὲν γὰρ αὐτῶν ἐστίν οὔτε καθ' αὐτὸ πεφυκὸς οὔτε χωρίζεσθαι δυνατὸν τῆς οὐσίας, ἀλλὰ μᾶλλον, εἴπερ, τὸ βαδίζον τῶν ὄντων καὶ τὸ καθήμενον καὶ τὸ ὑγιαῖνον.

1028a 25 Ταῦτα δὲ μᾶλλον φαίνεται ὄντα, διότι ἔστι τι τὸ ὑποκείμενον αὐτοῖς ὠρισμένον (τοῦτο δ' ἐστὶν ἡ οὐσία καὶ τὸ

καθ' ἕκαστον) ὅπερ ἐμφαίνεται ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῇ τοιαύτῃ· τὸ ἀγαθὸν γὰρ ἢ τὸ καθήμενον οὐκ ἄνευ τούτου λέγεται.

1028a 28 Δῆλον οὖν ὅτι διὰ ταύτην κἀκείνων ἕκαστον ἔστιν, ὥστε τὸ πρῶτως ὄν καὶ οὐ τί ὄν ἀλλ' ὄν ἀπλῶς ἢ οὐσία ἄν εἴη.

1028a 30 Πολλαχῶς μὲν οὖν λέγεται τὸ πρῶτον· ὅμως δὲ πάντως ἢ οὐσία πρῶτον, καὶ λόγῳ καὶ γνώσει καὶ χρόνῳ. Τῶν μὲν γὰρ ἄλλων κατηγορημάτων οὐθὲν χωριστόν, αὕτη δὲ μόνη· καὶ τῷ λόγῳ δὲ τοῦτο πρῶτον (ἀνάγκη γὰρ ἐν τῷ ἐκάστου λόγῳ τὸν τῆς οὐσίας ἐνυπάρχειν)· καὶ εἰδέναι δὲ τότε οἰόμεθα ἕκαστον μάλιστα, ὅταν τί ἐστιν ὁ ἄνθρωπος γνῶμεν ἢ τὸ πῦρ, μᾶλλον ἢ τὸ ποιὸν ἢ τὸ ποσὸν ἢ τὸ πού, ἐπεὶ καὶ αὐτῶν τούτων τότε ἕκαστον ἴσμεν, ὅταν τί ἐστὶ τὸ ποσὸν ἢ τὸ ποιὸν γνῶμεν.

1028a 35 – 1028b 2 Καὶ δὴ καὶ τὸ πάλαι τε καὶ νῦν καὶ ἀεὶ ζητούμενον καὶ ἀεὶ ἀπορούμενον, τί τὸ ὄν, τοῦτό ἐστι τίς ἢ οὐσία (τοῦτο γὰρ οἱ μὲν ἐν εἶναι φασιν οἱ δὲ πλείω ἢ ἔν, καὶ οἱ μὲν πεπερασμένα οἱ δὲ ἄπειρα), διὸ καὶ ἡμῖν καὶ μάλιστα καὶ πρῶτον καὶ μόνον ὡς εἰπεῖν περὶ τοῦ οὕτως ὄντος θεωρητέον τί ἐστὶν.

Комментарий к Главе 1 Книги VII «Μεταφίзики» Аристотеля.

Сущность как первое сущее: обоснование первичности.

I. Основные тезисы главы и их разъяснение.

Глава открывает центральную книгу «Метафизики» и ставит ее главный вопрос: вопрос о сущности (οὐσία). Аристотель не просто начинает новое исследование, но, отталкиваясь от учения о многозначности сущего, фокусирует философский поиск на его первичном и основном значении.

1. Многозначность сущего и выделение сущности (§§1–2). Аристотель напоминает, что сущее (τὸ ὄν) сказывается во многих значениях (πολλαχῶς). Это было детально разобрано ранее (книга V, гл. 7). Все эти значения перечисляются: «что именно» (τί ἐστί), «вот это» (τόδε τι), качество, количество, и т.д. Среди всего этого многообразия первым (πρῶτον) является «что именно», и этот вопрос как раз и направлен на сущность.

2. Аргумент от предикации (§§3–7). Аристотель демонстрирует первичность сущности через анализ структуры высказывания. Когда нас спрашивают о чем-либо, вопрос «каково это?» (ποῖόν τι) и вопрос «что это есть?» (τί ἐστί) требуют принципиально разных ответов. На первый вопрос мы отвечаем предикатами качества: «хороший», «белый», «трехлоктевой». На второй — указываем на саму вещь: «человек», «бог».

· **Онтологический вывод:** Все остальные предикаты (качества, количества, состояния) не существуют «сами по

себе» (καθ' αὐτὸ πεφυκός). «Ходьба» не существует как отдельная вещь, а существует «идуший человек». Именно этот «идуший» (τὸ βαδίζον) в первую очередь и есть сущее, поскольку за ним стоит определенный субстрат (ὑποκειμένον ὄρισμένον). Этим субстратом и является сущность — τὸ καθ' ἑκάστον (единичное). Все остальные категории существуют лишь постольку, поскольку относятся к этому субстрату.

· **Финальная формула:** Таким образом, первичное сущее (πρώτως ὄν), сущее не в каком-то отношении, а в безусловном смысле (ὄν ἀπλῶς), — это именно сущность (ἡ οὐσία). Она есть условие возможности бытия и высказывания для всего остального.

3. Три аспекта первичности (§§8–10). Первичность сущности не просто декларируется, но анализируется в трех фундаментальных аспектах:

· **Первичность по понятию (λόγῳ):** В определение любой вещи (например, «белого человека») уже должно входить определение сущности («человека»). Нельзя определить привходящий признак, не определив его носителя.

· **Первичность по познанию (γνώσει):** Мы считаем, что действительно знаем вещь лишь тогда, когда знаем ее суть (τί ἐστίν). Знать, *какого* размера Сократ, мы можем, только зная, *кто* он такой.

· **Первичность по времени (χρόνῳ):** Только сущность может существовать отдельно (χωριστόν). Качество, количе-

ство и прочие категории не обладают самостоятельным существованием. Способность существовать отдельно — исключительная привилегия сущности.

4. Основной вопрос философии (§§11–12). Глава завершается формулировкой того, что является главным предметом исследования всей первой философии. Вопрос, который искони занимал философов — τί τὸ ὄν (что есть сущее?) — Аристотель переформулирует в более строгий и конкретный вопрос: τίς ἡ οὐσία (что есть сущность?). Именно этот вопрос становится программой всей книги Z.

II. Философско-грамматический анализ.

В этой главе Аристотель использует язык как точный инструмент для вскрытия онтологической структуры реальности. Грамматика здесь не просто оформляет мысль, но и является ее проводником.

1. Анафора и фокус: τὸ μὲν... τὸ δὲ... (§§1–2). Текст начинается с четкой структуры перечисления: σημαίνει γὰρ τὸ μὲν τί ἐστὶ..., τὸ δὲ ποῖόν ἢ ποσόν.... Союз μὲν... δὲ не просто соединяет части, а сразу же задает иерархию, отделяя сущность (τί ἐστὶ) как нечто особое от всего остального списка категорий. Это грамматическое разделение является предвосхищением главного тезиса о первичности сущности.

2. Грамматика вопроса как онтологический тест (§3). Оппозиция двух типов вопроса — ποῖόν τι τόδε; (како-

во вот это?) и τί ἐστίν; (что это есть?) — является ключевой. Сам синтаксис вопроса диктует тип ответа. ποῖόν τι (какого качества) требует прилагательного или его эквивалента в ответе, указывая на признак. τί (что) — требует существительного в именительном падеже, указывая на саму вещь, на субъект. Дважды повторенный ἀλλ' οὐ (но не...) — ἀλλ' οὐ τρίτην ἢ ἄνθρωπον и οὐ λευκὸν οὐδὲ θερμὸν οὐδὲ τρίτην, ἀλλὰ ἄνθρωπον ἢ θεόν — выполняет функцию очищения: он последовательно отсекает все категориальные предикаты, чтобы «обнажить» искомую сущность.

3. Парадокс предикации и субстантивация причастий (§§5–6). Один из самых блестящих грамматических ходов Аристотеля.

· **Исходная проблема:** τὸ βαδίζειν (ходьба) и τὸ ὑγιαίνειν (здоровье) — субстантивированные инфинитивы, представляющие действие или состояние *как если бы они были* самостоятельными сущностями. Но это иллюзия языка.

· **Языковое решение:** Аристотель предлагает говорить не τὸ βαδίζειν, а τὸ βαδίζον (идушее), не τὸ ὑγιαίνειν, а τὸ ὑγιαῖνον (здоровое, то, что здорово). Замена инфинитива (абстрактного имени процесса) на субстантивированное причастие (βαδίζον — «нечто идушее») кардинально меняет онтологическую картину. Причастие грамматически требует субъекта-носителя. Фраза «нечто идушее» неполна и невозможна без вопроса «а кто/что именно идет?». Так, смена одной грамматической формы на другую обнажает наличие

ὑποκειμένον (под-лежащего, субъекта), без которого предикат невозможен.

· ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῇ τοιαύτῃ: Здесь κατηγορία означает не «категорию» как класс, а сам акт предикации, высказывания. В любом таком высказывании «проступает» (ἐμφαίνεται) сущность, так как, например, «благо» или «сидящее» нельзя помыслить без того, *о чем* они сказываются. Прилагательное «сидящий» грамматически и онтологически «пусто» без существительного.

4. Безусловность сущности: ὄν ἀπλῶς (§7). Итогом рассуждения становится введение термина ὄν ἀπλῶς (сущее просто, безусловно). Этот термин противопоставляется τὶ ὄν (сущее в некотором отношении, «нечто сущее», то есть количество, качество и т.д.). Качество — это не просто сущее, а *такое-то* сущее. Сущность же — само бытие. Грамматическая оппозиция «простое прилагательное» (ἀπλοῦς) vs. «неопределенное местоимение + причастие» (τὶ ὄν) создаст строгую терминологическую пару для выражения фундаментального онтологического различия.

5. Аргумент «логической прозрачности» (§9): ἐνυπάρχειν. Аргумент о первичности в понятии (τῷ λόγῳ πρῶτον) формулируется через глагол ἐνυπάρχειν (существовать внутри). ἀνάγκη γὰρ ἐν τῷ ἐκάστου λόγῳ τὸν τῆς οὐσίας ἐνυπάρχειν (необходимо, чтобы в определении каждой вещи содержалось определение сущности). Это означает, что понятие сущности логически предшествует всем

остальным. Нельзя определить «белизну», не подразумевая «нечто белое». Сущность здесь выступает как непереносимое, грамматически и логически «встроенное» условие всякого иного определения.

6. Текстологические уточнения для точности смысла (§8).

· **πάντως вместо πάντων:** В предложении ὁμῶς δὲ πάντως ἡ οὐσία πρῶτον рукописное чтение πάντων («первое из всех значений») создает тавтологию: и так ясно, что сущность — первое среди смыслов сущего. Конъектура πάντως (во всех отношениях, всецело) является более сильной и осмысленной: Аристотель говорит, что хотя понятие «первого» многозначно, сущность первична *во всех возможных смыслах* этого слова (и по понятию, и по познанию, и по времени). Это чтение подтверждается лучшими манускриптами и контекстом.

· **Отсутствие καὶ φύσει:** Добавление «и по природе» (καὶ φύσει) в некоторых списках является позднейшей вставкой. Как справедливо отмечают комментаторы, первичность «по природе» (или по сущности, τῇ οὐσίᾳ) в логике Аристотеля доказывается через способность существовать отдельно (χωριστόν), что и так уже входит в доказательство первичности по времени.

7. Трансформация главного вопроса философии (§§11–12).

Финальный риторический ход: τί τὸ ὄν... τοῦτο ἐστὶ τίς ἡ οὐσία (вопрос «что есть сущее?»)... это [значит]

«что есть сущность?»). Здесь происходит важнейшая логическая операция — *уточнение вопроса*. Неопределенный артикль τί (что?) заменяется на вопросительное местоимение τίς (кто/что именно?), которое в греческом чаще относится к конкретному лицу или вещи. Это грамматическое смещение подчеркивает переход от поиска абстрактного понятия к поиску конкретного начала, οὐσία как того, что есть поистине.

III. Вывод.

Первая глава книги Z не просто вводит тему сущности, а через серию точных грамматических и логических операций *конструирует* саму проблему. Анализ вопросов, замена инфинитивов на причастия, очистительные отрицания и финальная переформулировка вопроса — все это этапы строгой философской работы, в которой язык выступает не как средство описания, а как метод вскрытия онтологической структуры бытия. Аристотель показывает, что грамматическая структура высказывания о мире уже содержит в себе ключ к пониманию того, что значит «быть» в первичном, безусловном смысле.

Глава 2.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1028b 8 – 1028b 33).

1028b 8 Δοκεῖ δ' ἡ οὐσία ὑπάρχειν φανερώτατα μὲν τοῖς σώμασιν (διὸ τά τε ζῶα καὶ τὰ φυτὰ καὶ τὰ μόρια αὐτῶν οὐσίας εἶναι φαμεν, καὶ τὰ φυσικὰ σώματα, οἷον πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ τῶν τοιούτων ἕκαστον, καὶ ὅσα ἢ μόρια τούτων ἢ ἐκ τούτων ἐστίν, ἢ μορίων ἢ πάντων, οἷον ὁ τε οὐρανὸς καὶ τὰ μόρια αὐτοῦ, ἄστρα καὶ σελήνη καὶ ἥλιος).

1028b 13 πότερον δὲ αὐταὶ μόναι οὐσῖαι εἰσὶν ἢ καὶ ἄλλαι, ἢ τούτων τινὲς ἢ καὶ ἄλλαι, ἢ τούτων μὲν οὐθὲν ἕτεραι δέ τινες, σκεπτέον.

1028b 16 Δοκεῖ δὲ τισὶ τὰ τοῦ σώματος πέρατα, οἷον ἐπιφάνεια καὶ γραμμὴ καὶ στιγμή καὶ μονάς, εἶναι οὐσῖαι, καὶ μᾶλλον ἢ τὸ σῶμα καὶ τὸ στερεόν.

1028b 18 Ἔτι παρὰ τὰ αἰσθητὰ οἱ μὲν οὐκ οἴονται εἶναι οὐδὲν τοιοῦτον, οἱ δὲ πλείω καὶ μᾶλλον ὄντα αἴδια, ὥσπερ Πλάτων τά τε εἶδη καὶ τὰ μαθηματικὰ δύο οὐσίας, τρίτην δὲ τὴν τῶν αἰσθητῶν σωμάτων οὐσίαν,

1028b 22 Σπεύσιππος δὲ καὶ πλείους οὐσίας ἀπὸ τοῦ ἐνὸς ἀρξάμενος, καὶ ἀρχὰς ἐκάστης οὐσίας, ἄλλην μὲν ἀριθμῶν ἄλλην δὲ μεγεθῶν, ἔπειτα ψυχῆς· καὶ τοῦτον δὴ τὸν τρόπον ἐπεκτείνει τὰς οὐσίας.

1028b 25 Ἐνιοὶ δὲ τὰ μὲν εἶδη καὶ τοὺς ἀριθμοὺς τὴν

αὐτὴν ἔχειν φασι φύσιν, τὰ δὲ ἄλλα ἐχόμενα, γραμμὰς καὶ ἐπίπεδα, μέχρι πρὸς τὴν τοῦ οὐρανοῦ οὐσίαν καὶ τὰ αἰσθητά.

1028b 28 Περὶ δὴ τούτων τί λέγεται καλῶς ἢ μὴ καλῶς, καὶ τίνες εἰσὶν οὐσίαι, καὶ πότερον εἰσὶ τινες παρὰ τὰς αἰσθητάς ἢ οὐκ εἰσὶ, καὶ αὗται πῶς εἰσὶ, καὶ πότερον ἔστι τις χωριστὴ οὐσία, καὶ διὰ τί καὶ πῶς, ἢ οὐδεμία, παρὰ τὰς αἰσθητάς, σκεπτέον, ὑποτυπωσαμένοις τὴν οὐσίαν πρῶτον τί ἔστιν.

Глава 2.

[1] Сущность, как кажется, с очевиднейшим образом при-суца телам. Поэтому мы называем сущностями животных, растения и их части, а также физические тела, например, огонь, воду, землю и каждое из подобных [тел], и всё, что есть либо части их, либо состоит из них (из частей ли, или из всех [вместе]), как, например, небо и его части: звёзды, луна и солнце.

[2] Следует же рассмотреть, только ли они сущности, или есть и другие, или некоторые из них [суть сущности], а также и другие, или ни одно из них [не есть сущность], но есть некоторые иные; и существуют ли какие-либо сущности отдельно от чувственных, или нет, и каким образом они существуют, и есть ли какая-либо отделимая сущность, и почему, и как, или же никакой, кроме чувственных.

[3] Некоторым же границы тела, например, поверхность, линия, точка и единица, кажутся сущностями, и притом в

большей мере, чем тело и объёмное [тело].

[4] Далее, одни не думают, что помимо чувственных вещей существует что-либо подобное, другие же [думают, что существует] нечто большее и в большей мере сущее, а именно вечное, — как, например, Платон [признавал] две сущности: идеи и математические предметы, а третьей сущностью [считал] сущность чувственных тел.

[5] Спевсипп же — начиная с единого — [признавал] ещё больше сущностей и для каждой сущности особые начала: одну — для чисел, другую — для величин, затем — для души. И таким образом он расширяет [число] сущностей.

[6] Некоторые же говорят, что идеи и числа имеют одну и ту же природу, а остальное производно от них: линии и плоскости — вплоть до сущности неба и чувственных вещей.

[7] Итак, о том, что в этих [учениях] говорится правильно и что неправильно, какие сущности существуют, есть ли какие-либо сущности помимо чувственных или нет, и каким образом они существуют, и есть ли какая-либо отделимая сущность, и почему, и как, — или же никакой, кроме чувственных, — обо всём этом следует вести исследование, предварительно набросав, что же такое сущность.

Комментарий к Главе 2 Книги VII «Метафизики» Аристотеля.

Диалектический обзор мнений о сущности как под-

I. Основные тезисы главы и их разъяснение.

После того как в первой главе была установлена первичность сущности и сформулирован главный вопрос τίς ἡ οὐσία.;, вторая глава выполняет подготовительную, диалектическую функцию. Аристотель не дает здесь собственных определений, но методично обзорекает существующие мнения (τὰ ἔνδοξα) о том, что считать сущностью, и тем самым очерчивает проблемное поле.

1. «Очевиднейшие» сущности: физические тела (§1). Наиболее очевидным (φανερώτατα) кандидатом на статус сущности являются тела (σώματα): живые существа, растения, их части, а также природные стихии (огонь, вода, земля) и состоящие из них сложные тела, включая небесные светила. Это — эмпирическая, чувственная база для понимания сущности, от которой отталкивается обыденное сознание.

2. Постановка системообразующих вопросов (§2). Сразу после констатации очевидного, Аристотель ставит серию фундаментальных вопросов, которые задают структуру всему последующему исследованию:

- Исчерпывается ли перечень сущностей только этими, чувственными телами?
- Существуют ли, наряду с чувственными, иные, сверхчув-

ственные сущности?

· Если да, то как они существуют?

· Существует ли отделимая ($\chi\omega\rho\iota\sigma\tau\acute{\eta}$) сущность, и если да, то почему и как?

3. Альтернативные мнения о сущности (§§3–6). Аристотель приводит спектр философских учений, расширяющих или отрицающих первое «очевидное» мнение:

· **Пифагорейцы:** Сущности — это границы тела: поверхность, линия, точка, единица. Примечательно, что эти математические объекты мыслятся как «в большей мере сущности» ($\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu$), чем сами физические тела.

· **Натурфилософы (например, Гиппон):** Отрицают существование чего-либо за пределами чувственно воспринимаемого.

· **Платон:** Признает три рода сущностей: 1) Идеи (эйдосы), 2) математические предметы, 3) чувственные тела. Идеи и математические предметы при этом — $\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu \delta\upsilon\nu\tau\alpha \acute{\alpha}\iota\delta\iota\alpha$ (в большей мере сущие и вечные).

· **Спевсипп:** Постулирует еще большее число сущностей, начиная с Единого и вводя особые начала для чисел, величин, души, тем самым «расширяя» ($\epsilon\pi\lambda\epsilon\kappa\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\epsilon\iota$) их ряд.

· **Ксенократ и его последователи:** отождествляют идеи и числа, выводя из них всё остальное: геометрические объекты, небо и чувственные вещи.

4. Финальная программа исследования (§7). Глава завершается сводкой всех поставленных вопро-

сов и главным методологическим требованием: прежде чем решать эти вопросы, необходимо сначала «набросать» (ὑποτιθεσάμενοις), что же такое сущность сама по себе. Это переход от диалектического обзора к строгому понятийному анализу, который и составит содержание последующих глав книги Z.

II. Философско-грамматический анализ.

В этой главе Аристотель выступает не столько как создатель доктрины, сколько как мастер диалектического метода. Язык главы — это инструмент систематизации и проблематизации, где грамматические конструкции точно соответствуют этапам философского поиска.

1. Безличная модальность мнения: Δοκεῖ... (§1, §3). Глава открывается и структурируется глаголом δοκεῖ (кажется, считается). Δοκεῖ δ' ἡ οὐσία ὑπάρχειν φανερώτατα μὲν τοῖς σώμασιν (Сущность, как кажется, с наибольшей очевидностью присуща телам). Это не утверждение самого Аристотеля, а безличная ссылка на «феномены», на то, что дано нашему восприятию и обыденному мнению. Повтор этого глагола в §3 (Δοκεῖ δέ τισι...) с указанием субъекта мнения (τισι — некоторым, пифагорейцам) создает двухуровневую структуру: 1) общепринятое, «самое очевидное»; 2) философски «кажущееся» отдельным школам. Эта грамматическая модальность позволяет Аристотелю дистанцироваться

от излагаемых мнений, превращая их в материал для анализа.

2. Синтаксис исчерпывающего вопроса: альтернативы и дизъюнкции (§2). Вопрос $\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \delta\grave{\epsilon}\ \alpha\tilde{\upsilon}\tau\alpha\ \mu\acute{o}\nu\alpha\iota\ \omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\ \epsilon\iota\sigma\iota\nu\ \grave{\eta}\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\iota,$ $\grave{\eta}\ \tau\acute{o}\upsilon\tau\omega\nu\ \tau\iota\nu\epsilon\varsigma\ \grave{\eta}\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\iota,$ $\grave{\eta}\ \tau\acute{o}\upsilon\tau\omega\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \omicron\upsilon\theta\grave{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\alpha\iota\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\iota\nu\epsilon\varsigma;$ (Только ли они сущности, или и другие, или некоторые из них и также другие, или ни одно из них, но иные?) — это грамматический шедевр диалектического метода. Союз $\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\dots\ \grave{\eta}\dots\ \grave{\eta}\dots\ \grave{\eta}\dots$ создает не просто дизъюнкцию, а исчерпывающую логическую матрицу всех возможных комбинаций. Аристотель перебирает варианты:

1. Только эти (чувственные тела).
2. Эти + другие.
3. Некоторые из этих + другие.
4. Ни эти, а совсем другие. Такая форма вопроса не оставляет места для неопределенности и принудительно задает карту будущего исследования.

3. Грамматика различения: $\mu\alpha\rho\acute{\alpha}\ \tau\grave{\alpha}\ \alpha\iota\sigma\theta\eta\tau\acute{\alpha}\ \kappa\alpha\iota\ \mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu\ \omicron\upsilon\tau\alpha$ (§4). В изложении платоновского учения ключевыми являются две конструкции:

· $\mu\alpha\rho\acute{\alpha}\ \tau\grave{\alpha}\ \alpha\iota\sigma\theta\eta\tau\acute{\alpha}$ (помимо/наряду с чувственными): Предлог $\mu\alpha\rho\acute{\alpha}$ с аккузативом здесь имеет значение «сверх», «в дополнение к». Это точное грамматическое выражение для онтологического дуализма: идеи и математические предметы существуют не *в* вещах, а *наряду* с ними.

· $\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu$ ὄντα αἰδία (в большей мере сущие, вечные): Сравнительная степень причастия ὄντα (сущие) — $\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu$ (больше, в большей мере) — вводит онтологическую градацию. Идеи не просто «существуют», они обладают *большей степенью бытия*, чем чувственные вещи, так как они вечны и неизменны.

4. Терминологическая точность и историко-философские различия (§§5–6). При описании позиций Спевсиппа и Ксенократа Аристотель использует предельно точную лексику для маркировки различий внутри Академии:

· **Спевсипп:** καὶ πλείους οὐσίας (и *ещё больше* сущностей), ἀπὸ τοῦ ἐνὸς ἀρξάμενος (начав от Единого), ἐκάστης οὐσίας ἄλλην ἀρχήν (для *каждого* [рода] сущности — *особое* начало). Глагол ἐπλεκτείνει (расширяет, растягивает) указывает на метод Спевсиппа — последовательное порождение всё новых рядов сущностей.

· **Ксенократ:** τὰ μὲν εἶδη καὶ τοὺς ἀριθμοὺς τὴν αὐτὴν ἔχειν φασὶ φύσιν (говорят, что эйдосы и числа имеют *одну и ту же* природу). Акцент на τὴν αὐτὴν φύσιν (одну и ту же природу) проводит четкую границу со Спевсиппом, у которого начала для каждого рода — разные (ἄλλην). Глагол ἔχονται (примыкают, следуют) описывает строгую иерархию производных сущностей у Ксенократа — линии, плоскости и т.д. «примыкают» к числам-идеям как к своему началу.

5. Синтаксис программы: нанизывание вопросов

и методологический приоритет (§7). Финальный параграф представляет собой один длинный период, состоящий из цепочки косвенных вопросов, вводимых τί..., πότερον..., πῶς..., διὰ τί.... Это нанизывание (περὶ τούτων τί λέγεται..., καὶ τίνες εἰσὶν..., καὶ πότερον..., καὶ πῶς..., καὶ πότερον..., καὶ διὰ τί..., ἦ...) создает мощный эффект «повестки дня». Исследовательская программа разворачивается прямо в синтаксисе. Завершается этот период решающим методологическим оборотом — родительным независимым (Genetivus absolutus): ὑποτυπωσαμένοις τὴν οὐσίαν πρῶτον τί ἐστὶν (предварительно набросав, что же такое сущность). Причастие аориста ὑποτυπωσαμένοις (от ὑποτυποῦσθαι — делать набросок, эскиз) указывает на действие, которое должно быть совершено *до* ответа на все поставленные вопросы. Грамматическая конструкция абсолютного причастия ставит это методологическое требование вне спора: оно является условием, при котором только и возможно двигаться дальше.

III. Вывод.

Вторая глава книги Z — это образец аристотелевской диалектики. Грамматически она строится на оппозиции безличного «кажется» (δοκεῖ), отражающего сферу мнений, и жесткой логики альтернативных вопросов (πότερον... ἦ...), задающих структуру будущего доказательства. Точный под-

бор терминов (πλείους, ἄλλην, τὴν αὐτὴν φύσιν, ἐχόμενα) позволяет Аристотелю не просто перечислить чужие доктрины, но и провести между ними строгие различительные линии. Финальный переход к родительному независимому (ὑποτυπωσαμένοις) знаменует собой важнейший методологический сдвиг: от собирания и упорядочивания «кажимостей» к строгому понятийному анализу, который требует сначала «набросать» (ὑποτυποῦν) суть самой сущности. Эта глава, таким образом, не сообщает истину, но лингвистически и логически *готовит почву* для ее поиска.

Глава 3.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1028b 33 – 1029a 34).

1028b 33 Λέγεται δ' ἡ οὐσία, εἰ μὴ πλεοναχῶς, ἀλλ' ἐν τέτταρσί γε μάλιστα· καὶ γὰρ τὸ τί ἦν εἶναι καὶ τὸ καθόλου καὶ τὸ γένος οὐσία δοκεῖ εἶναι ἐκάστου, καὶ τέταρτον τούτων τὸ ὑποκείμενον.

1028b 35 – 1029a 1 Τὸ δ' ὑποκείμενόν ἐστι καθ' οὗ τὰ ἄλλα λέγεται, ἐκεῖνο δὲ αὐτὸ μηκέτι κατ' ἄλλου· διὸ πρῶτον περὶ τούτου διοριστέον· μάλιστα γὰρ δοκεῖ εἶναι οὐσία τὸ ὑποκείμενον πρῶτον.

1029a 2 Τοιοῦτον δὲ τρόπον μὲν τινα ἢ ὕλη λέγεται, ἄλλον δὲ τρόπον ἢ μορφή, τρίτον δὲ τὸ ἐκ τούτων (λέγω δὲ τὴν μὲν ὕλην οἷον τὸν χαλκόν, τὴν δὲ μορφήν τὸ σχῆμα τῆς ιδέας, τὸ δ' ἐκ τούτων τὸν ἀνδριάντα τὸ σύνολον), ὥστε εἰ τὸ εἶδος τῆς ὕλης πρότερον καὶ μᾶλλον ὄν, καὶ τοῦ ἐξ ἀμφοῖν πρότερον ἔσται διὰ τὸν αὐτὸν λόγον.

1029a 7 Νῦν μὲν οὖν τύπῳ εἴρηται τί ποτ' ἐστὶν ἡ οὐσία, ὅτι τὸ μὴ καθ' ὑποκειμένου ἀλλὰ καθ' οὗ τὰ ἄλλα· δεῖ δὲ μὴ μόνον οὕτως· οὐ γὰρ ἰκανόν· αὐτὸ γὰρ τοῦτο ἄδηλον, καὶ ἔτι ἡ ὕλη οὐσία γίγνεται.

1029a 10 Εἰ γὰρ μὴ αὕτη οὐσία, τίς ἐστὶν ἄλλη διαφεύγει· περιαιρουμένων γὰρ τῶν ἄλλων οὐ φαίνεται οὐδὲν ὑπομένον· τὰ μὲν γὰρ ἄλλα τῶν σωμάτων πάθη καὶ

ποιήματα καὶ δυνάμεις, τὸ δὲ μῆκος καὶ πλάτος καὶ βάθος ποσότητές τινες ἄλλ' οὐκ οὐσίαι (τὸ γὰρ ποσὸν οὐκ οὐσία), ἀλλὰ μᾶλλον ᾧ ὑπάρχει ταῦτα πρῶτω, ἐκεῖνὸ ἐστὶν οὐσία.

1029a 14 Ἄλλὰ μὴν ἀφαιρουμένου μήκους καὶ πλάτους καὶ βάθους οὐδὲν ὀρώμεν ὑπολειπόμενον, πλὴν εἴ τί ἐστι τὸ ὀριζόμενον ὑπὸ τούτων, ὥστε τὴν ὕλην ἀνάγκη φαίνεσθαι μόνην οὐσίαν οὕτω σκοπούμενοις.

1029a 18 Λέγω δ' ὕλην ἢ καθ' αὐτὴν μήτε τί μήτε ποσὸν μήτε ἄλλο μηδὲν λέγεται οἷς ὥρισταί τὸ ὄν. Ἔστι γὰρ τι καθ' οὗ κατηγορεῖται τούτων ἕκαστον, ᾧ τὸ εἶναι ἕτερον καὶ τῶν κατηγοριῶν ἑκάστη (τὰ μὲν γὰρ ἄλλα τῆς οὐσίας κατηγορεῖται, αὕτη δὲ τῆς ὕλης), ὥστε τὸ ἔσχατον καθ' αὐτὸ οὔτε τί οὔτε ποσὸν οὔτε ἄλλο οὐδὲν ἐστὶν· οὐδὲ δὴ αἱ ἀποφάσεις, καὶ γὰρ αὗται ὑπάρξουσι κατὰ συμβεβηκός.

1029a 24 Ἐκ μὲν οὖν τούτων θεωροῦσι συμβαίνει οὐσίαν εἶναι τὴν ὕλην· ἀδύνατον δέ· καὶ γὰρ τὸ χωριστὸν καὶ τὸ τότε τι ὑπάρχειν δοκεῖ μάλιστα τῇ οὐσίᾳ, διὸ τὸ εἶδος καὶ τὸ ἐξ ἀμφοῖν οὐσία δόξειεν ἂν εἶναι μᾶλλον τῆς ὕλης.

1029a 28 Τὴν μὲν τοίνυν ἐξ ἀμφοῖν οὐσίαν, λέγω δὲ τὴν ἕκ τε τῆς ὕλης καὶ τῆς μορφῆς, ἀφετέον, ὑστέρα γὰρ καὶ δήλη· φανερὰ δὲ πως καὶ ἡ ὕλη· περὶ δὲ τῆς τρίτης σκεπτέον, αὕτη γὰρ ἀπορωτάτη.

1029a 32 Ὁμολογοῦνται δ' οὐσίαι εἶναι τῶν αἰσθητῶν τινές, ὥστε ἐν ταύταις ζητητέον πρῶτον.

Глава 3.

[1] Сущность сказывается, если уж не во многих [значе-

ниях], то, во всяком случае, в четырёх главнейших: ибо и суть бытия, и общее, и род считаются сущностью каждой вещи, а четвёртый среди них — субъект.

[2] Субъект же есть то, о чём сказывается всё остальное, само же оно уже не сказывается ни о чём другом. Поэтому прежде всего следует определить [понятие] о нём: ведь первичный субъект, по-видимому, в наибольшей мере есть сущность.

[3] А таким [субъектом] в одном смысле называется материя, в другом — форма, в третьем — то, что из них [состоит]. (Я называю материей, например, медь, формой — очертание [статуи] как образ, а то, что из них, — статую, [т.е.] совокупность.) Так что если форма первее материи и более есть сущее, то и по той же причине она будет первее того, что состоит из обоих.

[4] Итак, в общих чертах сказано, что такое сущность: а именно то, что [предицируется] не о субъекте, но о чём сказывается всё остальное. Однако не следует определять [её] только так, ибо этого недостаточно. Ведь само это [определение] неясно, и, кроме того, материя при [таком подходе] становится сущностью.

[5] В самом деле, если материя не есть сущность, то ускользает, что же ещё [может ею быть]. Ведь когда отнимается всё остальное, не оказывается ничего сохраняющегося. В самом деле, прочее в телах — состояния, порождения и способности; длина же, ширина и глубина — некоторые ко-

личества, но не сущности (ибо количество не есть сущность); но скорее то, чему они присущи как первичному, и есть сущность.

[6] Однако если отнять длину, ширину и глубину, мы не видим ничего остающегося, разве только если есть нечто, определяемое ими. Так что с этой точки зрения материя по необходимости оказывается единственной сущностью.

[7] Я называю материей то, что само по себе не сказывается ни как «нечто», ни как количество, ни как что-либо иное из того, чем определяется сущее. Ведь есть нечто, о чём сказывается каждое из этих [определений], но чьё бытие иное, нежели [бытие] каждой из категорий: ибо всё остальное сказывается о сущности, а она — о материи. Так что последнее само по себе не есть ни «нечто», ни количество, ни что-либо иное. Также и отрицания [не есть сущность], ибо и они будут присущи [ей] лишь привходящим образом.

[8] Итак, с этой точки зрения выходит, что сущность есть материя. Но это невозможно: ведь отделимость и быть «вот этим» — как кажется — присущи сущности в наибольшей мере; поэтому форма и то, что состоит из обоих, по-видимому, есть сущность в большей степени, нежели материя.

[9] Итак, сущность, состоящую из обоих (я имею в виду из материи и формы), следует оставить в стороне, ибо она более поздняя и очевидная; материя же в некотором смысле тоже очевидна; о третьей же [сущности] следует вести исследование, ибо она вызывает наибольшее затруднение.

[10] Согласны же, что некоторые из чувственных [вещей] суть сущности; так что следует искать прежде всего среди них.

Анализ главы 3 книги VII «Метафизики»: Грамматика как двигатель онтологического расследования.

Эта глава — один из ключевых моментов «Метафизики», где Аристотель, отталкиваясь от наиболее очевидного кандидата на роль сущности — субъекта (ὕποκειμένον), — через серию логических и грамматических операций приходит к апории, вынуждающей пересмотреть исходные позиции. Движение мысли здесь неотделимо от движения языка.

I. Исходный тезис и его грамматическое основание (§§1–2).

Аристотель начинает с перечисления четырех основных «мнений» (δοκεῖ) о сущности: суть бытия, общее, род и субъект. Сразу же выделяется четвертый кандидат: Τὸ δ' ὑποκειμένον ἐστὶ καθ' οὗ τὰ ἄλλα λέγεται, ἐκεῖνο δὲ αὐτὸ μηκέτι κατ' ἄλλου.

Грамматический анализ конструкции: Определение субъекта дается через строгую синтаксическую формулу,

описывающую структуру предикации:

· καθ' οὗ τὰ ἄλλα λέγεται (о чем сказывается всё остальное) — придаточное предложение с предлогом κατὰ + родительный падеж, указывающее на логический «субъект» высказывания, на то, что «под-лежит» предикатам.

· ἐκεῖνο δὲ αὐτὸ μηκέτι κατ' ἄλλου (само же оно уже не [сказывается] ни о чем другом) — здесь эллипсис глагола λέγεται создает эффект окончательности. Субъект — это последняя точка, предел предикации. Грамматическая конструкция μηκέτι (уже не, больше не) с родительным падежом (κατ' ἄλλου) подчеркивает, что процесс «сказывания о» здесь обрывается.

Скрытый аргумент: Сам синтаксис языка, где есть подлежащее (ὑποκείμενον) и сказуемое (κατηγορούμενον), рассматривается Аристотелем как отражение онтологической структуры. То, что в предложении является грамматическим субъектом и не может стать предикатом, и есть первый кандидат на роль сущности в реальности. Аргумент от языка здесь обладает огромной убедительной силой: он апеллирует к базовой интуиции каждого говорящего.

II. Трехчастная структура субъекта и первая грамматическая ловушка (§§3–5).

Субъект, однако, сам оказывается неоднозначным: Τοιοῦτον δὲ τρόπον μὲν τινα ἢ ὕλη λέγεται, ἄλλον δὲ τρόπον

ἢ μορφῆ, τρίτον δὲ τὸ ἐκ τούτων

Механизм различения: Аристотель вводит три модуса бытия субъектом (τρόπον μὲν τινα... ἄλλον δὲ... τρίτον δὲ...). Эта тройная структура не симметрична. Сразу же вводится аксиома о первичности формы: ὥστε εἰ τὸ εἶδος τῆς ὕλης πρότερον καὶ μᾶλλον ὄν, καὶ τοῦ ἐξ ἀμφοῖν πρότερον ἔσται διὰ τὸν αὐτὸν λόγον.

Грамматика онтологического неравенства: Условное предложение (εἰ...) с формой настоящего времени (ἐστὶ — есть) вводит логическую предпосылку, которая пока не доказана, но подается как очевидная. Сравнительная степень πρότερον (первее) и μᾶλλον ὄν (в большей мере сущее) вводит фундаментальную для Аристотеля аксиологическую и онтологическую шкалу: форма обладает приоритетом бытия.

Текстологическое уточнение как ключ к аргументу: Чтение τὸ ἐξ ἀμφοῖν (а не τοῦ ἐξ ἀμφοῖν) является решающим. Аристотель хочет сказать, что *форма* (εἶδος) первее не только материи, но и составного целого (τὸ σύνολον). Это логически необходимо для дальнейшего: если бы составное было первее, оно было бы главным кандидатом в сущности. Но Аристотель с самого начала, через грамматически выделенную позицию формы, готовит почву для вывода, что именно она является искомой οὐσία.

III. Аналитический метод и грамматика «отнятия» (§§5–8).

Это центральная и самая драматичная часть главы. Аристотель применяет мысленный эксперимент «отнятия» всех предикатов, чтобы увидеть, что останется в качестве чистого субъекта.

Лексика и синтаксис редукции:

· περιαιρουμένων γὰρ τῶν ἄλλων (когда отнимается всё остальное) — Genetivus absolutus, создающий образ методичного, послынного удаления свойств.

· οὐ φαίνεται οὐδὲν ὑπομένον (не оказывается ничего сохраняющегося) — двойное отрицание (οὐ... οὐδὲν) усиливает драматизм: мы ожидаем найти нечто, но не находим *ничего*.

· Серия отрицаний: τὰ μὲν γὰρ ἄλλα... πάθη... ποσότητές τινες ἄλλ' οὐκ οὐσίαι (всё остальное — состояния... некоторые количества, но не сущности). Категории одна за другой отменяются как не-сущности.

Кульминация апории: ἀλλὰ μὴν ἀφαιρουμένου μήκους καὶ πλάτους καὶ βάρους οὐδὲν ὁρῶμεν ὑπολειπόμενον, πλὴν εἴ τί ἐστι τὸ ὀριζόμενον ὑπὸ τούτων (Однако, по отнятии длины, ширины и глубины, мы не видим ничего остающегося, разве только если есть нечто, определяемое [ограничиваемое] ими).

Здесь язык подводит нас к краю бездны. Глагол ὀρῶμεν (мы видим) апеллирует к воображению, к наглядности. Остаток, если он есть, невидим и немислим. Это «нечто» (τί), определяемое измерениями, и есть материя. Уступительная частица πλὴν εἰ (разве только если) вводит этот остаток как гипотетическую, почти невероятную возможность.

Апофатическое определение материи (§7): Λέγω δ' ὕλην ἢ καθ' αὐτὴν μήτε τι μήτε ποσὸν μήτε ἄλλο μηδὲν λέγεται οἷς ὄρισται τὸ ὄν. (Я называю материей то, что само по себе не сказывается ни как «нечто», ни как количество, ни как что-либо иное из того, чем определено сущее).

Это определение строится на тотальном отрицании. Повторяющийся союз μήτε... μήτε... μηδὲν (ни... ни... ничто) полностью лишает материю какой-либо категориальной определенности. Грамматически материя оказывается «чистым субъектом», к которому отсылает любое κατηγορεῖται, но который сам по себе невыразим ни в одном позитивном термине. Эта негативная теология материи подготавливает вывод.

IV. Опровержение через критерии сущности (§8).

Ἐκ μὲν οὖν τούτων θεωροῦσι συμβαίνει οὐσίαν εἶναι τὴν ὕλην· ἀδύνατον δέ· (Итак, с этой точки зрения выходит, что сущность есть материя. Но это невозможно).

Синтаксис здесь резко переламывается. Союз $\mu\acute{\epsilon}\nu\ \o\upsilon\breve{\nu}$ подводит итог *reductio ad absurdum*. Затем — категоричное $\alpha\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\tau\omicron\nu\ \delta\acute{\epsilon}$ (но это невозможно). Почему невозможно?

$\kappa\alpha\iota\ \gamma\grave{\alpha}\rho\ \tau\omicron\ \chi\omega\rho\iota\sigma\tau\acute{\omicron}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\ \tau\acute{\omicron}\delta\epsilon\ \tau\iota\ \upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota\nu\ \delta\omicron\kappa\epsilon\iota\ \mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\alpha\ \tau\grave{\eta}\ \omicron\upsilon\sigma\iota\acute{\alpha}$. (Ведь и отделимость, и бытие «вот этим», как кажется, присущи сущности в наибольшей мере).

Аристотель вводит два критерия сущности, которые предъявляются как общепринятые ($\delta\omicron\kappa\epsilon\iota$):

1. $\tau\omicron\ \chi\omega\rho\iota\sigma\tau\acute{\omicron}\nu$ — способность существовать отдельно.
2. $\tau\omicron\ \tau\acute{\omicron}\delta\epsilon\ \tau\iota$ — способность быть «вот этим», конкретным и определенным нечто.

Грамматически они выражены субстантивированными прилагательным ($\chi\omega\rho\iota\sigma\tau\acute{\omicron}\nu$) и указательным местоимением ($\tau\acute{\omicron}\delta\epsilon\ \tau\iota$), то есть самой «указующей» формой языка. Эти критерии становятся тем тестом, который материя не проходит. Она не отделима (не существует сама по себе без формы) и не является «вот этим» (она чистая неопределенность). Следовательно, форма и составное целое — «в большей мере» ($\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu$) сущности, чем материя.

V. Методологический поворот: фиксация главной апории (§§9–10)

$\mu\epsilon\rho\iota\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\grave{\eta}\varsigma\ \tau\rho\iota\tau\eta\varsigma\ \sigma\kappa\epsilon\lambda\tau\acute{\epsilon}\omicron\nu,\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \gamma\grave{\alpha}\rho\ \alpha\lambda\omicron\rho\omega\tau\acute{\alpha}\tau\eta$. (О третьей же [сущности, т.е. форме] следует вести исследование, ибо она вызывает наибольшее затруднение).

Здесь происходит решающая перефокусировка. Составное (τὸ ἕξι ἀμφοῖν) откладывается как «более позднее и очевидное» (ὕστερα γὰρ καὶ δῆλη). Материя также «в некотором смысле очевидна» (φανερὰ δέ πως). Но форма (εἶδος) — это ἀλорωτάτη (вызывающая наибольшую апорию). Превосходная степень прилагательного ἄλорος (трудный, безвыходный) грамматически маркирует форму как самый темный, самый трудный для мышления объект, а значит — самый достойный исследования.

Глава завершается прагматическим указанием: начинать поиск следует с чувственных сущностей (ἐν ταύταις ζητητέον πρῶτον), поскольку относительно их существования все согласны.

Вывод.

Третья глава — это драма мысли, разыгранная в синтаксисе. Аристотель начинает с, казалось бы, надежного определения субъекта как сущности, но затем, через грамматически реализованную процедуру «отнятия» предикатов, приходит к шокирующему выводу: чистый субъект — это бескачественная, неопределенная материя, которая не может быть сущностью. Этот тупик разрушается введением двух новых критериев — «отделимости» и «бытия вот этим», которые действуют как фильтры, отсеивающие материю. В результате форма (εἶδος) оказывается не просто одним из кандидатов,

а самым трудным и главным предметом поиска. Убедительность этого рассуждения зиждется не на внешних доказательствах, а на внутренней логике самого языка: на том, как мы говорим, как мы предсказываем, что мы «видим» в качестве остатка при мысленном устранении всех свойств. Аристотель заставляет сам язык вынести вердикт о недостаточности материи и указать на форму как на подлинный предмет первой философии.

Глава 4.

Оригинальный греческий текст (Bekker, 1029a 34 – 1029b 24).

1029a 34 Ἐπεὶ δ' ἐν ἀρχῇ διειλόμεθα πόσοις ὀρίζομεν τὴν οὐσίαν, καὶ τούτων ἓν τι ἐδόκει εἶναι τὸ τί ἦν εἶναι, θεωρητέον περὶ αὐτοῦ.

1029a 36 – 1029b 1 Πρὸ ἔργου γὰρ τὸ μεταβαίνειν εἰς τὸ γνωριμώτερον. Ἡ γὰρ μάθησις οὕτω γίνεται πᾶσι διὰ τῶν ἥττον γνωρίμων φύσει εἰς τὰ γνώριμα μᾶλλον· καὶ τοῦτο ἔργον ἐστίν, ὥσπερ ἐν ταῖς πράξεσι τὸ ποιῆσαι ἐκ τῶν ἐκάστω ἀγαθῶν τὰ ὅλως ἀγαθὰ ἐκάστω ἀγαθὰ, οὕτως ἐκ τῶν αὐτῶ γνωριμωτέρων τὰ τῇ φύσει γνώριμα αὐτῶ γνώριμα.

1029b 3 Τὰ δ' ἐκάστοις γνώριμα καὶ πρῶτα πολλάκις ἡρέμα ἐστὶ γνώριμα, καὶ μικρὸν ἢ οὐθὲν ἔχει τοῦ ὄντος· ἀλλ' ὅμως ἐκ τῶν φάυλως μὲν γνωστῶν αὐτῶ δὲ γνωστῶν τὰ ὅλως γνωστὰ γνῶναι πειρατέον, μεταβαίνοντας, ὥσπερ εἴρηται, διὰ τούτων αὐτῶν.

1029b 7 Καὶ πρῶτον εἵπωμεν ἕνια περὶ αὐτοῦ λογικῶς, ὅτι ἐστὶ τὸ τί ἦν εἶναι ἐκάστου ὃ λέγεται καθ' αὐτό.

1029b 9 Οὐ γάρ ἐστι τὸ σοὶ εἶναι τὸ μουσικῶ εἶναι· οὐ γὰρ κατὰ σαυτὸν εἶ μουσικός. Ὁ ἄρα κατὰ σαυτὸν.

1029b 11 Οὐδὲ δὴ τοῦτο πᾶν· οὐ γὰρ τὸ οὕτως καθ' αὐτὸ ὡς ἐπιφανεία λευκόν, ὅτι οὐκ ἔστι τὸ ἐπιφανεία εἶναι τὸ

λευκῶ εἶναι. Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τὸ ἐξ ἀμφοῖν, τὸ ἐπιφανεῖα λευκῆ, ὅτι πρόσσεστιν αὐτό.

1029b 13 Ἐν ᾧ ἄρα μὴ ἐνέσται λόγῳ αὐτό, λέγοντι αὐτό, οὗτος ὁ λόγος τοῦ τί ἦν εἶναι ἐκάστω, ὥστ' εἰ τὸ ἐπιφανεῖα λευκῆ εἶναι ἐστι τὸ ἐπιφανεῖα εἶναι λεία, τὸ λευκῶ καὶ λείῳ εἶναι τὸ αὐτὸ καὶ ἓν.

1029b 16 Ἐπεὶ δ' ἔστι καὶ κατὰ τὰς ἄλλας κατηγορίας σύνθετα (ἔστι γάρ τι ὑποκείμενον ἐκάστω, οἷον τῷ ποιῶ καὶ τῷ ποσῶ καὶ τῷ ποτέ καὶ τῷ πού καὶ τῇ κινήσει), σκεπτέον ἄρ' ἔστι λόγος τοῦ τί ἦν εἶναι ἐκάστω αὐτῶν, καὶ ὑπάρχει καὶ τούτοις τὸ τί ἦν εἶναι, οἷον λευκῶ ἀνθρώπῳ [τί ἦν λευκῶ ἀνθρώπῳ].

1029b 19 Ἔστω δὴ ὄνομα αὐτῷ ἱμάτιον. Τί ἐστι τὸ ἱματίῳ εἶναι; Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τῶν καθ' αὐτὸ λεγομένων οὐδὲ τοῦτο.

1029b 21 Ἡ τὸ οὐ καθ' αὐτὸ λέγεται διχῶς, καὶ τούτου ἐστὶ τὸ μὲν ἐκ προσθέσεως τὸ δὲ οὐ. Τὸ μὲν γὰρ τῷ αὐτὸ ἄλλῳ προσκειῖσθαι λέγεται ὃ ὀρίζεται, οἷον εἰ τὸ λευκῶ εἶναι ὀριζόμενος λέγοι λευκοῦ ἀνθρώπου λόγον· τὸ δὲ τῷ ἄλλο αὐτῷ, οἷον εἰ σημαῖνοι τὸ ἱμάτιον λευκὸν ἀνθρωπον, ὃ δὲ ὀρίζοιτο ἱμάτιον ὡς λευκόν.

1029b 25 Τὸ δὴ λευκὸς ἀνθρωπος ἔστι μὲν λευκόν, οὐ μέντοι τί ἦν εἶναι λευκῶ εἶναι.

1029b 26 Ἀλλὰ τὸ ἱματίῳ εἶναι ἄρά ἐστι τί ἦν εἶναί τι [ἦ] ὄλως; Ἡ οὐ; Ὅπερ γὰρ τί ἐστι τὸ τί ἦν εἶναι· ὅταν δ' ἄλλο κατ' ἄλλου λέγῃται, οὐκ ἔστιν ὅπερ τόδε τι, οἷον ὁ λευκὸς ἀνθρωπος οὐκ ἔστιν ὅπερ τόδε τι, εἴπερ τὸ τόδε ταῖς οὐσίαις

ὑπάρχει μόνον· ὥστε τὸ τί ἦν εἶναι ἐστὶν ὅσων ὁ λόγος ἐστὶν ὀρισμός.

1029b 30 Ὅρισμός δ' ἐστὶν οὐκ ἂν ὄνομα λόγῳ ταῦτο σημαίνει (πάντες γὰρ ἂν εἶεν οἱ λόγοι ὄροι· ἔσται γὰρ ὄνομα ὀτρωῦν λόγῳ, ὥστε καὶ ἡ Ἰλιάς ὀρισμός ἔσται), ἀλλ' ἐὰν πρώτου τινὸς ἦ· τοιαῦτα δ' ἐστὶν ὅσα λέγεται μὴ τῷ ἄλλο κατ' ἄλλου λέγεσθαι.

1029b 34 – 1030a 2 Οὐκ ἔσται ἄρα οὐδενὶ τῶν μὴ γένους εἰδῶν ὑπάρχον τὸ τί ἦν εἶναι, ἀλλὰ τούτοις μόνον (ταῦτα γὰρ δοκεῖ οὐ κατὰ μετοχὴν λέγεσθαι καὶ πάθος οὐδ' ὡς συμβεβηκός)· ἀλλὰ λόγος μὲν ἔσται ἐκάστου καὶ τῶν ἄλλων τί σημαίνει, ἐὰν ἦ ὄνομα, ὅτι τότε τῷδε ὑπάρχει, ἢ ἀντὶ λόγου ἀπλοῦ ἀκριβέστερος· ὀρισμός δ' οὐκ ἔσται οὐδὲ τὸ τί ἦν εἶναι.

1030a 2 Ἡ καὶ ὁ ὀρισμός ὥσπερ καὶ τὸ τί ἐστὶ πλεοναχῶς λέγεται; Καὶ γὰρ τὸ τί ἐστὶν ἓνα μὲν τρόπον σημαίνει τὴν οὐσίαν καὶ τὸ τότε τι, ἄλλον δὲ ἕκαστον τῶν κατηγορουμένων, ποσὸν ποιὸν καὶ ὅσα ἄλλα τοιαῦτα.

1030a 5 Ὅσπερ γὰρ καὶ τὸ ἔστιν ὑπάρχει πᾶσιν, ἀλλ' οὐχ ὁμοίως ἀλλὰ τῷ μὲν πρώτως τοῖς δ' ἐπομένως, οὕτω καὶ τὸ τί ἐστὶν ἀπλῶς μὲν τῇ οὐσίᾳ πῶς δὲ τοῖς ἄλλοις· καὶ γὰρ τὸ ποιὸν ἐροίμεθ' ἂν τί ἐστὶν, ὥστε καὶ τὸ ποιὸν τῶν τί ἐστὶν, ἀλλ' οὐχ ἀπλῶς, ἀλλ' ὥσπερ ἐπὶ τοῦ μὴ ὄντος λογικῶς φασί τινες εἶναι τὸ μὴ ὄν, οὐχ ἀπλῶς ἀλλὰ μὴ ὄν, οὕτω καὶ τὸ ποιόν.

Глава 4.

[1] Поскольку в начале мы различали, в скольких значениях мы определяем сущность, и одним из них казалась суть бытия, то следует рассмотреть её.

[2] Ибо полезно перейти к более известному. Ведь всякое научение происходит у всех именно так: через менее известное по природе — к более известному. И задача здесь — подобно тому, как на практике из благ, благих для каждого, делают безусловно благие благими для каждого, — так и из более известного для [самого] субъекта сделать известное по природе известным для субъекта.

[3] Но известное для каждого и первое [для него] часто малоизвестно и имеет малую долю бытия или вовсе её не имеет. Тем не менее, следует пытаться познать безусловно известное через то, что известно каждому, но дурно [известно] само по себе, переходя, как сказано, через них самих.

[4] И прежде всего скажем кое-что о нём в общих чертах, а именно что суть бытия каждой вещи есть то, что сказывается о ней самой по себе.

[5] Ведь быть тобой — не есть быть образованным, ибо ты образован не сам по себе. Стало быть, [это есть то], что [ты есть] сам по себе.

[6] Но и не всё [сказанное таким образом есть суть бытия]: именно, не то, что есть само по себе так, как поверхность — белое, ибо быть поверхностью — не есть быть белым. Однако же и не то, что из обоих [состоит], например, быть белой поверхностью, потому что [в этом случае] само [определяе-

мое] привходит.

[7] Итак, тот λόγος, в котором не содержится сам определяемый предмет, и есть λόγος сути бытия каждой вещи. Так что если быть белой поверхностью есть то же, что быть гладкой поверхностью, то быть белым и гладким — одно и то же.

[8] Поскольку же существуют составные [понятия] и согласно другим категориям (ибо каждой из них присущ некоторый субстрат, например, качеству, количеству, времени, месту и движению), следует рассмотреть, существует ли λόγος сути бытия для каждой из них и присуща ли им суть бытия, например, [суть бытия] белого человека. Пусть для него имя будет «платье». Что есть быть платьем?

[9] Однако и это не принадлежит к тому, что сказывается само по себе. Или же «не-само-по-себе» сказывается двояко: одно — через прибавление, другое — нет. Ведь одно называется «не-само-по-себе» потому, что определяемое прибавляется к другому, например, если бы кто-то, определяя быть белым, давал λόγος белого человека; другое же потому, что другое [прибавляется] к нему, например, если «платье» обозначает белого человека, а определяющий определял бы платье как белое.

[10] Итак, белый человек есть белое, однако он не есть суть бытия быть белым. Но есть ли «быть платьем» суть бытия чего-либо вообще? Или нет? Ведь суть бытия есть именно то, чем нечто является. Когда же одно сказывается о другом, нет того, чем является вот это нечто, — например, бе-

мый человек не есть вот это нечто, если «вот это» присуще только сущностям. Так что суть бытия есть у тех вещей, λόγος которых есть определение.

[11] Определение же — это не [простой λόγος], когда имя обозначает то же самое, что и λόγος (тогда все λόγοι были бы определениями, ибо для любого λόγου найдётся имя; так что и «Илиада» была бы определением), но когда λόγος относится к чему-то первичному. Таковы же вещи, которые сказываются не так, что одно сказывается о другом.

[12] Следовательно, суть бытия не будет присуща ничему из того, что не есть виды рода, но только им (ибо такие вещи, как кажется, сказываются не через причастие, не как состояние и не как привходящее). Но для каждой из остальных вещей будет λόγος, обозначающий, что [именно] она значит, если у неё есть имя, — [а именно], что вот это присуще вот тому, — или более точное [выражение] вместо простого λόγου; определения же не будет и сути бытия [не будет].

[13] Или же определение, как и «что именно», сказывается в нескольких значениях? В самом деле, «что именно» в одном смысле обозначает сущность и вот это нечто, в другом же — каждую из преддицируемых [категорий]: количество, качество и всё прочее в этом роде.

[14] Ибо как «есть» присуще всем [категориям], но не одинаково, а одному — первично, другим — производно, так и «что именно» в безусловном смысле [присуще] сущности, а в некотором смысле — и остальному. В самом деле,

мы можем спросить и о качестве: что́ оно есть? Так что и качество входит в число того́, что именно, но не в безусловном смысле, а подобно тому, как о не-сущем некоторые высказываются логически, что не-сущее есть (не безусловно, но как не-сущее), — так же и с качеством.

Анализ главы 4 книги VII «Метафизики»: Грамматика сути бытия.

Четвертая глава — одна из самых сложных и терминологически насыщенных во всей «Метафизике». Ее цель — через анализ языковых структур строго определить, что такое «суть бытия» (τὸ τί ἦν εἶναι), выявить условия возможности определения (ὄρισμός) и тем самым окончательно утвердить первичность сущности (οὐσία). Аргументация движется через последовательное сужение объема понятий, и на каждом этапе грамматика служит инструментом этого сужения.

I. Методологическое введение: грамматика перехода от известного к неизвестному (§§1–3).

Аристотель начинает с обоснования метода, и сам язык этого обоснования моделирует познавательный процесс. *Πρὸ ἔργου γὰρ τὸ μεταβαίνειν εἰς τὸ γνωριμώτερον.* (Ибо полезно переходить к более известному.) Субстантивиро-

ванный инфинитив τὸ μεταβαίνειν обозначает здесь само действие перехода как методическую задачу. Сравнительная степень γνωριώτερον (более известное) сразу вводит гносеологическую шкалу.

Центральная оппозиция разворачивается в следующем предложении: Ἦ γὰρ μάθησις οὕτω γίγνεται πᾶσι διὰ τῶν ἥττον γνωρίων φύσει εἰς τὰ γνώριμα μᾶλλον. (Всякое научение происходит через менее известное по природе — к более известному.) Здесь сталкиваются два полюса, грамматически оформленные как родительный падеж сравнения (φύσει) и винительный направления (εἰς τὰ γνώριμα). «Менее известное по природе» — это чувственно-единичное, которое, однако, «более известно нам». «Более известное [безусловно]» — это всеобщее, сущностное. Путь познания грамматически изображается как движение *от* (διὰ + gen.) *к* (εἰς + acc.). Эта пространственная метафора, заложенная в предлогах, структурирует всю последующую работу.

Сложная аналогия с практикой (§3) построена на синтаксическом параллелизме: ὥσπερ ἐν ταῖς πράξεσι τὸ ποιῆσαι ἐκ τῶν ἐκάστῳ ἀγαθῶν τὰ ὅλως ἀγαθὰ ἐκάστῳ ἀγαθῷ, οὕτως ἐκ τῶν αὐτῶ γνωριωτέρων τὰ τῆ φύσει γνώριμα αὐτῶ γνώριμα. (Как в практике — сделать из благ для каждого блага вообще благами для каждого, так и в теории — сделать из более известного субъекту известное по природе известным субъекту.) Инфинитив ποιῆσαι и подразумеваемый при οὕτως инфинитив (ποιῆσαι или μεταβιβάσαι) вы-

ражают активную задачу: познание — не пассивное отражение, а деятельность по переработке субъективно известного в объективно истинное.

II. Предварительное определение: грамматика предикации καθ' αὐτό (§§4–6).

ὅτι ἐστὶ τὸ τί ἦν εἶναι ἐκάστου ὃ λέγεται καθ' αὐτό. (Суть бытия каждой вещи есть то, что сказывается о ней самой по себе.) Ключевым здесь является оборот λέγεται καθ' αὐτό (сказывается само по себе). Предлог κατὰ с винительным падежом возвратного местоимения αὐτό создает формулу, означающую сущностную предикацию: то, что принадлежит вещи по ее собственной природе, а не по совпадению.

Далее эта формула проверяется на прочность через серию отрицательных примеров, построенных по модели тождества: Οὐ γάρ ἐστι τὸ σοὶ εἶναι τὸ μουσικῶ εἶναι· οὐ γὰρ κατὰ σαυτὸν εἶ μουσικός. (Быть тобой — не есть быть образованным, ибо ты образован не сам по себе.)

Грамматическая конструкция τὸ ... εἶναι (субстантивированный инфинитив с дательным падежом субъекта) — стандартный способ выразить сущность в греческом. Здесь сталкиваются два таких оборота: τὸ σοὶ εἶναι и τὸ μουσικῶ εἶναι. Их не-тождественность (οὐ γάρ ἐστι...) доказывается через отрицание κατὰ σαυτὸν (не сам по себе). Аристотель отсекает акцидентальные предикаты от ядра самости.

Следующий шаг — ограничение даже внутри «самого по себе»: οὐ γὰρ τὸ οὕτως καθ' αὐτὸ ὡς ἐπιφανεία λευκόν, ὅτι οὐκ ἔστι τὸ ἐπιφανεία εἶναι τὸ λευκῶ εἶναι. (Не то, что есть само по себе так, как поверхность — белое, ибо быть поверхностью — не есть быть белым.) Здесь вводится различие: свойство может быть присуще субъекту «само по себе» (поверхность является белой не по совпадению с чем-то иным, а по своей природе), но это еще не значит, что оно входит в его суть бытия. Предикат «белое» не тождествен субъекту «поверхность». Синтаксическая конструкция с οὕτως... ὡς... (так... как) создает модель для аналогии и тут же ее отбрасывает.

Наконец, исключается составное определение: Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τὸ ἐξ ἀμφοῖν, τὸ ἐπιφανεία λευκῆ, ὅτι πρόσεστιν αὐτό. (Однако же и не то, что из обоих [состоит], — белой поверхности, — потому что [в этом случае] само [определяемое] привходит.) Слово αὐτό (само оно) грамматически отсылает к определяемому понятию. Определение «белая поверхность» порочно, так как содержит αὐτό внутри себя. Это фундаментальный принцип: суть бытия не может быть выражена через составное имя, включающее акциденцию.

III. Грамматика чистого определения: запрет на тавтологию (§§7–9).

Вывод из предыдущего дается в виде строгой формулы:

Ἐν ᾧ ἄρα μὴ ἐνέσται λόγῳ αὐτό, λέγοντι αὐτό, οὗτος ὁ λόγος τοῦ τί ἦν εἶναι ἐκάστῳ. (Тот λόγος, в котором не содержится сам [определяемый предмет] при его высказывании, и есть λόγος сути бытия каждой вещи.) Условно-относительное предложение (ἐν ᾧ...) задает необходимый критерий. Глагол ἐνέσται (будет содержаться внутри, от ἐνεῖμι) создает образ «вместилища» — определения как языковой конструкции, в которую не должно «попадать» само определяемое. Повтор αὐτό, λέγοντι αὐτό (само, высказывая само) усиливает запрет на тавтологию.

Пример с синонимией демонстрирует следствие: ὥστ' εἰ τὸ ἐπιφανεία λευκῇ εἶναι ἐστὶ τὸ ἐπιφανεία εἶναι λεία, τὸ λευκῷ καὶ λείῳ εἶναι τὸ αὐτὸ καὶ ἕν. (Так что если быть белой поверхностью есть то же, что быть гладкой поверхностью, то быть белым и гладким — одно и то же.) Условное предложение (εἰ...) показывает, как нарушение правила определения приводит к абсурдному отождествлению различных предикатов. Здесь грамматическая эквивалентность (ἐστὶ) двух инфинитивных оборотов принудительно влечет за собой онтологическое тождество, которое ложно. Это *reductio ad absurdum* средствами синтаксиса.

IV. Проблема составного и два смысла «не-само-по-себе» (§§10–14).

Аристотель ставит вопрос: имеют ли составные понятия

(например, «белый человек») свою τί ἦν εἶναι? Он вводит условное имя: Ἔστω δὴ ὄνομα αὐτῷ ἱμάτιον. Τί ἐστὶ τὸ ἱματίῳ εἶναι; (Пусть имя для него будет «платье». Что есть быть платьем?) Введение произвольного имени (ἱμάτιον) — мощный инструмент лингвистического эксперимента. Аристотель проверяет, превращает ли присвоение единого имени составное понятие в нечто определенное. Ответ — нет.

Далее следует тонкое различие двух способов быть «не-самим-по-себе» (οὐ καθ' αὐτό): ἢ τὸ οὐ καθ' αὐτὸ λέγεται διχῶς, καὶ τούτου ἐστὶ τὸ μὲν ἐκ προσθέσεως τὸ δὲ οὐ. (Или же «не-само-по-себе» сказывается двояко: одно — через прибавление, другое — нет.) Эта дихотомия (τὸ μὲν... τὸ δὲ...) вводит две модели ошибочного определения:

1. **ἐκ προσθέσεως** (через прибавление): когда при определении одного (например, «белого») к нему прибавляется другое (например, «человек»). Формула: τῷ αὐτὸ ἄλλῳ προσκεῖσθαι (тем, что само [определяемое] прибавляется к другому).

2. **οὐκ ἐκ προσθέσεως** (не через прибавление): когда при определяемом «платье» (= белый человек) в определении опускается один из элементов (например, «человек») и указывается только другой («белое»). Формула: τῷ ἄλλο αὐτῷ [προσκεῖσθαι] (тем, что другое прибавляется к нему).

Грамматическая симметрия этих конструкций с дательным падежом причины (τῷ... προσκεῖσθαι) демонстрирует два симметричных типа логической ошибки.

V. Онтологический предел: только сущность есть «вот это» (§§15–18).

Кульминация аргументации: Ὅπερ γάρ τί ἐστι τὸ τί ἦν εἶναι· ὅταν δ' ἄλλο κατ' ἄλλου λέγῃται, οὐκ ἔστιν ὅπερ τόδε τι. (Суть бытия есть именно то, чем нечто является. Когда же одно сказывается о другом, нет того, чем является «вот это нечто».) Здесь формула ἄλλο κατ' ἄλλου λέγῃται (одно сказывается о другом) описывает саму структуру акцидентальной предикации. В такой конструкции субъект и предикат — разные (ἄλλο... ἄλλου), и их соединение не образует субстанциального единства. Ὅπερ τόδε τι (то, что именно есть «вот это») — это только сущность. Указательное местоимение τόδε (вот это) обладает максимальной дейктической силой: оно указывает на конкретное, отдельное нечто. Только сущность может быть таким объектом указания.

Вывод: οὐκ ἔσται ἄρα οὐδενὶ τῶν μὴ γένους εἰδῶν ὑπάρχον τὸ τί ἦν εἶναι, ἀλλὰ τούτοις μόνον. (Следовательно, суть бытия не будет присуща ничему, что не есть вид рода, но только им.) Родительный падеж τῶν μὴ γένους εἰδῶν (из тех, что не являются видами рода) и усилительное μόνον (только) жестко ограничивают сферу применимости τί ἦν εἶναι. Только вид (εἶδος) внутри рода (γένος) обладает определенной сущностью.

Определение (ὀρισμός) также получает строгий критерий:

ἐὰν πρώτου τινὸς ἤ· τοιαῦτα δ' ἐστὶν ὅσα λέγεται μὴ τῷ ἄλλο κατ' ἄλλου λέγεσθαι. (Когда [λόγος] относится к чему-то первичному; таковы же вещи, которые сказываются не так, что одно сказывается о другом.) Прώτου τινός (некоего первичного) — это отсылка к сущности. Повтор запрета μὴ τῷ ἄλλο κατ' ἄλλου λέγεσθαι закрепляет критерий субстанциальной простоты.

VI. Многозначность «что есть» и аналогия бытия (§§19–22).

В заключительной части Аристотель допускает аналогическое расширение терминов: Ἦ καὶ ὁ ὀρισμὸς ὡσπερ καὶ τὸ τί ἐστὶ πλεοναχῶς λέγεται; (Или же определение, как и «что именно», сказывается в нескольких значениях?) Риторический вопрос с ἤ (или же) вводит корректировку: строгое определение и строгая суть бытия — только у сущности, но в ослабленном смысле можно говорить о них и для других категорий.

Принцип аналогии формулируется грамматически: ὡσπερ γὰρ καὶ τὸ ἔστιν ὑπάρχει πᾶσιν, ἀλλ' οὐχ ὁμοίως ἀλλὰ τῷ μὲν πρώτως τοῖς δ' ἐπομένως, οὕτω καὶ τὸ τί ἐστὶν ἀπλῶς μὲν τῇ οὐσίᾳ πῶς δὲ τοῖς ἄλλοις. (Ибо как «есть» присуще всем, но не одинаково, а одному первично, другим производно, так и «что именно» — в безусловном смысле сущности, а в некотором смысле — остально-

му.) Коррелятивная конструкция ὡςπερ... οὕτω... (как... так и...) устанавливает пропорцию. Наречия πρῶτως (первично) и ἐπομένως (производно, вследствие) создают онтологическую градацию. Ἀλλῶς (безусловно, просто) противопоставляется πῶς (в некотором смысле, как-то). Это различие — фундамент аристотелевского учения об аналогии бытия.

Заключение.

Глава 4 представляет собой триумф лингвистической строгости в философии. Аристотель через анализ структур предикации (καθ' αὐτό, ἄλλο κατ' ἄλλου), через запрет на тавтологию (μὴ ἐνέσται... αὐτό), через введение и снятие моделей ошибочного определения (ἐκ προσθέσεως) и через финальное установление аналогической многозначности (πρῶτως / ἐπομένως) выстраивает непротиворечивую теорию определения. Он доказывает, что суть бытия (τὸ τί ἦν εἶναι) в строгом смысле присуща только видам (εἶδη), которые не являются составными и не сказываются «одно о другом». Именно эта грамматическая и логическая операция позволяет ему перейти от предварительного «наброска» сущности к ее строгому исследованию через форму (εἶδος), которая и оказывается первичной сущностью. Язык здесь — не просто инструмент, а само поле битвы за истину, где каждая синтаксическая конструкция несет онтологическую нагрузку.

Глава 5.

(Bekker, 1030a 17 – 1030b 14).

1030a 17 Ἔχει δ' ἀπορίαν, ἐάν τις μὴ φῆ ὄρισμὸν εἶναι τὸν ἐκ προσθέσεως λόγον, τίνος ἔσται ὄρισμὸς τῶν οὐχ ἀπλῶν ἀλλὰ συνδεδυασμένων· ἐκ προσθέσεως γὰρ ἀνάγκη δηλοῦν.

1030a 19 Λέγω δὲ οἷον ἔστι ρίς καὶ κοιλότης, καὶ σιμότης τὸ ἐκ τῶν δυοῖν λεγόμενον τῷ τότε ἐν τῷδε, καὶ οὐ κατὰ συμβεβηκός γε οὐθ' ἡ κοιλότης οὐθ' ἡ σιμότης πάθος τῆς ρίνος, ἀλλὰ καθ' αὐτήν· οὐδ' ὡς τὸ λευκὸν Καλλία, ἢ ἀνθρώπων, ὅτι Καλλίας λευκὸς ᾧ συμβέβηκεν ἀνθρώπων εἶναι, ἀλλ' ὡς τὸ ἄρρεν τῷ ζῷω καὶ τὸ ἴσον τῷ ποσῷ καὶ πάντα ὅσα λέγεται καθ' αὐτὰ ὑπάρχειν.

1030a 25 Ταῦτα δ' ἐστὶν ἐν ὅσοις ὑπάρχει ἢ ὁ λόγος ἢ τοῦνομα οὗ ἐστὶ τοῦτο τὸ πάθος, καὶ μὴ ἐνδέχεται δηλωσαὶ χωρὶς, ὥσπερ τὸ λευκὸν ἄνευ τοῦ ἀνθρώπου ἐνδέχεται ἀλλ' οὐ τὸ θῆλυ ἄνευ τοῦ ζώου· ὥστε τούτων τὸ τί ἦν εἶναι καὶ ὄρισμὸς ἢ οὐκ ἔστιν οὐδενὸς ἢ, εἰ ἔστιν, ἄλλως, καθάπερ εἰρήκαμεν.

1030a 28 Ἔστι δὲ ἀπορία καὶ ἕτερα περὶ αὐτῶν. Εἰ μὲν γὰρ τὸ αὐτὸ ἐστὶ σιμὴ ρίς καὶ κοίλη ρίς, τὸ αὐτὸ ἔσται τὸ σιμὸν καὶ τὸ κοῖλον· εἰ δὲ μή, διὰ τὸ ἀδύνατον εἶναι εἰπεῖν τὸ σιμὸν ἄνευ τοῦ πράγματος οὗ ἐστὶ πάθος καθ' αὐτό (ἔστι γὰρ τὸ σιμὸν κοιλότης ἐν ρίνι), τὸ ρίνα σιμὴν εἰπεῖν ἢ οὐκ ἔστιν ἢ δις τὸ αὐτὸ ἔσται εἰρημένον, ρίς ρίς κοίλη (ἢ γὰρ

ρίς ἢ σιμῆ ρίς ρίς κοίλη ἔσται), διὸ ἄτοπον τὸ ὑπάρχειν τοῖς τοιούτοις τὸ τί ἦν εἶναι· εἰ δὲ μή, εἰς ἄπειρον εἴσιν· ρινὶ γὰρ ρινὶ σιμῆ ἔτι ἄλλο ἐνέσται.

1030b 5 Δῆλον τοίνυν ὅτι μόνης τῆς οὐσίας ἐστὶν ὁ ὀρισμός. Εἰ γὰρ καὶ τῶν ἄλλων κατηγοριῶν, ἀνάγκη ἐκ προσθέσεως εἶναι, οἷον τοῦ ποιοῦ καὶ περιπτοῦ· οὐ γὰρ ἄνευ ἀριθμοῦ, οὐδὲ τὸ θῆλυ ἄνευ ζώου (τὸ δὲ ἐκ προσθέσεως λέγω ἐν οἷς συμβαίνει δις τὸ αὐτὸ λέγειν ὥσπερ ἐν τούτοις).

1030b 9 Εἰ δὲ τοῦτο ἀληθές, οὐδὲ συνδυαζομένων ἔσται, οἷον ἀριθμοῦ περιπτοῦ· ἀλλὰ λανθάνει ὅτι οὐκ ἀκριβῶς λέγονται οἱ λόγοι.

1030b 11 Εἰ δ' εἰσὶ καὶ τούτων ὄροι, ἦτοι ἄλλον τρόπον εἰσὶν ἢ καθάπερ ἐλέχθη πολλαχῶς λεκτέον εἶναι τὸν ὀρισμὸν καὶ τὸ τί ἦν εἶναι, ὥστε ὡδὶ μὲν οὐδενὸς ἔσται ὀρισμὸς οὐδὲ τὸ τί ἦν εἶναι οὐδενὶ ὑπάρξει πλὴν ταῖς οὐσίαις, ὡδὶ δ' ἔσται.

1030b 14 Ὅτι μὲν οὖν ἐστὶν ὁ ὀρισμὸς ὁ τοῦ τί ἦν εἶναι λόγος, καὶ τὸ τί ἦν εἶναι ἢ μόνων τῶν οὐσιῶν ἐστὶν ἢ μάλιστα καὶ πρῶτως καὶ ἀπλῶς, δῆλον.

Глава 5.

[1] Возникает затруднение: если кто-то не признаёт определением λόγος, [составленный] через прибавление, то для чего же будет определение вещей не простых, но соединённых? Ведь их необходимо выражать через прибавление.

[2] Я говорю, например, [о таком случае]: существуют нос и вогнутость, а курносость есть то, что сказывается из обоих, как «вот это в вот этом». И при этом ни вогнутость, ни кур-

носость не суть привходящее состояние носа, но [принадлежат ему] сами по себе; и не так, как белое [принадлежит] Каллию или человеку, [т.е.] потому что Каллий — белый, чему привходило быть человеком, но как мужское [принадлежит] животному и равное — количеству, и всё, что сказывается как присущее само по себе.

[3] Таковы же вещи, у которых содержится либо λόγος, либо имя того, чьим состоянием это является, и которые невозможно выразить отдельно, — как белое [можно выразить] без человека, но женское — без животного. Так что для них суть бытия и определение либо вообще не существует ни для чего, либо, если существует, то иным образом, как мы и сказали.

[4] Есть и другое затруднение относительно них. Если курносый нос и вогнутый нос — одно и то же, то курносое и вогнутое будут одним и тем же. Если же нет, то, поскольку невозможно сказать «курносое» без той вещи, чьим состоянием оно является само по себе (ведь курносое есть вогнутость в носу), то либо вообще нельзя сказать «нос курносый», либо это будет сказано дважды — «нос, нос вогнутый» (ибо курносый нос есть нос, нос вогнутый). Поэтому нелепо, чтобы для подобных вещей существовала суть бытия; в противном случае [процесс] уйдёт в бесконечность: ведь для курносого носа будет присуще ещё нечто.

[5] Итак, ясно, что определение существует только для сущности. Ведь если оно существует и для других категорий,

то оно необходимо [получается] через прибавление, как, например, для качественного и нечётного: [нечётное] ведь не [определимо] без числа, а женское — без животного. (Прибавлением же я называю [тот способ], когда по необходимости одно и то же сказывается дважды, как в этих [примерах].)

[6] Если это верно, то не будет определения и для соединённых [понятий], например, для нечётного числа; но [те, кто так говорит], незаметно для себя [пользуются] неточными λόγους.

[7] Если же существуют определения и для них, то они [существуют] либо иначе, либо, как уже было сказано, следует признать, что определение и суть бытия сказываются в нескольких значениях. Так что в одном смысле определение не будет существовать ни для чего, и суть бытия не будет присуща ничему, кроме сущностей, а в другом смысле — будет.

[8] Итак, что определение есть λόγος сути бытия и что суть бытия принадлежит либо только сущностям, либо преимущественно, первично и безусловно, — это ясно.

Анализ главы 5 книги VII «Метафизики»: Грамматика предела определения.

Пятая глава представляет собой решающий этап в исследовании сути бытия (τὸ τί ἦν εἶναι). Если глава 4 установила, что определение в строгом смысле присуще только сущно-

сти, то глава 5 проверяет это утверждение на прочность через анализ «составных» (συνδεδυασμένα) понятий, где форма и материя даны в неразрывном единстве. Грамматическим полигоном для этой проверки служит знаменитая пара «курносое» (τὸ σιμόν) и «вогнутое» (τὸ κοῖλον).

I. Исходная апория: грамматика составного и прибавления (§§1–2)

Глава открывается формулировкой затруднения: Ἔχει δ' ἀπορίαν, ἐάν τις μὴ φῆ ὀρισμὸν εἶναι τὸν ἐκ προσθέσεως λόγον, τίνοσ ἔσται ὀρισμὸς τῶν οὐχ ἀπλῶν ἀλλὰ συνδεδυασμένων; (Возникает затруднение: если кто-то не признаёт определением λόγος, [составленный] через прибавление, то для чего же будет определение вещей не простых, но соединённых?)

Грамматическая структура этого вопроса задает всю драму главы:

- Условное предложение ἐάν τις μὴ φῆ... (если кто-то не признает...) вводит позицию, согласно которой определение через прибавление (ἐκ προσθέσεως) не является подлинным.

- Вопросительное τίνοσ (чего? для чего?) требует родительного падежа объекта: для *какого именно* предмета тогда возможно определение, если сложные вещи исключаются?

- Пара οὐχ ἀπλῶν ἀλλὰ συνδεδυασμένων (не простых, но

соединенных) построена на антитезе с усилительным *ἀλλά*. *Συνδεδυασμένα* — перфектное причастие от *συνδυάζω* (соединять попарно, сочетать) — указывает на онтологическую «сдвоенность», где два элемента (форма и материя) сплавлены воедино.

Далее следует ключевой пример: *Λέγω δὲ οἷον ἔστι ρῖς καὶ κοιλότης, καὶ σιμότης τὸ ἐκ τῶν δυοῖν λεγόμενον τῷ τόδε ἐν τῷδε, καὶ οὐ κατὰ συμβεβηκός γε...* (Я говорю, например: существуют нос и вогнутость, а курносость есть то, что сказывается из обоих, как «вот это в вот этом», и притом не по совпадению...)

Синтаксис здесь предельно точен:

- *ρῖς* (нос) — имя, обозначающее материальный субстрат.
- *κοιλότης* (вогнутость) — имя, обозначающее форму как таковую.
- *σιμότης* (курносость) — имя, обозначающее их неразрывное единство. Формула *τὸ ἐκ τῶν δυοῖν λεγόμενον* (то, что сказывается из обоих) использует артикль *τὸ* для субстантивации самого способа бытия.

· *τῷ τόδε ἐν τῷδε* — дательный падеж причины или способа: «тем, что [это есть] вот это в вот этом». Эта формула грамматически фиксирует структуру воплощенной формы.

Аристотель сразу отличает эту связь от чисто акцидентальной: *οὐδ' ὡς τὸ λευκὸν Καλλία, ἢ ἀνθρώπῳ, ὅτι Καλλίας λευκός ᾧ συμβέβηκεν ἀνθρώπῳ εἶναι, ἀλλ' ὡς τὸ ἄρρεν τῷ ζώῳ...* (И не так, как белое [принадлежит] Каллию... но

как мужское [принадлежит] животному...) Конструкция οὐδ' ὡς... ἀλλ' ὡς... (не так как... но как...) создает строгое различие между двумя типами предикации:

1. Акцидентальная (κατὰ συμβεβηκός): «белое» для Каллия — случайный признак.
2. Сущностная (καθ' αὐτό): «мужское» для животного или «равное» для количества — неотъемлемая спецификация.

II. Критерий неотделимости: грамматика «невозможности высказать отдельно» (§3)

ὥσπερ τὸ λευκὸν ἄνευ τοῦ ἀνθρώπου ἐνδέχεται ἀλλ' οὐ τὸ θῆλυ ἄνευ τοῦ ζώου (Как белое [можно выразить] без человека, но женское — без животного [невозможно].)

Грамматическая конструкция ἄνευ + родительный падеж (без чего-либо) моделирует операцию отделения. Безличный глагол ἐνδέχεται (возможно) с инфинитивом δηλῶσαι (выразить, показать) превращает языковую операцию в онтологический тест. «Белое» *грамматически возможно* помыслить без человека, но «женское» *грамматически невозможно* определить без животного. Сама невозможность построить определение без включения субстрата (μὴ ἐνδέχεται δηλῶσαι χωρὶς) становится критерием сущностной принадлежности.

Вывод из этого: ὥστε τούτων τὸ τί ἦν εἶναι καὶ ὀρισμὸς ἢ οὐκ ἔστιν οὐδενὸς ἢ, εἰ ἔστιν, ἄλλως, καθάπερ εἰρήκαμεν.

(Так что для них суть бытия и определение либо вообще не существует ни для чего, либо, если существует, то иным образом, как мы и сказали.) Дизъюнкция ἢ... ἢ... (либо... либо...) предлагает два возможных решения апории, но второе (ἄλλως — иным образом) тут же отсылает к учению о многозначности определения, введенному в главе 4.

III. Апория бесконечного регресса: грамматика тавтологии (§§4–5)

Это центральный и самый драматичный аргумент главы. Аристотель демонстрирует, почему для «соединенных» понятий невозможно строгое определение. Εἰ μὲν γὰρ τὸ αὐτό ἐστι σιμὴ ῥίς καὶ κοῖλη ῥίς, τὸ αὐτὸ ἔσται τὸ σιμὸν καὶ τὸ κοῖλον. (Если курносый нос и вогнутый нос — одно и то же, то курносое и вогнутое будут одним и тем же.) Условное предложение (εἰ...) создает первую ветку дилеммы. Если «курносый нос» тождествен «вогнутому носу», то, удалив общий элемент «нос», мы получим тождество «курносого» и «вогнутого». Но это ложно: курносость — это всегда вогнутость *в носу*, тогда как вогнутость может быть и в другом субстрате.

εἰ δὲ μή, διὰ τὸ ἀδύνατον εἶναι εἰπεῖν τὸ σιμὸν ἄνευ τοῦ πράγματος οὗ ἐστὶ πάθος καθ' αὐτό... (Если же нет, то, поскольку невозможно сказать «курносое» без той вещи, чьим состоянием оно является само по себе...) Вторая ветка (εἰ

δὲ μή — если же нет) приводит к тавтологии: τὸ ῥῖνα σιμῆν εἰπεῖν ἢ οὐκ ἔστιν ἢ δις τὸ αὐτὸ ἔσται εἰρημένον, ῥίς ῥίς κοίλη (Либо вообще нельзя сказать «нос курносый», либо это будет сказано дважды — «нос, нос вогнутый».)

Грамматический анализ этой конструкции ῥίς ῥίς κοίλη:

· «Курносый» (σιμός) уже имплицитно содержит в себе «нос». Когда мы говорим «курносый нос», мы фактически дважды произносим «нос»: один раз — в субъекте (ῥίς), второй раз — внутри предиката (σιμή).

· Развернутая форма ῥίς ῥίς κοίλη (нос, нос вогнутый) — это грамматическая репрезентация логической ошибки. Повтор ῥίς дважды — не стилистическая небрежность, а симптом структурной невозможности дать не-тавтологичное определение.

Далее — угроза бесконечного регресса: εἰς ἄπειρον εἶσιν· ῥινὶ γὰρ ῥινὶ σιμῆ ἔτι ἄλλο ἐνέσται. ([Процесс] уйдет в бесконечность: ведь для курносого носа будет присуще еще нечто.) Глагол εἶσιν (пойдет, устремится) с предлогом εἰς ἄπειρον (в бесконечность) создает образ неостановимого движения. Если в «курносом носе» уже содержится «нос», то при попытке его определить мы должны раскрыть этот внутренний «нос», в котором опять обнаружится «курносость», и так без конца. Грамматика здесь демонстрирует дурную бесконечность, разрушающую саму возможность определения.

IV. Окончательный вердикт: только сущность определима (§§6–8).

Δῆλον τοίνυν ὅτι μόνης τῆς οὐσίας ἐστὶν ὁ ὀρισμός. (Итак, ясно, что определение существует только для сущности.) Усилительная частица τοίνυν (итак, следовательно) маркирует это утверждение как итог всей предыдущей диалектической работы. Μόνης τῆς οὐσίας (только сущности) — родительный падеж принадлежности, подчеркивающий исключительность.

Далее Аристотель распространяет вывод на другие категории: Εἰ γὰρ καὶ τῶν ἄλλων κατηγοριῶν, ἀνάγκη ἐκ προσθέσεως εἶναι, οἷον τοῦ ποιοῦ καὶ περιττοῦ· οὐ γὰρ ἄνευ ἀριθμοῦ... (Ведь если [определение существует] и для других категорий, то оно необходимо [получается] через прибавление, как для качественного и нечетного: [нечетное] ведь не [определимо] без числа...) Грамматика принудительного включения субстрата (οὐ γὰρ ἄνευ...) повторяет аргумент о неотделимости. «Нечетное» невозможно определить без «числа», «женское» — без «животного». Всякое определение за пределами сущности неизбежно будет ἐκ προσθέσεως, то есть неполноценным.

Εἰ δ' εἰσὶ καὶ τούτων ὄροι, ἦτοι ἄλλον τρόπον εἰσὶν ἢ καθάπερ ἐλέχθη πολλαχῶς λεκτέον εἶναι τὸν ὀρισμὸν καὶ τὸ τί ἦν εἶναι... (Если же существуют определения и для

них, то они [существуют] либо иначе, либо, как уже было сказано, следует признать, что определение и суть бытия сказываются в нескольких значениях.) Дизъюнкция ἢτοι... ἢ... (либо... либо...) снова отсылает к многозначности. Слово πολλὰχῶς (многими способами) — ключевое: оно спасает язык и мысль от паралича, позволяя говорить об определениях качеств и количеств, но лишь в ослабленном, аналогическом смысле.

Финальная формула главы подводит итог всему исследованию: Ὅτι μὲν οὖν ἐστὶν ὁ ὀρισμὸς ὁ τοῦ τί ἦν εἶναι λόγος, καὶ τὸ τί ἦν εἶναι ἢ μόνων τῶν οὐσιῶν ἐστὶν ἢ μάλιστα καὶ πρῶτως καὶ ἀπλῶς, δῆλον. (Итак, что определение есть λόγος сути бытия и что суть бытия принадлежит либо только сущностям, либо преимущественно, первично и безусловно, — это ясно.)

Грамматика этой фразы тщательно выверена:

· ἢ μόνων... ἢ μάλιστα καὶ πρῶτως καὶ ἀπλῶς — двойная дизъюнкция, предлагающая более сильный (μόνων — только) и более умеренный (μάλιστα — преимущественно) варианты вывода. Наречия πρῶτως (первично) и ἀπλῶς (безусловно) фиксируют онтологический приоритет сущности, а μάλιστα (в наибольшей степени) допускает аналогическое расширение.

Заключение.

Глава 5 доводит до совершенства метод, намеченный в главе 4. Через анализ грамматической структуры «соединенных» понятий (συνδεδυασμένα), через демонстрацию неизбежной тавтологии в определениях типа «курносый нос» и через угрозу бесконечного регресса (εἰς ἄλειρον), Аристотель неопровержимо доказывает, что строгое определение (ὄρισμός) и суть бытия (τὸ τί ἦν εἶναι) в первичном смысле принадлежат только сущности (οὐσία). Грамматика здесь выступает как увеличительное стекло, делающее видимыми структурные дефекты определения всего, что не является чистой формой. При этом финальная оговорка о многозначности (πολλαχῶς) спасает единство языка и бытия, позволяя применять термины «определение» и «суть бытия» к другим категориям в производном, ослабленном смысле. Эта глава — образец того, как диалектическое рассмотрение языковых апорий становится двигателем онтологического открытия.

Глава 6.

(Bekker, 1030b 14 – 1031a 21).

1030b 14 Πότερον δὲ ταῦτόν ἐστιν ἢ ἕτερον τὸ τί ἦν εἶναι καὶ ἕκαστον, σκεπτέον. Ἔστι γάρ τι πρὸ ἔργου πρὸς τὴν περὶ τῆς οὐσίας σκέψιν· ἕκαστόν τε γὰρ οὐκ ἄλλο δοκεῖ εἶναι τῆς ἑαυτοῦ οὐσίας, καὶ τὸ τί ἦν εἶναι λέγεται εἶναι ἢ ἐκάστου οὐσία.

1030b 17 Ἐπὶ μὲν δὴ τῶν λεγομένων κατὰ συμβεβηκὸς δόξειεν ἂν ἕτερον εἶναι, οἷον λευκὸς ἄνθρωπος ἕτερον καὶ τὸ λευκῷ ἀνθρώπῳ εἶναι (εἰ γὰρ τὸ αὐτό, καὶ τὸ ἀνθρώπῳ εἶναι καὶ τὸ λευκῷ ἀνθρώπῳ τὸ αὐτό· τὸ αὐτὸ γὰρ ἄνθρωπος καὶ λευκὸς ἄνθρωπος, ὡς φασίν, ὥστε καὶ τὸ λευκῷ ἀνθρώπῳ καὶ τὸ ἀνθρώπῳ· ἢ οὐκ ἀνάγκη ὅσα κατὰ συμβεβηκὸς εἶναι ταῦτά, οὐ γὰρ ὡσαύτως τὰ ἄκρα γίνεταί ταῦτά· ἀλλ' ἴσως γε ἐκεῖνο δόξειεν ἂν συμβαίνειν, τὰ ἄκρα γίνεσθαι ταῦτά τὰ κατὰ συμβεβηκὸς, οἷον τὸ λευκῷ εἶναι καὶ τὸ μουσικῷ· δοκεῖ δὲ οὕ).

1030b 23 Ἐπὶ δὲ τῶν καθ' αὐτὰ λεγομένων ἄρ' ἀνάγκη ταῦτό εἶναι, οἷον εἴ τινες εἰσὶν οὐσίαι ὧν ἕτεραι μὴ εἰσὶν οὐσίαι μηδὲ φύσεις ἕτεραι πρότεραι, οἷας φασὶ τὰς ιδέας εἶναί τινες;

1030b 25 Εἰ γὰρ ἔσται ἕτερον αὐτὸ τὸ ἀγαθὸν καὶ τὸ ἀγαθῷ εἶναι, καὶ ζῶον καὶ τὸ ζῶω, καὶ τὸ ὄντι καὶ τὸ ὄν, ἔσσονται ἄλλαι τε οὐσίαι καὶ φύσεις καὶ ιδέαι παρὰ τὰς

λεγομένας, καὶ πρότεραι οὐσίαι ἐκεῖναι, εἰ τὸ τί ἦν εἶναι οὐσία ἐστίν.

1030b 28 Καὶ εἰ μὲν ἀπολελυμένοι ἀλλήλων, τῶν μὲν οὐκ ἔσται ἐπιστήμη τὰ δ' οὐκ ἔσται ὄντα (λέγω δὲ τὸ ἀπολελυθῆναι εἰ μήτε τῷ ἀγαθῷ αὐτῷ ὑπάρχει τὸ εἶναι ἀγαθῷ μήτε τούτῳ τὸ εἶναι ἀγαθόν). ἐπιστήμη τε γὰρ ἐκάστου ἔστιν ὅταν τὸ τί ἦν ἐκείνῳ εἶναι γινώμεν, καὶ ἐπὶ ἀγαθοῦ καὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως ἔχει, ὥστε εἰ μηδὲ τὸ ἀγαθῷ εἶναι ἀγαθόν, οὐδὲ τὸ ὄντι ὄν οὐδὲ τὸ ἐνὶ ἔν· ὁμοίως δὲ πάντα ἔστιν ἢ οὐθὲν τὰ τί ἦν εἶναι, ὥστ' εἰ μηδὲ τὸ ὄντι ὄν, οὐδὲ τῶν ἄλλων οὐδέν.

1030b 32 Ἔτι ᾧ μὴ ὑπάρχει ἀγαθῷ εἶναι, οὐκ ἀγαθόν. Ἀνάγκη ἄρα ἐν εἶναι τὸ ἀγαθόν καὶ ἀγαθῷ εἶναι καὶ καλὸν καὶ καλῷ εἶναι, ὅσα μὴ κατ' ἄλλο λέγεται, ἀλλὰ καθ' αὐτὰ καὶ πρῶτα· καὶ γὰρ τοῦτο ἰκανὸν ἂν ὑπάρχη, κἂν μὴ ἦ εἶδη, μᾶλλον δ' ἴσως κἂν ἦ εἶδη (ἅμα δὲ δῆλον καὶ ὅτι εἴπερ εἰσὶν αἱ ιδέαι οἷας τινές φασιν, οὐκ ἔσται τὸ ὑποκείμενον οὐσία· ταύτας γὰρ οὐσίας μὲν ἀναγκαῖον εἶναι, μὴ καθ' ὑποκειμένου δέ· ἔσονται γὰρ κατὰ μέθεξιν).

1031a 1 Ἐκ τε δὴ τούτων τῶν λόγων ἐν καὶ ταὐτὸ οὐ κατὰ συμβεβηκὸς αὐτὸ ἕκαστον καὶ τὸ τί ἦν εἶναι, καὶ ὅτι γε τὸ ἐπίστασθαι ἕκαστον τοῦτό ἐστι, τὸ τί ἦν εἶναι ἐπίστασθαι, ὥστε καὶ κατὰ τὴν ἔκθεσιν ἀνάγκη ἐν τι εἶναι ἄμφω (τὸ δὲ κατὰ συμβεβηκὸς λεγόμενον, οἷον τὸ μουσικὸν ἢ λευκόν, διὰ τὸ διττὸν σημαίνειν οὐκ ἀληθὲς εἰπεῖν ὡς ταὐτὸ τὸ τί ἦν εἶναι καὶ αὐτό· καὶ γὰρ ᾧ συμβέβηκε λευκόν καὶ τὸ συμβεβηκός,

ὥστ' ἔστι μὲν ὡς ταυτόν, ἔστι δὲ ὡς οὐ ταυτό τὸ τί ἦν εἶναι καὶ αὐτό· τῷ μὲν γὰρ ἀνθρώπῳ καὶ τῷ λευκῷ ἀνθρώπῳ οὐ ταυτό, τῷ πάθει δὲ ταυτό).

1031a 9 Ἄτοπον δ' ἂν φανείη κἄν εἴ τις ἐκάστῳ ὄνομα θεῖτο τῶν τί ἦν εἶναι· ἔσται γὰρ καὶ παρ' ἐκεῖνο ἄλλο, οἷον τῷ τί ἦν εἶναι ἵππῳ τί ἦν εἶναι [ἵππῳ] ἕτερον. Καίτοι τί κωλύει καὶ νῦν εἶναι ἕνια εὐθύς τί ἦν εἶναι, εἴπερ οὐσία τὸ τί ἦν εἶναι;

1031a 11 Ἀλλὰ μὴν οὐ μόνον ἓν, ἀλλὰ καὶ ὁ λόγος ὁ αὐτὸς αὐτῶν, ὡς δῆλον καὶ ἐκ τῶν εἰρημένων· οὐ γὰρ κατὰ συμβεβηκὸς ἓν τὸ ἐνὶ εἶναι καὶ ἓν.

1031a 13 Ἔτι εἰ ἄλλο ἔσται, εἰς ἄπειρον εἴσιν· τὸ μὲν γὰρ ἔσται τί ἦν εἶναι τοῦ ἐνὸς τὸ δὲ τὸ ἓν, ὥστε καὶ ἐπ' ἐκείνων ὁ αὐτὸς ἔσται λόγος.

1031a 15 Ὅτι μὲν οὖν ἐπὶ τῶν πρώτων καὶ καθ' αὐτὰ λεγομένων τὸ ἐκάστῳ εἶναι καὶ ἕκαστον τὸ αὐτὸ καὶ ἓν ἔστι, δῆλον· οἱ δὲ σοφιστικοὶ ἔλεγχοι πρὸς τὴν θέσιν ταύτην φανερόν ὅτι τῇ αὐτῇ λύονται λύσει καὶ εἰ ταυτό Σωκράτης καὶ Σωκράτει εἶναι· οὐδὲν γὰρ διαφέρει οὔτε ἐξ ὧν ἐρωτήσειεν ἂν τις οὔτε ἐξ ὧν λύων ἐπιτύχοι.

1031a 18 Πῶς μὲν οὖν τὸ τί ἦν εἶναι ταυτόν καὶ πῶς οὐ ταυτόν ἐκάστῳ, εἴρηται.

Глава 6.

[1] Следует рассмотреть, тождественно ли или различно суть бытия и каждая вещь. Ибо это полезно для исследования сущности: ведь каждая вещь, по-видимому, не есть

нечто иное, чем её собственная сущность, и суть бытия, как говорят, есть сущность каждой вещи.

[2] В случае же того, что сказывается как привходящее, они, по-видимому, различны, например, белый человек и суть бытия белого человека. Ведь если бы они были тождественны, то и суть бытия человека, и суть бытия белого человека были бы тождественны, поскольку человек и белый человек, как говорят, — одно и то же; так что и [суть бытия] белого человека, и [суть бытия] человека были бы одним и тем же. Но нет необходимости, чтобы привходящее было тождественно [своей сути бытия], ибо крайние члены не становятся тождественными одинаковым образом. Однако, пожалуй, может случиться, что привходящие крайние члены станут тождественными, например, быть белым и быть образованным. Но это, кажется, не так.

[3] В случае же того, что сказывается само по себе, необходимо ли, чтобы оно было тождественно? Например, если существуют некоторые сущности, помимо которых нет иных сущностей и иных природ, более ранних, — каковы, как говорят некоторые, идеи.

[4] Ведь если само благо будет иным, нежели суть бытия блага, и животное — нежели суть бытия животного, и сущее — нежели суть бытия сущего, то, помимо указанных, будут иные сущности, и природы, и идеи, и те сущности будут более ранними, если суть бытия есть сущность.

[5] И если они отделены друг от друга, то об одних не бу-

дет знания, а другие не будут существовать. (Я называю «отделёнными» тот случай, когда самому благу не присуще быть благом и [сути бытия блага] — быть благом.) Ведь знание о каждой вещи есть тогда, когда мы познаём её суть бытия. И с благом, и с остальным дело обстоит так же. Так что если даже суть бытия блага не есть благо, то и суть бытия сущего не есть сущее, и суть бытия единого не есть единое. Точно так же либо все сути бытия суть [нечто], либо ни одна из них. Так что если даже суть бытия сущего не есть сущее, то и ни одна из остальных [не есть то, чего она есть суть бытия].

[6] Далее, то, чему не присуще быть благом, не есть благо. Следовательно, необходимо, чтобы благо и суть бытия блага были едины, и прекрасное и суть бытия прекрасного — едины, и всё, что сказывается не через иное, но само по себе и первично. Ибо этого достаточно, даже если идей нет, а пожалуй, даже если они есть. (Вместе с тем ясно, что если идеи таковы, как говорят некоторые, то субстрат не будет сущностью: ведь идеи необходимо суть сущности, но не сказываются о субстрате, иначе они существовали бы через причастие.)

[7] Итак, из этих доводов явствует, что каждая [первичная] вещь и её суть бытия суть одно и то же не по совпадению; и что знать каждую вещь — значит знать её суть бытия; так что и согласно нашему изложению оба [понятия] необходимо суть нечто единое.

[8] О привходящем же, например, об образованном или

о белом, нельзя истинно сказать, что оно тождественно своей сути бытия, — потому, что привходящее обозначает двоякое: и то, чему нечто привходит, и само привходящее свойство. Так что в одном смысле суть бытия тождественна [вещи], а в другом — нет. В самом деле, для человека и для белого человека [суть бытия] не тождественна, но для свойства — тождественна.

[9] Нелепым показалось бы, если бы кто-либо для каждой сути бытия захотел дать особое имя: ведь тогда наряду с той [вещью] существовало бы иное, например, для сути бытия лошади существовала бы иная суть бытия лошади. Однако что мешает и теперь некоторым вещам быть сразу сутью бытия, если суть бытия есть сущность?

[10] Но не только [вещь и её суть бытия] едины, но и λόγος их один и тот же, как ясно из сказанного: ведь быть единым и единое суть одно не по совпадению.

[11] Далее, если бы они были различны, [процесс] ушёл бы в бесконечность: тогда существовала бы одна суть бытия единого, а другое — само единое, так что и в отношении них повторился бы тот же самый λόγος.

[12] Итак, ясно, что для первичных и самостоятельно сущих [вещей] бытие каждой вещи и сама вещь суть одно и то же и едины. Что касается софистических возражений против этого положения — например, тождественны ли Сократ и бытие Сократом, — то очевидно, что они устраняются одним и тем же способом: ведь безразлично, из каких предпо-

сылкок исходить при вопрошании или при разрешении.

[13] Каким же образом суть бытия тождественна каждой вещи и каким образом нет — об этом сказано.

Анализ главы 6 книги VII «Метафизики»: Грамматика тождества.

Шестая глава завершает цикл исследований о сути бытия ($\tau\acute{o}\ \acute{\tau}\acute{\iota}\ \eta\tilde{\nu}\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$). Если главы 4 и 5 установили, *чему* присуща суть бытия (только сущности) и *как* она определяется, то глава 6 решает вопрос об онтологическом статусе самой этой сути: тождественна ли она конкретной вещи или отлична от неё? Это вопрос о том, совпадает ли сущность с существованием. Грамматика главы служит инструментом строгого доказательства их необходимого тождества.

I. Постановка вопроса: грамматика тождества и различия (§1).

Глава открывается четкой формулировкой проблемы: $\text{Πότερον δὲ ταὐτόν ἐστὶν ἢ ἕτερον τὸ τί ἦν εἶναι καὶ ἕκαστον, σκελτέον.}$ (Следует рассмотреть, тождественно ли или различно суть бытия и каждая вещь.)

Дизъюнктивная конструкция πότερον... ἢ... (ли... или...) задает строгое поле исследования: возможны только два от-

вета — тождество (ταὐτόν) или различие (ἕτερον). Прилагательное σκελτέον (должно быть рассмотрено) — вербальное прилагательное долженствования — вводит методологический императив. Далее Аристотель сразу же апеллирует к общепринятому мнению (δοκεῖ) как к исходной точке: «каждая вещь, по-видимому, не есть нечто иное, чем её собственная сущность».

II. Два типа предикации: грамматика привходящего и самого-по-себе (§§2–3).

Ключевое различие вводится через параллельные конструкции: Ἐπὶ μὲν δὴ τῶν λεγομένων κατὰ συμβεβηκός... Ἐπὶ δὲ τῶν καθ' αὐτὰ λεγομένων... (В случае сказываемого по совпадению... В случае сказываемого самого по себе...)

Предлог ἐπί с родительным падежом (в случае, применительно к) вводит два разных онтологических «режима». Противопоставление μὲν... δὲ... грамматически оформляет фундаментальную дихотомию.

В случае привходящего Аристотель строит *reductio ad absurdum*: εἰ γὰρ τὸ αὐτό, καὶ τὸ ἀνθρώπῳ εἶναι καὶ τὸ λευκῷ ἀνθρώπῳ τὸ αὐτό. (Ведь если бы они были тождественны, то и суть бытия человека, и суть бытия белого человека были бы тождественны.) Условное предложение (εἰ γὰρ...) вводит гипотезу, которая тут же разрушается. Если «белый человек» тождествен своей сути бытия, а «белый человек» акци-

дентально тождествен «человеку», то через транзитивность тождества (τὸ αὐτό) мы получили бы абсурдное отождествление сути бытия человека и сути бытия белого человека. Грамматическая цепочка τὸ αὐτό... καὶ... τὸ αὐτό моделирует логическую ошибку.

III. Аргумент «третьего человека»: грамматика бесконечного умножения сущностей (§§4–6).

Это центральный аргумент против платоновского разделения вещи и сущности. Аристотель применяет его к самим идеям: Εἰ γὰρ ἔσται ἕτερον αὐτὸ τὸ ἀγαθὸν καὶ τὸ ἀγαθῶ εἶναι, καὶ ζῶον καὶ τὸ ζῶον, καὶ τὸ ὄντι καὶ τὸ ὄν... (Ведь если само благо будет иным, нежели суть бытия блага...)

Условный период с εἰ γὰρ ἔσται... (ведь если будет...) в будущем времени создает гипотетическую модель. Нанизывание пар через καὶ... καὶ... (и... и...) — ἀγαθὸν / ἀγαθῶ εἶναι, ζῶον / ζῶον [εἶναι], ὄντι / ὄν — демонстрирует систематический характер разделения. Если допустить различие на одном уровне, оно воспроизведется на всех.

Следствие: ἔσονται ἄλλαι τε οὐσίαι καὶ φύσεις καὶ ἰδέαι παρὰ τὰς λεγόμενας, καὶ πρότεραι οὐσίαι ἐκεῖναι... (Будут иные сущности, и природы, и идеи помимо указанных, и те сущности будут более ранними...) Полисиндетон καὶ... καὶ... καὶ... (и... и... и...) создает эффект неконтролируемого умножения. Сравнительная степень πρότεραι (более ранние, пер-

вичные) вводит онтологическую иерархию: если суть бытия есть сущность (εἰ τὸ τί ἦν εἶναι οὐσία ἐστίν), то «суть бытия блага» сама оказывается *более первичной* сущностью, чем «само благо». Так возникает угроза бесконечного регресса — знаменитый аргумент «третьего человека».

IV. Аргумент от познания: грамматика отделения (§§7–8).

Καὶ εἰ μὲν ἀπολελυμένοι ἀλλήλων, τῶν μὲν οὐκ ἔσται ἐπιστήμη τὰ δ' οὐκ ἔσται ὄντα. (И если они отделены друг от друга, то об одних не будет знания, а другие не будут существовать.)

Причастие перфекта ἀπολελυμένοι (отделенные, отвязанные) от ἀπολύω создает образ разрыва, расщепления бытия. Следствия этого разрыва грамматически оформлены как параллельные отрицания:

- τῶν μὲν οὐκ ἔσται ἐπιστήμη (об одних не будет знания) — родительный падеж объекта при ἐπιστήμη.
- τὰ δ' οὐκ ἔσται ὄντα (другие не будут существующими) — предикативное причастие ὄντα указывает на лишенность бытия.

Схолия к термину ἀπολελυμένοι: λέγω δὲ τὸ ἀπολελύσθαι εἰ μήτε τῷ ἀγαθῷ αὐτῷ ὑπάρχει τὸ εἶναι ἀγαθῷ μήτε τούτῳ τὸ εἶναι ἀγαθόν. (Я называю «отделёнными» тот случай, когда самому благу не присуще быть благом и [сути бытия бла-

га] — быть благом.) Конструкция с μήτε... μήτε... (ни... ни...) моделирует полный разрыв предикации: ни субъект не обладает своим предикатом, ни предикат — субъектом.

Аргумент от познания: ἐπιστήμη τε γὰρ ἐκάστου ἔστιν ὅταν τὸ τί ἦν ἐκείνω εἶναι γινώμεν... (Ведь знание о каждой вещи есть тогда, когда мы познаём её суть бытия...) Условно-временное придаточное ὅταν... γινώμεν (когда мы познаем) с конъюнктивом аориста фиксирует условие познания. Если суть бытия блага сама не есть благо (εἰ μηδὲ τὸ ἀγαθὸν εἶναι ἀγαθόν), то познание блага через его суть бытия невозможно — суть бытия оказывается «пустой», не содержащей того, сутью чего она является.

V. Необходимость тождества: грамматика единства (§§10–13).

Вывод формулируется с нарастающей силой: Ἀνάγκη ἄρα ἐν εἶναι τὸ ἀγαθὸν καὶ ἀγαθῷ εἶναι καὶ καλὸν καὶ καλῷ εἶναι, ὅσα μὴ κατ' ἄλλο λέγεται, ἀλλὰ καθ' αὐτὰ καὶ πρῶτα. (Следовательно, необходимо, чтобы благо и суть бытия блага были едины, и прекрасное и суть бытия прекрасного — едины, и всё, что сказывается не через иное, но само по себе и первично.)

Ἀνάγκη (необходимо) — сильный модальный оператор. Серия пар τὸ ἀγαθὸν καὶ ἀγαθῷ εἶναι, καλὸν καὶ καλῷ εἶναι устанавливает универсальность закона. Оговорка ὅσα

μη κατ' ἄλλο λέγεται, ἀλλὰ καθ' αὐτὰ καὶ πρῶτα (всё, что сказывается не через иное, но само по себе и первично) ограничивает сферу действия закона только первичными сущностями. Противопоставление κατ' ἄλλο (через иное) и καθ' αὐτά (само по себе) грамматически фиксирует различие между производным и первичным бытием.

Итог: Ἔκ τε δὴ τούτων τῶν λόγων ἐν καὶ ταὐτὸ οὐ κατὰ συμβεβηκὸς αὐτὸ ἕκαστον καὶ τὸ τί ἦν εἶναι... (Итак, из этих доводов [явствует], что каждая вещь и её суть бытия суть одно и то же не по совпадению...) Οὐ κατὰ συμβεβηκὸς (не по совпадению) — решающее уточнение. Тождество вещи и сути бытия не акцидентально, а сущностно.

VI. Аргумент от бесконечного регресса: грамматика именованя (§§16–18).

Ἄτοπον δ' ἂν φανείη κἄν εἴ τις ἐκάστῳ ὄνομα θεῖτο τῶν τί ἦν εἶναι. (Нелепым показалось бы, если бы кто-либо для каждой сути бытия захотел дать особое имя.) Условное предложение с оптативом (εἴ τις... θεῖτο) моделирует гипотетическую ситуацию. Если дать имя «плащ» (ἰμάτιον) сути бытия лошади, то возникнет вопрос: а какова суть бытия самого «плаща»? Потребуется новое имя, и так до бесконечности: ἔσται γὰρ καὶ παρ' ἐκεῖνο ἄλλο, οἷον τῷ τί ἦν εἶναι ἵπλῳ τί ἦν εἶναι ἕτερον. (Ведь наряду с тем будет и другое, например, для сути бытия лошади будет иная суть бытия.)

Грамматическая конструкция с *παρά* + аккузатив (наряду с, помимо) создает образ параллельного ряда сущностей, умножающихся без конца. Это тот же аргумент «третьего человека», но примененный к языковому акту именованию.

Ответ на это: *Καίτοι τί κωλύει καὶ νῦν εἶναι ἕνια εὐθύς τί ἦν εἶναι, εἴπερ οὐσία τὸ τί ἦν εἶναι;* (Однако что мешает и теперь некоторым вещам быть сразу сутью бытия, если суть бытия есть сущность?) Риторический вопрос *τί κωλύει;* (что мешает?) разрушает искусственное разделение. Если суть бытия *есть* сущность, то нет нужды вводить промежуточные звенья: вещь и её суть бытия совпадают «сразу» (*εὐθύς*).

VII. Двойной статус привходящего: грамматика двужначности (§§14–15).

Для привходящего вводится тонкое различие: *τὸ δὲ κατὰ συμβεβηκὸς λεγόμενον... διὰ τὸ διπλὸν σημαίνει οὐκ ἀληθὲς εἰλεῖν ὡς ταῦτὸ τὸ τί ἦν εἶναι καὶ αὐτό.* (Привходящее же... из-за того, что оно обозначает двойное, нельзя истинно назвать тождественным своей сути бытия.) *Διπλὸν σημαίνει* (обозначает двойное) — грамматическая двужначность становится онтологической характеристикой. Привходящее (*τὸ συμβεβηκός*) означает одновременно:

- *ᾧ συμβέβηκε* (то, чему нечто привходит) — субстрат.
- *τὸ συμβεβηκός* (само привходящее свойство).

Поэтому: *ἔστι μὲν ὡς ταῦτόν, ἔστι δὲ ὡς οὐ ταῦτὸ τὸ τί ἦν*

εἶναι καὶ αὐτό· (В одном смысле суть бытия тождественна [вещи], а в другом — нет.) Конструкция ἔστι μὲν ὥς... ἔστι δὲ ὥς... (есть в каком-то смысле... а в каком-то нет) с наречием ὥς (как, в каком смысле) — стандартный для Аристотеля способ различать смыслы многозначного термина.

Уточнение: τῷ μὲν γὰρ ἀνθρώπῳ καὶ τῷ λευκῷ ἀνθρώπῳ οὐ ταὐτό, τῷ πάθει δὲ ταὐτό. (Для человека и для белого человека [суть бытия] не тождественна, но для свойства — тождественна.) Дательный падеж отношения (τῷ μὲν... τῷ δὲ...) разграничивает аспекты: для субстрата тождества нет, для самого свойства как такового — есть.

VIII. Финальное резюме и софистические возражения (§§19–21).

Ἄτι μὲν οὖν ἐπὶ τῶν πρώτων καὶ καθ' αὐτὰ λεγομένων τὸ ἐκάστῳ εἶναι καὶ ἕκαστον τὸ αὐτὸ καὶ ἓν ἐστὶ, δῆλον· (Итак, ясно, что для первичных и самостоятельно сущих вещей бытие каждой вещи и сама вещь суть одно и то же и едины.) Формула τὸ ἐκάστῳ εἶναι καὶ ἕκαστον (бытие каждой вещи и сама вещь) синтаксически сближает два инфинитивных оборота, утверждая их тождество. Τὸ αὐτὸ καὶ ἓν (одно и то же и едины) — два предиката, усиливающих друг друга: тождество и единство.

Софистические возражения (о Сократе и бытии Сократом) решаются тем же способом: οἱ δὲ σοφιστικοὶ ἔλεγχοι

πρὸς τὴν θέσιν ταύτην φανερόν ὅτι τῇ αὐτῇ λύονται λύσει... (Софистические опровержения этого положения очевидно разрешаются тем же решением...) Πολιπτὸτον λύονται λύσει (разрешаются решением) — повтор однокоренных слов — подчеркивает, что решение уже дано: различие «самого по себе» и «по совпадению» устраняет все софистические парадоксы.

Заклучение.

Глава 6 представляет собой триумф аристотелевского эссенциализма, доказанного через грамматику. Через аргументы от бесконечного регресса (εἰς ἄλειρον εἶσιν), от познания (ἐπιστήμη) и от языкового именованя (ὄνομα θεῖτο) Аристотель неопровержимо показывает, что для первичных сущностей вещь и её суть бытия необходимо тождественны. Грамматические конструкции условных периодов, дизъюнкций и противопоставлений (κατὰ συμβεβηκός / καθ' αὐτά, πρῶτως / ἐπομένως, ἀλλῶς / πῶς) служат каркасом этого доказательства. При этом для привходящего сохраняется двузначность: оно и тождественно себе как свойство, и не тождественно как составное с субстратом. Эта глава окончательно закрепляет за сутью бытия статус онтологического ядра вещи, без которого невозможно ни бытие, ни познание.

Глава 7

[1] Из вещей, которые появляются на свет, одни становятся-

ся по природе, другие — по искусству, третьи — по воле случая. Но все, что становится, становится через что-то, из чего-то и чем-то. Это нечто может подпадать под любую категорию, оно может быть этим, или качественным, или количественным, или где. [2] Что касается естественного становления, то это то, что становится от природы. [3] То, что становится чем-то, — это материя; то, чем она становится, — это природная вещь; то, чем она становится, — это человек или растение, короче говоря, то, что мы предпочитаем называть индивидуальной субстанцией. [4] Все, что становится природой или искусством, имеет материю: каждая такая вещь может как быть, так и не быть, и причина этого — материя в ней. Вообще, то, что становится чем-то, есть природа [5], как и то, после чего оно становится, ибо то, что становится, имеет природу, например, растение или животное. А то, благодаря чему нечто становится [6], — это подобная природа, которая обитает в другом: так человек производит человека. [7] Так происходит со становлением через природу. Другие виды производства называются деятельностью.

Все виды деятельности происходят от искусства, или от способности, или от мысли. [8] Некоторые из них также возникают сами по себе и случайно, как и то, что возникает по природе, ибо и здесь многие вещи возникают как без семени, так и из семени. [9] Но об этом позже. Через искусство же становится то, чья форма находится в [10] душе. Формой я называю понятие каждой вещи и ее своеобразную

[11] сущность. Ибо противоположное также имеет до некоторой степени ту же форму, поскольку отрицание имеет свою сущность в противоположной сущности, например, болезнь в здоровье, ибо болезнь возникает посредством отсутствия здоровья, [12] а здоровье — это понятие в душе и в науке. Поэтому здоровье возникает из следующей комбинации мыслей: раз это здоровье, то для того, чтобы что-то стало здоровым, должно произойти другое, например, равномерность гуморов, а для того, чтобы это возникло, должно произойти другое, [13] например, тепло. И так, мысленно переходя от одного звена в ряду причинно-следственных связей к другому, пока не придем к последнему, которое теперь можно воплотить в жизнь самому. Движение, приведенное в движение отсюда, которое имеет целью стать здоровым, теперь сразу же называется деланием». [14] Таким образом, в некотором смысле здоровье становится здоровьем из здоровья, а дом из дома, то есть реальный материальный дом из нематериального воображаемого дома; ибо искусство врачевания и искусство строительства [15] есть идея здоровья и дома. Но нематериальное бытие [16] я называю понятием. Произведения и движения — это отчасти мысль и отчасти действие: если начинать с непосредственного и с формы, то это мысль; если же, напротив, начинать с конечного пункта, к которому пришла мысль, то это действие. Точно так же каждый из средних членов становится действием. Например, чтобы человек стал здоровым, необходимо произвести равное коли-

чество его гуморов. Что же это за уровень гуморов? Это. И это последнее происходит, когда вырабатывается тепло. Но тепло, что это такое? Это. Это, с другой стороны, потенциально содержится в другом, и привести это последнее в бытие — во власти действующего [18] субъекта.

Таким образом, активным агентом и первой движущейся причиной здоровья является идея приостановки в случае становления искусством, и то же самое в случае становления случайностью, из которой искусник также исходит в производстве. Так, например, при лечении исходят из нагревания, [19] а нагревание происходит от трения: поэтому тепло, содержащееся в теле, либо является частью здоровья, либо за ним следует нечто, что является частью здоровья, прямо или косвенно: но это действенное является последним, а то, что является таковым, является частью здоровья и дома, (как, например, камни) и всего остального. Поэтому становление, как принято говорить, невозможно, если ничего [20] не существует заранее. Теперь ясно, что некоторая часть становящегося обязательно [21] существует заранее, ибо материя является частью становящегося постольку, поскольку она есть и становится содержащейся в нем. Но материя содержится и в том, что содержится в понятии. Ведь [22] мы указываем на то, что такое медный круг, двумя способами: во-первых, мы указываем на материю, а именно на руду; во-вторых, на форму, а именно на эту конкретную фигуру; а последняя, а именно форма, является родом, под который

изначально подпадает медный круг: таким образом, медный круг также имеет материю в своем понятии. Вещи, однако, когда они стали, обычно не называются так же, как материя, из которой они стали, но [23] называются только по ней; образ-столб, например, называется не камнем, а каменистым. Выздоровливающий же человек называется вовсе не по имени того [24], из чего он выздоравливает, и это потому, что он выздоравливает из лишения и из субстрата или материи. Ибо человек становится здоровым так же, как и больной: но скорее говорится [25], что подобное возникает из лишения, скорее, например, что кто-то становится здоровым из больного, чем из человека. Поэтому больной человек не называется здоровым, но человек и здоровый человек называются так. Но там, где лишение нечетко и безымянно, как, например, в случае руды — отрицание всякой фигуры или в случае кирпичей и деревянных конструкций — отрицание дома, как чего-то совершенно неопределенного, там становящееся кажется становящимся, как там здоровое из больного. Поэтому, как в последнем примере то, что становится, не [27] называется так же, как и то, из чего оно становится, так и здесь образ-столб называется не деревянным, а производным от деревянного, не руда — медной, не камень — каменной, а дом — не кирпичным, а каменным. Точнее, нельзя сказать, [28] что дерево становится столбом, а кирпичи — домом, потому что материал, из которого сделан продукт, не остается тем, что он есть, но должен измениться. И по этой

причине мы говорим так, как уже было сказано.

Анализ главы 7 книги VII «Метафизики»: Грамматика становления.

Седьмая глава занимает особое место в архитектонике книги Z: она переносит исследование из статического анализа сущности в динамическую плоскость становления. Аристотель рассматривает, *как* вещи возникают, и через грамматику этого процесса доказывает, что форма (εἶδος) не возникает и не уничтожается, а предсуществует. Грамматические структуры здесь моделируют причинно-следственные цепочки и раскрывают телеологический характер всякого возникновения.

I. Три источника становления и трехчастная структура возникновения (§1).

Глава открывается классификацией, построенной на тройном членении: Τῶν δὲ γιγνομένων τὰ μὲν φύσει γίνονται τὰ δὲ τέχνῃ τὰ δὲ ἄλλο ταῦτομάτου. (Из становящихся вещей одни становятся по природе, другие — по искусству, третьи — самопроизвольно.)

Тройная конструкция τὰ μὲν... τὰ δὲ... τὰ δὲ... (одни... другие... третьи...) задает исчерпывающую таксономию. При-

частиε γίγνομένων (становящихся) — презентное, указывающее на процессуальность. Термины различаются по типу причины: φύσει (дательный причины — природой), τέχνῃ (искусством), ἀπὸ ταῦτομάτου (от самопроизвольного, с предлогом ἀπό, указывающим на источник).

Далее универсальная трехчастная схема всякого становления: πάντα δὲ τὰ γιγνόμενα ὑπὸ τέ τινος γίγνεται καὶ ἔκ τινος καὶ τί. (Всё становящееся становится через что-то, из чего-то и чем-то.) Три вопросительных местоимения с предлогами (ὑπό, ἔκ, τί) — это грамматическая матрица четырех причин:

- ὑπὸ τινος (через что-то) — действующая причина.
- ἔκ τινος (из чего-то) — материальная причина.
- τί (чем, во что) — формальная причина.

Эта трехчастная формула, повторяемая почти как заклинание, задает структуру для всего последующего анализа.

II. Естественное становление: грамматика природы (§§2–6).

φύσει (по природе) — ключевой термин. Аристотель разворачивает его многозначность: τὸ μὲν γὰρ ἔξ οὗ... ἢ ὕλη, τὸ δὲ ὑφ' οὗ... τῶν φύσει τι ὄντων, τὸ δὲ καθ' ὃ... ἢ φύσις ἢ κατὰ τὸ εἶδος. (То, из чего — материя; то, через что — нечто из природно сущих; то, сообразно чему — природа согласно форме.)

Повтор артикля τὸ μὲν... τὸ δὲ... τὸ δὲ... субстантививирует каждую из трех функций. Формула ἄνθρωπος γὰρ ἄνθρωπον γεννᾷ (человек рождает человека) — это не просто пример, а грамматическая демонстрация сущностного тождества производящего и производимого: именительный падеж (ἄνθρωπος) производит винительный (ἄνθρωπον), но оба — одна форма.

Материя определяется через модальность возможности: πάντα δὲ τὰ γιγνόμενα... ἔχει ὕλην... δύναται γὰρ καὶ εἶναι καὶ μὴ εἶναι ἕκαστον αὐτῶν. (Всё становящееся имеет материю... ибо каждая такая вещь может и быть, и не быть.) Конструкция δύναται... καὶ εἶναι καὶ μὴ εἶναι (может и быть, и не быть) с инфинитивами фиксирует онтологическую нейтральность материи.

III. Становление через искусство: грамматика предсуществования формы в душе (§§9–17).

Это центральная часть главы. Аристотель вводит решающий тезис: ἀπὸ τέχνης δὲ γίγνεται ὅσων τὸ εἶδος ἐν τῇ ψυχῇ. (Через искусство становится то, чья форма [пребывает] в душе.) Предлог ἐν с дательным падежом (ἐν τῇ ψυχῇ) указывает на местонахождение: форма предсуществует *внутри* души мастера.

Уточнение: εἶδος δὲ λέγω τὸ τί ἦν εἶναι ἑκάστου καὶ τὴν πρώτην οὐσίαν. (Формой я называю суть бытия каждой

вещи и первичную сущность.) Аппозитивная конструкция отождествляет εἶδος, τί ἦν εἶναι и πρώτη οὐσία — три термина сведены в единый понятийный узел.

Грамматика мыслительного процесса (§§12–17): Аристотель моделирует врачебное искусство как обратную цепочку умозаключений: δεῖ δὴ ὑγιᾶ γενέσθαι... ἀνάγκη τοδὶ γενέσθαι... εἰ δὲ τοῦτο, τοδί. (Нужно стать здоровым... необходимо, чтобы произошло вот это... а если это, то вот это.) Имперсональные конструкции δεῖ (нужно) и ἀνάγκη (необходимо) моделируют гипотетическую необходимость. Указательные местоимения τοδί (вот это) повторяются, маркируя звенья каузальной цепи. Это грамматическая репрезентация νόησις (мышления), которое идет от цели (здоровья) к средствам (нагревание, растирание).

Переход к действию: ἡ δὲ ἀπὸ τούτου κίνησις ποίησις καλεῖται, ἡ ἐπὶ τῷ ὑγιαίνειν. (А движение отсюда, направленное на выздоровление, называется деланием.) Предлог ἀπὸ с родительным падежом (ἀπὸ τούτου — отсюда) указывает на точку перехода от мышления к действию. Причастие ἐπὶ τῷ ὑγιαίνειν (направленное на выздоровление) с предлогом ἐπί + дательный цели фиксирует телеологический характер ποίησις.

Итог: γίγνεται δὴ τὸ ὑγιὲς νοήσαντος οὕτως· ἐπειδὴ τοδὶ ὑγίεια, ἀνάγκη, εἰ ὑγιὲς ἔσται, τοδὶ ὑπάρξει... (Здоровое возникает, когда мыслят так: поскольку здоровье есть вот это, необходимо, если будет здоровое, чтобы было в наличии

вот это...) Причастие аориста νοήσαντος (когда помыслят) в родительном независимом (Genetivus absolutus) фиксирует мышление как предварительное условие действия.

Фундаментальный вывод о тождестве формы: ὥστε συμβαίνει τρόπον τινὰ τὴν ὑγίειαν ἐξ ὑγείας γίνεσθαι καὶ τὴν οἰκίαν ἐξ οἰκίας, τῆς ἄνευ ὕλης τῆς ἐχούσης ὕλην. (Так что в некотором смысле здоровье возникает из здоровья, а дом — из дома: из нематериального [дома] — материальный.) Конструкция τῆς ἄνευ ὕλης τῆς ἐχούσης ὕλην (из нематериального — материальный) — генитивная аппозиция, противопоставляющая два состояния одной и той же формы. Ἡ γὰρ ἰατρικὴ τέχνη... τὸ εἶδος τῆς ὑγείας (Врачебное искусство есть форма здоровья) — номинативное предложение тождества, отождествляющее искусство с формой производимой вещи.

IV. Становление через самопроизвольность: грамматика параллелизма (§18).

Аристотель проводит параллель между искусственным и самопроизвольным становлением: ὥσπερ δὲ λέγεται, ὁμοίως ἔχει καὶ ἐπὶ τῶν ἀπὸ ταῦτομάτου γιγνομένων. (Как было сказано, подобным же образом обстоит дело и со становящимся самопроизвольно.) Сравнительная конструкция ὥσπερ... ὁμοίως... (как... подобным же образом) устанавливает изоморфизм двух типов становления. Самопроизвольное воз-

никновение проходит те же стадии, что и искусственное, но без участия мыслящего агента. Это подготавливает универсализацию вывода.

V. Материя и лишение: грамматика названия (§§20–28).

Эта часть главы посвящена языковой практике именования возникшего.

Различие двух типов «из чего»: Ἐλεῖ δὲ τὸ γιγνόμενον ἔκ τινος γίγνεται... λέγω δ' οἶον... (Поскольку становящееся становится из чего-то... я говорю, например...) Аристотель вводит различие между возникновением из материи и из лишения (στέρησις).

Материя: статуя возникает из меди, и называется «медной» (χαλκοῦς), но не «медью» (χαλκός). Грамматическое различие между существительным и отыменным прилагательным (χαλκός / χαλκοῦς, λίθος / λίθινος) фиксирует метаморфозу материи: она сохраняется, но меняет форму.

Лишение: выздоравливающий возникает из больного, но называется не «больным», а «здоровым». Почему? Потому что лишение (болезнь) преодолевается: ἀλλ' ὁμῶς λέγεται κάκεῖνο ἐκείνῳ κάλλιον, οἶον ἐκ κάμνοντος ὑγίης. (Но всё же предпочтительнее говорить, что здоровый [возникает] из больного.) Наречие κάλλιον (предпочтительнее, правильнее) вводит нормативную грамматику: язык сам указыва-

ет на правильное понимание становления. Конструкция ἐκ κάμνοντος (из больного) с родительным падежом обозначает исходное состояние-лишение.

Неясное лишение: ὅπου δ' ἡ στέρησις ἄδηλος καὶ ἀνώνυμος, οἷον ἐν τῷ χαλκῷ τοῦ σχήματος... δοκεῖ ὡς ἐκεῖ ἐκ κάμνοντος. (А где лишение неясно и безымянно, как в случае меди, [лишенной] фигуры... там кажется, что [возникает] как там — из больного.) Прилагательные ἄδηλος (неясное) и ἀνώνυμος (безымянное) указывают на эпистемический статус лишения в случае материи: в отличие от болезни, «не-статуя» не имеет собственного имени. Однако возникновение и здесь происходит через преодоление лишения.

Грамматика «из чего»: διὸ ἐκεῖνό τε οὐ λέγεται, καὶ ἐνταῦθα ὁ ἀνδριάς ξύλινος, οὐ ξύλον, καὶ χαλκοῦς, οὐ χαλκός... (Поэтому и там не говорится [«из человека»], и здесь статуя [называется] деревянной, а не деревом, и медной, а не медью...) Повторяющаяся конструкция с отрицанием οὐ (не) и противопоставлением прилагательного существительному (ξύλινος, οὐ ξύλον) демонстрирует, что язык последовательно различает материю и возникшую вещь.

Финальное правило: τὸ γὰρ γινόμενον δεῖ μεταβάλλειν, καὶ οὐχ ὑπομένειν. (Ведь становящееся должно изменяться, а не оставаться [тем же].) Инфинитивы μεταβάλλειν (изменяться) и ὑπομένειν (оставаться) в конструкции с δεῖ (должно) выражают онтологическую необходимость: материя в процессе становления должна претер-

петь изменение, утратить прежнюю форму-лишение и обрести новую. Именно поэтому возникшее не может называться именем исходной материи.

Заключение.

Глава 7 представляет собой мастерское применение грамматического анализа к процессу становления. Трехчастная формула $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}\ \tau\iota\nu\acute{o}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\kappa\ \tau\iota\nu\omicron\varsigma$, $\tau\acute{\iota}$ задает универсальную матрицу причинности. Грамматика условных периодов и указательных местоимений моделирует $\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$ — мыслительный процесс, обратный $\lambda\omicron\acute{\iota}\eta\sigma\iota\varsigma$. Анализ именования ($\chi\alpha\lambda\acute{\kappa}\acute{o}\varsigma$ / $\chi\alpha\lambda\kappa\omicron\upsilon\varsigma$, $\acute{\kappa}\acute{\alpha}\mu\nu\omega\nu$ / $\acute{\upsilon}\gamma\iota\acute{\eta}\varsigma$) раскрывает онтологическое различие между материей и лишением. Главный вывод главы, подготовленный всеми этими грамматическими операциями, состоит в том, что форма ($\acute{\epsilon}\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$) не возникает и не уничтожается: она предсуществует либо в природе, либо в душе мастера, а возникновение есть лишь оформление материи, переход от лишения к обладанию формой. Язык, с его различием существительных и отыменных прилагательных, с его условными и телеологическими конструкциями, оказывается точным инструментом для онтологического анализа становления.

Глава 8.

(Bekker, 1033a 24 – 1034a 8).

1033a 24 Ἐπεὶ δὲ ὑπὸ τέ τινος γίνεται τὸ γιγνόμενον (τοῦτο δὲ λέγω ὄθεν ἢ ἀρχὴ τῆς γενέσεώς ἐστι) καὶ ἔκ τινος (ἔστω δὲ μὴ ἢ στέρησις τοῦτο ἀλλ' ἢ ὕλη· ἥδη γὰρ διώρισται ὄν τρόπον τοῦτο λέγομεν) καὶ τί γίνεται (τοῦτο δ' ἐστὶν ἢ σφαῖρα ἢ κύκλος ἢ ὅ τι ἔτυχε τῶν ἄλλων), ὥσπερ οὐδὲ τὸ ὑποκείμενον ποιεῖ, τὸν χαλκόν, οὕτως οὐδὲ τὴν σφαῖραν, εἰ μὴ κατὰ συμβεβηκὸς ὅτι ἡ χαλκῆ σφαῖρα σφαῖρά ἐστιν ἐκείνην δὲ ποιεῖ.

1033a 30 Τὸ γὰρ τόδε τι ποιεῖν ἐκ τοῦ ὅλως ὑποκειμένου τόδε τι ποιεῖν ἐστίν (λέγω δ' ὅτι τὸν χαλκόν στρογγύλον ποιεῖν ἐστὶν οὐ τὸ στρογγύλον ἢ τὴν σφαῖραν ποιεῖν ἀλλ' ἕτερόν τι, οἷον τὸ εἶδος τοῦτο ἐν ἄλλῳ· εἰ γὰρ ποιεῖ, ἔκ τινος ἂν ποιοίη ἄλλου, τοῦτο γὰρ ὑπέκειτο· οἷον ποιεῖ χαλκῆν σφαῖραν, τοῦτο δὲ οὕτως ὅτι ἐκ τουδί, ὃ ἐστὶ χαλκός, τοδί ποιεῖ, ὃ ἐστὶ σφαῖρα· εἰ οὖν καὶ τοῦτο ποιεῖ αὐτό, δῆλον ὅτι ὡσαύτως ποιήσει, καὶ βαδιοῦνται αἱ γενέσεις εἰς ἄπειρον.

1033b 5 Φανερόν ἄρα ὅτι οὐδὲ τὸ εἶδος, ἢ ὅτιδήποτε χρὴ καλεῖν τὴν ἐν τῷ αἰσθητῷ μορφήν, οὐ γίνεται, οὐδ' ἔστιν αὐτοῦ γένεσις, οὐδὲ τὸ τί ἦν εἶναι (τοῦτο γὰρ ἐστὶν ὃ ἐν ἄλλῳ γίνεται ἢ ὑπὸ τέχνης ἢ ὑπὸ φύσεως ἢ δυνάμεως). Τὸ δὲ χαλκῆν σφαῖραν εἶναι ποιεῖ· ποιεῖ γὰρ ἐκ χαλκοῦ καὶ σφαίρας· εἰς τοδί γὰρ τὸ εἶδος ποιεῖ, καὶ ἔστι τοῦτο σφαῖρα

χαλκῆ. Τοῦ δὲ σφαῖρα εἶναι ὅλως εἶ ἔσται γένεσις, ἕκ τινος τὶ ἔσται. Δεήσει γὰρ διαιρετὸν εἶναι ἀεὶ τὸ γιγνόμενον, καὶ εἶναι τὸ μὲν τότε τὸ δὲ τότε, λέγω δ' ὅτι τὸ μὲν ὕλην τὸ δὲ εἶδος.

1033b 12 Εἰ δὴ ἐστὶ σφαῖρα τὸ ἐκ τοῦ μέσου σχῆμα ἴσον, τούτου τὸ μὲν ἐν ᾧ ἔσται ὃ ποιεῖ, τὸ δ' ἐν ἐκείνῳ, τὸ δὲ ἅπαν τὸ γεγονός, οἷον ἢ χαλκῆ σφαῖρα.

1033b 14 Φανερόν δὴ ἐκ τῶν εἰρημένων ὅτι τὸ μὲν ὡς εἶδος ἢ οὐσία λεγόμενον οὐ γίγνεται, ἢ δὲ σύνολος ἢ κατὰ ταύτην λεγομένη γίγνεται, καὶ ὅτι ἐν παντὶ τῷ γεννωμένῳ ὕλη ἐνεσσι, καὶ ἔστι τὸ μὲν τότε τὸ δὲ τότε.

1033b 18 Πότερον οὖν ἔστι τις σφαῖρα παρὰ τάσδε ἢ οἰκία παρὰ τὰς πλίνθους; Ἡ οὐδ' ἂν ποτε ἐγίγνετο, εἰ οὕτως ἦν, τότε τι, ἀλλὰ τὸ τοιόνδε σημαίνει, τότε δὲ καὶ ὠρισμένον οὐκ ἔστιν, ἀλλὰ ποιεῖ καὶ γεννᾷ ἐκ τοῦδε τοιόνδε, καὶ ὅταν γεννηθῆ, ἔστι τότε τοιόνδε; Τὸ δὲ ἅπαν τότε, Καλλίας ἢ Σωκράτης, ἐστὶν ὡσπερ ἢ σφαῖρα ἢ χαλκῆ ἡδί, ὃ δ' ἄνθρωπος καὶ τὸ ζῶον ὡσπερ σφαῖρα χαλκῆ ὅλως.

1033b 24 Φανερόν ἄρα ὅτι ἢ τῶν εἰδῶν αἰτία, ὡς εἰώθασιν τινες λέγειν τὰ εἶδη, εἰ ἔστιν ἅπτα παρὰ τὰ καθ' ἕκαστα, πρὸς γε τὰς γενέσεις καὶ τὰς οὐσίας οὐθὲν χρησίμη· οὐδ' ἂν εἶεν διὰ γε ταῦτα οὐσίαι καθ' αὐτάς.

1033b 28 Ἐπὶ μὲν δὴ τινων καὶ φανερόν ὅτι τὸ γεννῶν τοιοῦτον μὲν οἷον τὸ γεννώμενον, οὐ μέντοι τὸ αὐτό γε, οὐδὲ ἐν τῷ ἀριθμῷ ἀλλὰ τῷ εἶδει, οἷον ἐν τοῖς φυσικοῖς - ἄνθρωπος γὰρ ἄνθρωπον γεννᾷ - ἂν μὴ τι παρὰ φύσιν

γένηται, οἷον ἵππος ἡμίονον (καὶ ταῦτα δὲ ὁμοίως· ὁ γὰρ ἂν κοινὸν εἶη ἐφ' ἵππου καὶ ὄνου οὐκ ὠνόμασαι, τὸ ἐγγύτατα γένος, εἶη δ' ἂν ἄμφω ἴσως, οἷον ἡμίονος)· ὥστε φανερὸν ὅτι οὐθὲν δεῖ ὡς παράδειγμα εἶδος κατασκευάζειν (μάλιστα γὰρ ἂν ἐν τούτοις ἐπεζητοῦντο· οὐσίαι γὰρ αἱ μάλιστα αὐταὶ) ἀλλὰ ἱκανὸν τὸ γεννῶν ποιῆσαι καὶ τοῦ εἶδους αἴτιον εἶναι ἐν τῇ ὕλῃ.

1034a 4 Τὸ δ' ἅπαν ἤδη, τὸ τοιόνδε εἶδος ἐν ταῖσδε ταῖς σαρξὶ καὶ ὀστοῖς, Καλλίας καὶ Σωκράτης· καὶ ἕτερον μὲν διὰ τὴν ὕλην (ἐτέρα γάρ), ταῦτὸ δὲ τῷ εἶδει (ἄτομον γὰρ τὸ εἶδος).

Глава 8.

[1] Поскольку возникающее возникает от чего-то (я называю это тем, откуда начало возникновения) и из чего-то (пусть это будет не лишение, а материя, ибо уже разъяснено, в каком смысле мы так говорим), и становится чем-то (это есть либо сфера, либо круг, либо что бы то ни было иное), — то, как [производящее] не создаёт субстрат (например, медь), так оно не создаёт и сферу, разве только по совпадению, поскольку медная сфера есть сфера, но [производящее] создаёт её.

[2] В самом деле, создать «вот это нечто» значит создать нечто определённое из субстрата вообще. (Я говорю, что сделать медь круглой — это не создать круглое или сферу, но нечто иное, а именно привнести эту форму в другое. Ведь если бы [производящее] создавало [форму], то оно создава-

ло бы её из чего-то иного, ибо субстрат уже был налицо. Например, оно создаёт медную сферу, — [это значит], что из вот этого (меди) оно создаёт вот это (сферу). Если же оно создаёт и саму [сферу], то очевидно, что оно будет создавать её таким же образом, и [процесс] возникновения уйдёт в бесконечность.)

[3] Итак, очевидно, что ни форма — или как бы ни следовало называть [то, что] в чувственно воспринимаемой вещи [является] её обликом, — не возникает, и нет её возникновения, ни суть бытия. (Ведь именно она возникает в другом либо от искусства, либо от природы, либо от способности.) Однако [производящее] создаёт бытие медной сферы: оно создаёт [её] из меди и из сферы, ибо оно создаёт, [внедряя форму] в вот это, и результатом является медная сфера. Если же бытие сферы вообще имело бы возникновение, то оно возникало бы из чего-то как нечто. Ведь возникающее всегда должно быть делимым, и одно в нём — это, другое — то, т.е. одно — материя, другое — форма.

[4] Если, таким образом, сфера есть фигура, равно отстоящая от центра, то одна её часть — то, во что [производящее] влагает то, что создаётся, другая — то, что [влагается] в неё, а целое — это возникшее, например, медная сфера.

[5] Итак, из сказанного очевидно, что то, что называется формой или сущностью, не возникает, возникает же то, что называется совокупностью [форм и материи] согласно этой [форме]; и что во всём порождаемом содержится материя, и

что одно в нём есть материя, другое — форма.

[6] Существует ли же какая-либо сфера помимо этих [отдельных сфер] или дом помимо кирпичей? Или же, будь это так, никогда не возникало бы «вот этого нечто»? Напротив, [форма] обозначает «такое-то», а «вот это» и определённое [как единичное] не существует, но [производящее] создаёт и порождает из вот этого нечто такое-то, и когда оно порождено, оно есть «вот это, такое-то».

[7] Целое же «вот это», например, Каллий или Сократ, подобно вот этому медному шару; а человек и животное подобны медному шару вообще.

[8] Итак, очевидно, что причина в смысле идей (как некоторые привыкли говорить об идеях), если и существуют какие-либо [сущности] помимо единичных, бесполезна для возникновений и для сущностей. И по этой причине они не были бы сущностями сами по себе.

[9] В самом деле, в некоторых случаях очевидно, что порождающее таково же, как и порождаемое, но не тождественно и не едино по числу, а едино по виду, как, например, в природных [вещах] — ведь человек порождает человека, если только не происходит что-то против природы, например, лошадь порождает мула. (Но и в этом случае дело обстоит сходным образом: ибо то общее, что было бы у лошади и осла, не имеет имени, — ближайший род; они оба, пожалуй, и есть, например, мул.)

[10] Так что очевидно, что нет никакой нужды устанавли-

вать форму как образец — особенно её следовало бы искать в этих [природных вещах], ибо они в наибольшей мере суть сущности, — но достаточно, чтобы порождающее производило и было причиной формы в материи.

[11] Целое же, а именно такая-то форма в этой плоти и этих костях, — это Каллий и Сократ. И они различны по материи (ибо она различна), но тождественны по виду (ибо вид неделим).

Анализ главы 8 книги VII «Метафизики»: Грамматика невозникновения формы.

Восьмая глава представляет собой кульминацию учения о форме. Если глава 7 показала, *как* происходит становление, то глава 8 делает решающий онтологический вывод: форма (εἶδος) и суть бытия (τὸ τί ἦν εἶναι) не возникают и не уничтожаются. Грамматические структуры этой главы последовательно разрушают саму возможность мыслить форму как продукт становления, одновременно нанося удар по платоновской теории идей.

I. Исходная матрица: повтор трехчастной формулы становления (§1).

Глава начинается с рекапитуляции, которая сразу же вво-

дит ключевое ограничение: Ἐλεῖ δὲ ὑπὸ τέ τινος γίγνεται τὸ γιγνόμενον... καὶ ἔκ τινος (ἔστω δὲ μὴ ἢ στέρησις τοῦτο ἀλλ' ἢ ὕλη· ἤδη γὰρ διώριστα ὄν τρόπον τοῦτο λέγομεν) καὶ τί γίγνεται...

Трехчастная формула ὑπὸ τινος... ἔκ τινος... τί (от чего-то... из чего-то... чем-то) повторяет матрицу главы 7. Но здесь вводится решающее уточнение: ἔστω δὲ μὴ ἢ στέρησις τοῦτο ἀλλ' ἢ ὕλη (пусть это будет не лишение, а материя). Императив ἔστω (пусть будет) — не просто предположение, а методологическое предписание: для целей данного анализа мы *должны* рассматривать «из чего» именно как материю, а не как лишение. Это грамматически отсекает один из двух смыслов ἔκ τινος, установленных в главе 7, и фокусирует анализ на отношении материи и формы.

Далее следует центральный тезис: ὥσπερ οὐδὲ τὸ ὑποκείμενον ποιεῖ, τὸν χαλκόν, οὕτως οὐδὲ τὴν σφαῖραν, εἰ μὴ κατὰ συμβεβηκός... (Как [производящее] не создаёт субстрат, например медь, так оно не создаёт и сферу, разве только по совпадению...)

Сравнительная конструкция ὥσπερ... οὕτως... (как... так и...) устанавливает строгий параллелизм между материей и формой: обе *не создаются*. Оговорка εἰ μὴ κατὰ συμβεβηκός (разве только по совпадению) грамматически маркирует единственный допустимый смысл, в котором можно говорить о «создании» формы: медная сфера есть сфера, и создание медной сферы *по совпадению* является созданием сфе-

ры. Но сущностно (καθ' αὐτό) форма не возникает.

II. Грамматика «вот этого»: различие между формой и составным (§§2–5).

Аристотель вводит ключевое различие через указательные местоимения и артикли: Τὸ γὰρ τόδε τι ποιεῖν ἐκ τοῦ ὅλως ὑποκειμένου τόδε τι ποιεῖν ἐστίν. (Создать «вот это нечто» значит создать нечто определённое из субстрата вообще.)

Повтор τόδε τι (вот это нечто) — сначала в винительном падеже как объект создания, затем как его результат — грамматически фиксирует: создается всегда конкретная вещь, а не форма.

Далее следует блестящий пример грамматической демонстрации: τὸν χαλκὸν στρογγύλον ποιεῖν ἐστίν οὐ τὸ στρογγύλον ἢ τὴν σφαιραίνην ποιεῖν ἀλλ' ἕτερόν τι, οἷον τὸ εἶδος τοῦτο ἐν ἄλλῳ. (Сделать медь круглой — это не создать круглое или сферу, но нечто иное, а именно [привнести] эту форму в другое.)

Оппозиция οὐ... ἀλλά... (не... но...) разрушает ложное отождествление. Создание медной сферы — это не создание формы «сфера», а внедрение уже существующей формы в материю. Формула τὸ εἶδος τοῦτο ἐν ἄλλῳ (эта форма в другом) с предлогом ἐν (в) пространственно моделирует онтологическую структуру: форма «помещается» в материю, но

сама не производится.

III. Бесконечный регресс как грамматический аргумент (§§4–5).

Аристотель строит *reductio ad absurdum*, используя синтаксис условных предложений: εἰ γὰρ ποιεῖ, ἔκ τινος ἂν ποιοίη ἄλλου, τοῦτο γὰρ ὑπέκειται... εἰ οὖν καὶ τοῦτο ποιεῖ αὐτό, δῆλον ὅτι ὡσαύτως ποιήσει, καὶ βαδιοῦνται αἱ γενέσεις εἰς ἄπειρον. (Ведь если бы [производящее] создавало [форму], то оно создавало бы её из чего-то иного, ибо субстрат уже был налицо... Если же оно создаёт и саму [форму], то очевидно, что оно будет создавать её таким же образом, и [процесс] возникновения уйдёт в бесконечность.)

Условный период с ирреальным оптативом (ἂν ποιοίη — создавало бы) моделирует гипотетическую ситуацию. Глагол βαδιοῦνται (пойдут, зашагают) в будущем времени с предлогом εἰς ἄπειρον (в бесконечность) создает яркий образ неостановимого движения. Всякое создание есть создание из материи и формы; если бы мы захотели создать форму, нам пришлось бы создавать её из другой формы и другой материи, и так без конца. Это классический аргумент против бесконечного регресса, грамматически реализованный через цепочку условных предложений.

Вывод категоричен: Φανερόν ἄρα ὅτι οὐδὲ τὸ εἶδος... οὐ γίγνεται, οὐδ' ἔστιν αὐτοῦ γενέσεις, οὐδὲ τὸ τί ἦν εἶναι. (Итак,

очевидно, что ни форма... не возникает, ни есть её возникновение, ни суть бытия.)

Тройное отрицание οὐδὲ... οὐ... οὐδὲ... οὐδὲ... (ни... не... ни... ни...) с нарастающей силой отсекает всякую возможность приписать форме генезис. Форма и суть бытия — термины, поставленные здесь в синтаксический параллелизм, — не просто «не возникают», но для них «нет возникновения» как такового.

IV. Делимость возникающего: грамматика необходимости (§8).

Τοῦ δὲ σφαίρα εἶναι ὅλως εἰ ἔσται γένεσις, ἔκ τινος τί ἔσται. Δεήσει γὰρ διαιρετὸν εἶναι ἀεὶ τὸ γιγνόμενον, καὶ εἶναι τὸ μὲν τόδε τὸ δὲ τόδε, λέγω δ' ὅτι τὸ μὲν ὕλην τὸ δὲ εἶδος. (Если же бытие сферы вообще имело бы возникновение, то оно возникало бы из чего-то как нечто. Ведь возникающее всегда должно быть делимым, и одно в нём — это, другое — то, т.е. одно — материя, другое — форма.)

Ирреальный период εἰ ἔσται γένεσις... ἔσται (если бы было возникновение... то было бы) моделирует невозможную ситуацию. Глагол долженствования δεήσει (должно будет) в безличной конструкции вводит онтологическую необходимость: возникающее *должно* быть делимо на материю и форму. Но форма проста и неделима (ἄτομον τὸ εἶδος). Следовательно, она не может возникать.

Повтор τὸ μὲν τότε τὸ δὲ τότε (одно — это, другое — то) с указательными местоимениями подчеркивает двойственность всего возникающего. Эта двойственность исключает форму из сферы генезиса.

V. Критика идей: грамматика τοιόνδε vs. τότε τι (§§11–13).

Аристотель применяет полученный результат к платоновской теории: Πότερον οὖν ἔστι τις σφαῖρα παρὰ τὰσδε ἢ οἰκία παρὰ τὰς πλίνθους; ἢ οὐδ' ἄν ποτε ἐγίγνετο, εἰ οὕτως ἦν, τότε τι, ἀλλὰ τὸ τοιόνδε σημαίνει, τότε δὲ καὶ ὠρισμένον οὐκ ἔστιν... (Существует ли какая-либо сфера помимо этих [отдельных сфер] или дом помимо кирпичей? Или же, будь это так, никогда не возникало бы «вот это нечто»? Напротив, [форма] обозначает «такое-то», а «вот это» и определённое не существует...)

Риторический вопрос πότερον... ἢ... (ли... или...) вводит проверку платоновской гипотезы. Ответ с ἢ οὐδ' ἄν ποτε... (или же никогда бы не...) отвергает ее через демонстрацию абсурдного следствия: если бы идеи существовали отдельно, возникновение конкретных вещей было бы невозможно.

Ключевая терминологическая оппозиция:

· τοιόνδε (такое-то) — форма обозначает качественную определённость, «каковость».

· τότε τι (вот это нечто) — конкретная вещь, обладающая

количественной и пространственной определённости.

Грамматическое различие между указательным местоимением τόδε (вот это) и местоименным прилагательным τοῖόνδε (такое-то) становится онтологическим принципом. Форма не есть τόδε τι; она становится таковым только в соединении с материей.

Итоговая критика идей: Φανερόν ἄρα ὅτι ἡ τῶν εἰδῶν αἰτία... πρὸς γε τὰς γενέσεις καὶ τὰς οὐσίας οὐθὲν χρησίμη· οὐδ' ἂν εἶεν διὰ γε ταῦτα οὐσίαι καθ' αὐτάς. (Итак, очевидно, что причина в смысле идей... бесполезна для возникновения и для сущностей. И по этой причине они не были бы сущностями сами по себе.)

Двойное отрицание οὐθὲν χρησίμη (нисколько не полезна) и οὐδ' ἂν εἶεν... οὐσίαι (и не были бы сущностями) с ирреальным оптативом окончательно дискредитирует идеи как объяснительный принцип.

VI. Грамматика порождения: тождество по виду, различие по числу (§§15–16).

ἄνθρωπος γὰρ ἄνθρωπον γεννᾷ... τὸ γεννῶν τοιοῦτον μὲν οἶον τὸ γεννώμενον, οὐ μέντοι τὸ αὐτό γε, οὐδὲ ἐν τῷ ἀριθμῷ ἀλλὰ τῷ εἶδει. (Человек рождает человека... порождающее таково же, как и порождаемое, но не тождественно и не едино по числу, а едино по виду.)

Формула ἄνθρωπος ἄνθρωπον γεννᾷ (человек человека)

рождает) — грамматическое тождество субъекта и объекта при различии падежей (именительный vs. винительный) — моделирует единство формы и различие материальных носителей.

Тройное отрицание οὐ μὲντοι... οὐδὲ... ἀλλὰ... (однако не... и не... но...) разграничивает:

- τὸ αὐτό (тождественное) — полное тождество.
- ἐν τῷ ἀριθμῷ (единое по числу) — нумерическое единство.
- τῷ εἶδει (по виду) — формальное единство.

Порождающее и порождаемое едины по виду, но различны по числу и по материи. Это заменяет платоновскую идею как отдельно существующий образец.

ὥστε φανερόν ὅτι οὐθὲν δεῖ ὡς παράδειγμα εἶδος κατασκευάζειν... ἀλλὰ ἰκανὸν τὸ γεννῶν ποιῆσαι καὶ τοῦ εἶδους αἴτιον εἶναι ἐν τῇ ὕλῃ. (Так что очевидно, что нет никакой нужды устанавливать форму как образец... но достаточно, чтобы порождающее производило и было причиной формы в материи.)

Оппозиция οὐθὲν δεῖ... ἀλλὰ ἰκανὸν... (нет нужды... но достаточно...) заменяет трансцендентную идею имманентной действующей причиной.

VII. Финальная формула: единство формы, различие материи (§18).

Τὸ δ' ἅπαν ἤδη, τὸ τοιόνδε εἶδος ἐν ταῖσδε ταῖς σαρκὶ καὶ ὀστοῖς, Καλλίας καὶ Σωκράτης· καὶ ἕτερον μὲν διὰ τὴν ὕλην (ἑτέρα γάρ), ταῦτὸ δὲ τῷ εἶδει (ἄτομον γὰρ τὸ εἶδος). (Целое же, а именно такая-то форма в этой плоти и этих костях, — это Каллий и Сократ. И они различны по материи (ибо она различна), но тождественны по виду (ибо вид неделим).)

Противопоставление ἕτερον μὲν... ταῦτὸ δὲ... (различны... но тождественны...) с каузальными частицами γάρ (ибо) в скобках подводит итог всему учению о форме и материи. Материя — принцип индивидуации и различия, форма — принцип единства и тождества. Прилагательное ἄτομον (неделимое) применительно к форме означает её простоту и вневременность: она не возникает, не уничтожается и не делится.

Заключение.

Глава 8 представляет собой триумф аристотелевского эссенциализма, достигнутый через грамматическое моделирование онтологических структур. Трехчастная формула становления, очищенная от лишнего, демонстрирует, что воз-

никающее всегда делимо на материю и форму. Условные периоды с оптативом строят *reductio ad absurdum*: если бы форма возникала, процесс уходил бы в бесконечность. Оппозиция *τοῖόνδε / τόδε τι* разрушает платоновское гипостазирование идей. А финальная формула *ἄτομον γὰρ τὸ εἶδος* закрепляет форму как неделимый, вечный принцип бытия. Грамматика здесь — не инструмент описания, а орудие онтологического доказательства: сама структура языка (невозможность сказать «создать круглое» без противоречия) свидетельствует о том, что форма не возникает, но предсуществует как условие всякого становления.

Глава 9.

(Bekker, 1034a 9 – 1034b 19).

1034a 9 Ἀπορήσειε δ' ἄν τις διὰ τί τὰ μὲν γίγνεται καὶ τέχνη καὶ ἀπὸ ταυτομάτου, οἷον ὑγίεια, τὰ δ' οὐ, οἷον οἰκία.

1034a 11 Αἴτιον δὲ ὅτι τῶν μὲν ἢ ὕλη ἢ ἄρχουσα τῆς γενέσεως ἐν τῷ ποιεῖν καὶ γίγνεσθαι τι τῶν ἀπὸ τέχνης, ἐν ἧ ὑπάρχει τι μέρος τοῦ πράγματος, ἢ μὲν τοιαύτη ἐστὶν οἷα κινεῖσθαι ὑφ' αὐτῆς ἢ δ' οὐ, καὶ ταύτης ἢ μὲν ὡδί οἷα τε ἢ δὲ ἀδύνατος· πολλὰ γὰρ δυνατὰ μὲν ὑφ' αὐτῶν κινεῖσθαι ἀλλ' οὐχ ὡδί, οἷον ὀρχήσασθαι.

1034a 15 Ὅσων οὖν τοιαύτη ἢ ὕλη, οἷον οἱ λίθοι, ἀδύνατον ὡδί κινηθῆναι εἰ μὴ ὑπ' ἄλλου, ὡδί μέντοι ναί - καὶ τὸ πῦρ. Διὰ τοῦτο τὰ μὲν οὐκ ἔσται ἄνευ τοῦ ἔχοντος τὴν τέχνην τὰ δὲ ἔσται· ὑπὸ γὰρ τούτων κινηθήσεται τῶν οὐκ ἔχόντων τὴν τέχνην, κινεῖσθαι δὲ δυναμένων αὐτῶν ὑπ' ἄλλων οὐκ ἔχόντων τὴν τέχνην ἢ ἐκ μέρους.

1034a 21 Δῆλον δ' ἐκ τῶν εἰρημένων καὶ ὅτι τρόπον τινὰ πάντα γίγνεται ἐξ ὁμωνύμου, ὥσπερ τὰ φύσει, ἢ ἐκ μέρους ὁμωνύμου (οἷον ἢ οἰκία ἐξ οἰκίας, ἢ ὑπὸ νοῦ· ἢ γὰρ τέχνη τὸ εἶδος) ἢ ἔχοντός τι μέρος, ἐὰν μὴ κατὰ συμβεβηκὸς γίγνηται· τὸ γὰρ αἴτιον τοῦ ποιεῖν πρῶτον καθ' αὐτὸ μέρος.

1034a 25 Θερμότης γὰρ ἢ ἐν τῇ κινήσει θερμότητα ἐν τῷ σώματι ἐποίησεν· αὕτη δὲ ἐστὶν ἢ ὑγίεια ἢ μέρος, ἢ ἀκολουθεῖ αὐτῇ μέρος τι τῆς ὑγιείας ἢ αὐτὴ ἢ ὑγίεια· διὸ καὶ

λέγεται ποιεῖν, ὅτι ἐκεῖνο ποιεῖ [τὴν ὑγίειαν] ᾧ ἀκολουθεῖ καὶ συμβέβηκε [θερμότης].

1034a 29 Ὡστε, ὡσπερ ἐν τοῖς συλλογισμοῖς, πάντων ἀρχὴ ἢ οὐσία· ἐκ γὰρ τοῦ τί ἐστὶν οἱ συλλογισμοὶ εἰσιν, ἐνταῦθα δὲ αἱ γενέσεις. Ὁμοίως δὲ καὶ τὰ φύσει συνιστάμενα τούτοις ἔχει.

1034a 31 – 1034b 1 Τὸ μὲν γὰρ σπέρμα ποιεῖ ὡσπερ τὰ ἀπὸ τέχνης (ἔχει γὰρ δυνάμει τὸ εἶδος, καὶ ἀφ' οὗ τὸ σπέρμα, ἐστὶ πῶς ὁμώνυμον - οὐ γὰρ πάντα οὕτω δεῖ ζητεῖν ὡς ἐξ ἀνθρώπου ἄνθρωπος· καὶ γὰρ γυνὴ ἐξ ἀνδρός - ἐὰν μὴ πῆρωμα ἦ· διὸ ἡμίονος οὐκ ἐξ ἡμίονου).

1034b 3 Ὅσα δὲ ἀπὸ ταυτομάτου ὡσπερ ἐκεῖ γίγνεται, ὅσων ἢ ὕλη δύναται καὶ ὑφ' αὐτῆς κινεῖσθαι ταύτην τὴν κίνησιν ἢ τὸ σπέρμα κινεῖ· ὅσων δὲ μὴ, ταῦτα ἀδύνατα γίνεσθαι ἄλλως πῶς ἢ ἐξ αὐτῶν.

1034b 6 Οὐ μόνον δὲ περὶ τῆς οὐσίας ὁ λόγος δηλοῖ τὸ μὴ γίνεσθαι τὸ εἶδος, ἀλλὰ περὶ πάντων ὁμοίως τῶν πρώτων κοινὸς ὁ λόγος, οἷον ποσοῦ ποιοῦ καὶ τῶν ἄλλων κατηγοριῶν. Γίγνεται γὰρ ὡσπερ ἡ χαλκῆ σφαῖρα ἀλλ' οὐ σφαῖρα οὐδὲ χαλκός, καὶ ἐπὶ χαλκοῦ, εἰ γίγνεται (αἰεὶ γὰρ δεῖ προϋπάρχειν τὴν ὕλην καὶ τὸ εἶδος), οὕτως καὶ ἐπὶ τοῦ τί ἐστὶ καὶ ἐπὶ τοῦ ποιοῦ καὶ ποσοῦ καὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως κατηγοριῶν· οὐ γὰρ γίγνεται τὸ ποιὸν ἀλλὰ τὸ ποιὸν ξύλον, οὐδὲ τὸ ποσὸν ἀλλὰ τὸ ποσὸν ξύλον ἢ ζῶον.

1034b 16 Ἄλλ' ἴδιον τῆς οὐσίας ἐκ τούτων λαβεῖν ἐστὶν ὅτι ἀναγκαῖον προϋπάρχειν ἐτέραν οὐσίαν ἐντελεχείᾳ οὔσαν

ἢ ποιεῖ, οἷον ζῶον εἰ γίγνεται ζῶον· ποιὸν δ' ἢ ποσὸν οὐκ ἀνάγκη ἀλλ' ἢ δυνάμει μόνον.

Глава 9.

[1] Можно было бы спросить, почему одни вещи возникают и от искусства, и самопроизвольно (например, здоровье), а другие — нет (например, дом).

[2] Причина же в том, что в одних случаях материя, которая является началом возникновения при производстве и становлении чего-либо из искусственных [изделий] и в которой содержится некоторая часть вещи, бывает такого рода, что способна двигаться сама собой, а в других — нет; и из этой [материи] одна способна двигаться так-то, другая — нет. Ведь многие вещи способны двигаться сами собой, но не так-то, например, плясать.

[3] У тех же вещей, материя которых такова (например, камни), невозможно двигаться указанным образом, если их не движет нечто иное; однако [двигаться] иным образом — возможно, [например, огонь]. Поэтому одни [вещи] не могут существовать без того, кто владеет искусством, другие же могут: ведь они будут приведены в движение тем, что не владеет искусством, будучи сами способны двигаться от других, не владеющих искусством, или отчасти [сами собой].

[4] Из сказанного ясно также, что в некотором смысле всё возникает из одноимённого, как природные вещи, или из части одноимённого (например, дом из дома — поскольку [он возникает] от ума, ибо искусство есть форма), или из [че-

го-то), имеющего часть, — если [возникновение] происходит не по совпадению. Ведь первая причина действия сама по себе есть часть.

[5] В самом деле, теплота, [находящаяся] в движении, произвела теплоту в теле; а она есть либо здоровье, либо часть [здоровья], либо за ней следует некоторая часть здоровья, либо она сама есть здоровье. Поэтому и говорят, что [теплота] производит [здоровье], поскольку она производит то, за чем следует теплота или чему она привходит.

[6] Так что, как в силлогизмах, начало всех [вещей] есть сущность: ибо силлогизмы [строятся] из понятия «что именно», так и здесь возникновения [строятся из него же]. Подобным же образом обстоит дело и с природными составными вещами.

[7] В самом деле, семя производит подобно тому, как [производят] вещи от искусства: ибо оно содержит форму в возможности, и то, из чего [происходит] семя, в некотором смысле одноимённо [с тем, что из него возникает]. Не следует, однако, искать, что всё возникает так, что человек [возникает] из человека: ведь и женщина [возникает] из мужчины, — если только нет уродства; поэтому мул не [возникает] из мула.

[8] Всё же, что возникает самопроизвольно, возникает так же, как и те [природные вещи], у которых материя способна сама собой двигаться тем движением, какое движет семя. У тех же, у которых [материя] не [способна], такие вещи не

могут возникать иначе, как от самих [производящих начал].

[9] Настоящее рассуждение показывает, что форма не возникает, — и это относится не только к сущности, но одинаково обще для всех первичных [категорий], например, для количества, качества и прочих категорий.

[10] Ведь [нечто] возникает так же, как [возникает] медный шар, но не [возникает] ни шар, ни медь; и в случае меди, если она возникает (ибо материя и форма всегда должны предсуществовать), — так же и в случае «что именно», и в случае качества, и количества, и прочих категорий. Ведь возникает не качество, но качественное дерево, не количество, но количественное дерево или животное.

[11] Из этого можно вывести особенность сущности, а именно что необходимо, чтобы предсуществовала иная сущность, существующая в действительности, которая производит [её], например, животное, если возникает животное; для качества же или количества нет необходимости [в предсуществовании иной сущности в действительности], но только в возможности.

Анализ главы 9 книги VII «Метафизики»: Грамматика причинности и одноименности.

Девятая глава занимает уникальное положение в архитектонике книги Z. Если глава 8 установила, что форма не возникает, то глава 9 исследует *почему* одни вещи могут возникать

вать самопроизвольно, а другие — только через искусство, и формулирует универсальный принцип всякого становления: принцип одноименности. Грамматика здесь служит инструментом для моделирования каузальных связей и демонстрации единства природного и искусственного становления.

I. Исходная апория: грамматика вопроса «почему» (§1).

Глава открывается прямым вопросом, который грамматически оформлен как потенциальная апория: Ἀπορήσειε δ' ἄν τις διὰ τί τὰ μὲν γίγνεται καὶ τέχνη καὶ ἀπὸ ταῦτομάτου, οἷον ὑγίεια, τὰ δ' οὐ, οἷον οἰκία. (Можно было бы спросить, почему одни вещи возникают и от искусства, и самопроизвольно, например здоровье, а другие — нет, например дом.)

Оптатив ἀπορήσειε с частицей ἄν создает модальность возможности: это не реальное затруднение, а методологический вопрос. Конструкция διὰ τί (почему, из-за чего) с предлогом διὰ + аккузатив требует указания причины. Противопоставление τὰ μὲν... τὰ δ'... (одни... другие...) с примерами οἷον (например) создает классификационную сетку: здоровье vs. дом. Здоровье может возникнуть и от врачебного искусства, и самопроизвольно (организм сам выздоравливает); дом — только через искусство строителя.

II. Грамматика материальной причины: способность к самодвижению (§§2–4).

Ответ Аристотеля вводит ключевое различие через анализ материи: Αἴτιον δὲ ὅτι τῶν μὲν ἢ ὕλη ἢ ἄρχουσα τῆς γενέσεως... ἢ μὲν τοιαύτη ἐστὶν οἷα κινεῖσθαι ὑφ' αὐτῆς ἢ δ' οὐ, καὶ ταύτης ἢ μὲν ὡδὶ οἷα τε ἢ δὲ ἀδύνατος. (Причина же в том, что материя, которая управляет возникновением... в одних случаях такова, что способна двигаться сама собой, в других — нет; и из этой [материи] одна способна двигаться так-то, другая — неспособна.)

Грамматическая структура этого пассажа строится на серии бинарных оппозиций:

· ἢ μὲν... ἢ δ'... (одна... другая...) — деление материи по способности к самодвижению.

· καὶ ταύτης ἢ μὲν... ἢ δὲ... (и из этой одна... другая...) — дальнейшее деление по способности к *определённому* движению.

· οἷα... ὡδί... (такова, что... так-то...) — указательные местоимения и наречия, уточняющие модус движения.

Пример οἷον ὀρχήσασθαι (например, плясать) с инфинитивом аориста указывает на конкретное действие: многие способны к самодвижению, но не к танцу. Это грамматически моделирует идею: способность к движению не универсальна, а специфицирована.

Διὰ τοῦτο τὰ μὲν οὐκ ἔσται ἄνευ τοῦ ἔχοντος τὴν τέχνην τὰ δὲ ἔσται. (Поэтому одни [вещи] не могут существовать без того, кто владеет искусством, другие же могут.) Конструкция ἄνευ τοῦ ἔχοντος (без имеющего) с родительным падежом причастия вводит необходимое условие — наличие мастера. Противопоставление τὰ μὲν... τὰ δὲ... (одни... другие...) окончательно разделяет два класса вещей по типу необходимой причины.

III. Принцип одноименности: грамматика тождества причины и следствия (§§5–7).

Это центральное учение главы. Аристотель формулирует универсальный закон: Δῆλον δ' ἐκ τῶν εἰρημένων καὶ ὅτι τρόπον τινὰ πάντα γίγνεται ἐξ ὁμωνύμου, ὥσπερ τὰ φύσει, ἢ ἐκ μέρους ὁμωνύμου... ἢ ἔχοντός τι μέρος... (Из сказанного ясно также, что в некотором смысле всё возникает из одноименного, как природные вещи, или из части одноименного... или из [чего-то], имеющего часть...)

Трехчастная классификация ἐξ ὁμωνύμου... ἢ ἐκ μέρους ὁμωνύμου... ἢ ἔχοντός τι μέρος... (из одноименного... из части одноименного... из имеющего часть) строится на убывании степени тождества:

1. Полная одноименность: природные вещи. ἄνθρωπος γὰρ ἄνθρωπον γεννᾷ (человек рождает человека) — грамматическое тождество субъекта и объекта при

различии падежей моделирует полное формальное тождество. Ὀμώνυμος (одноименный) здесь употреблено в значении, близком к συνώνυμος (синонимичный): не просто общее имя, но общая сущность.

2. Частичная одноименность: произведения искусства. οἶον ἢ οἰκία ἐξ οἰκίας, ἧ ὑπὸ νοῦ· ἢ γὰρ τέχνη τὸ εἶδος (Например, дом из дома — поскольку [он возникает] от ума, ибо искусство есть форма.) Пояснительная вставка ἧ ὑπὸ νοῦ (поскольку от ума) вводит причину: дом возникает из дома, *поскольку* форма дома предсуществует в уме строителя. Отождествление ἢ γὰρ τέχνη τὸ εἶδος (искусство есть форма) — номинативное предложение тождества — фиксирует онтологический статус искусства: оно не просто знание, а сама форма производимой вещи.

3. Наличие части: здоровье через тепло. Θερμότης γὰρ ἢ ἐν τῇ κινήσει θερμότητα ἐν τῷ σώματι ἐποίησεν· αὕτη δὲ ἐστὶν ἢ ὑγίεια ἢ μέρος, ἢ ἀκολουθεῖ αὐτῇ μέρος τι τῆς ὑγείας ἢ αὐτὴ ἢ ὑγίεια· (Теплота в движении произвела теплоту в теле; а она есть либо здоровье, либо часть [здоровья], либо за ней следует некоторая часть здоровья, либо она сама есть здоровье.)

Дизъюнктивная конструкция ἢ... ἢ... ἢ... ἢ... (либо... либо... либо... либо...) перебирает все возможные отношения теплоты к здоровью: она может быть самим здоровьем, его частью, или за ней может следовать часть здоровья. Грамматика моделирует каузальную связь: причина содержит в себе

следствие (или его часть) не по совпадению, а сущностно.

IV. Силлогистическая структура становления: грамматика аналогии (§§7–8).

᾽Ωστε, ὡςπερ ἐν τοῖς συλλογισμοῖς, πάντων ἀρχὴ ἢ οὐσία· ἐκ γὰρ τοῦ τί ἐστὶν οἱ συλλογισμοί εἰσιν, ἐνταῦθα δὲ αἱ γενέσεις. (Так что, как в силлогизмах, начало всех [вещей] есть сущность: ибо силлогизмы [строятся] из понятия «что именно», так и здесь возникновение [строятся из него же].)

Сравнительная конструкция ὡςπερ... οὕτως... (как... так и...) устанавливает изоморфизм между логическим выводом и физическим становлением. Термин ἀρχὴ (начало) в номинативе — предикат при ἢ οὐσία (сущность — подлежащее). Сущность есть начало как для силлогизмов (они исходят из определения τί ἐστὶν), так и для возникновений (они исходят из формы).

Природное порождение через семя: Τὸ μὲν γὰρ σπέρμα ποιεῖ ὡςπερ τὰ ἀπὸ τέχνης (ἔχει γὰρ δυνάμει τὸ εἶδος, καὶ ἀφ' οὗ τὸ σπέρμα, ἐστὶ πῶς ὁμώνυμον...) (Семя производит подобно тому, как [производят] вещи от искусства: ибо оно содержит форму в возможности, и то, от чего [происходит] семя, в некотором смысле одноименно [с возникающим].)

Причастие ἔχον (содержа) с наречием δυνάμει (в возможности) — ключевая формула аристотелевской метафизики потенции и акта. Ограничительное πῶς (в некотором смысле)

ле) смягчает утверждение об одноименности: не всегда производитель и произведение полностью тождественны.

Исключения подтверждают правило: οὐ γὰρ πάντα οὕτω δεῖ ζητεῖν ὡς ἐξ ἀνθρώπου ἄνθρωπος· καὶ γὰρ γυνὴ ἐξ ἀνδρός... διὸ ἡμίονος οὐκ ἐξ ἡμίονου. (Не следует, однако, искать, что всё возникает так, что человек [возникает] из человека: ведь и женщина [возникает] из мужчины... поэтому мул не [возникает] из мула.) Отрицательная конструкция οὐ... δεῖ ζητεῖν (не следует искать) вводит методологическое ограничение. Примеры γυνὴ ἐξ ἀνδρός (женщина из мужчины) и ἡμίονος οὐκ ἐξ ἡμίονου (мул не из мула) показывают, что одноименность не абсолютна, но принцип сохраняется: даже в исключениях действует родовая общность.

V. Самопроизвольное возникновение: грамматика способности материи (§10).

“Ὅσα δὲ ἀπὸ ταῦτομάτου ὥσπερ ἐκεῖ γίγνεται, ὅσων ἡ ὕλη δύναται καὶ ὑφ' αὐτῆς κινεῖσθαι ταύτην τὴν κίνησιν ἣν τὸ σπέρμα κινεῖ. (Всё же, что возникает самопроизвольно, возникает так же, как и те [природные вещи], у которых материя способна сама собой двигаться тем движением, какое движет семя.)

Относительное местоимение ὅσων (у которых, чья) с родительным падежом притяжательности вводит условие: самопроизвольное возникновение возможно только для тех ве-

щей, чья материя обладает внутренней способностью к специфическому движению. Конструкция δύναται... κινεῖσθαι (способна двигаться) с инфинитивом настоящего времени указывает на постоянную способность. Указательное местоимение ταύτην τὴν κίνησιν (это самое движение) с относительным ἧν (какое) отождествляет движение материи и движение, вызываемое семенем: материя в самопроизвольном возникновении имитирует действие семени.

VI. Универсализация вывода: форма не возникает ни в одной категории (§§11–14).

Аристотель расширяет вывод главы 8 на все категории: Οὐ μόνον δὲ περὶ τῆς οὐσίας ὁ λόγος δηλοῖ τὸ μὴ γίνεσθαι τὸ εἶδος, ἀλλὰ περὶ πάντων ὁμοίως τῶν πρώτων κοινὸς ὁ λόγος, οἷον ποσοῦ ποιοῦ καὶ τῶν ἄλλων κατηγοριῶν. (Настоящее рассуждение показывает, что форма не возникает, — и это относится не только к сущности, но одинаково обще для всех первичных [категорий], например, для количества, качества и прочих категорий.)

Отрицание οὐ μόνον... ἀλλὰ... (не только... но...) расширяет сферу действия закона. Формула κοινὸς ὁ λόγος (общее рассуждение) указывает на универсальность принципа.

Ключевой пример: Γίγνεται γὰρ ὡσπερ ἡ χαλκῆ σφαῖρα ἀλλ' οὐ σφαῖρα οὐδὲ χαλκός... οὕτως καὶ ἐπὶ τοῦ τί ἐστι καὶ ἐπὶ τοῦ ποιοῦ καὶ ποσοῦ... οὐ γὰρ γίγνεται τὸ ποῖον ἀλλὰ τὸ

ποιὸν ξύλον, οὐδὲ τὸ ποσὸν ἀλλὰ τὸ ποσὸν ξύλον ἢ ζῶον. (Ведь [нечто] возникает так же, как [возникает] медный шар, но не [возникает] ни шар, ни медь... так же и в случае «что именно», и в случае качества, и количества... Ведь возникает не качество, но качественное дерево, не количество, но количественное дерево или животное.)

Повторяющаяся конструкция οὐ... ἀλλὰ... (не... но...) с каждым разом отвергает возникновение чистой категории и утверждает возникновение только составного. Τὸ ποιὸν ξύλον (качественное дерево), τὸ ποσὸν ξύλον (количественное дерево) — субстантивированные прилагательные с определяемым существительным — грамматически фиксируют: возникает не качество как таковое, а *вещь*, обладающая качеством.

VII. Особенность сущности: грамматика предсуществования в действительности (§14).

Ἄλλ' ἴδιον τῆς οὐσίας ἐκ τούτων λαβεῖν ἔστιν ὅτι ἀναγκαῖον προὑπάρχειν ἐτέραν οὐσίαν ἐντελεχεία οὔσαν ἢ ποιεῖ, οἷον ζῶον εἰ γίγνεται ζῶον· ποιὸν δ' ἢ ποσὸν οὐκ ἀνάγκη ἀλλ' ἢ δυνάμει μόνον. (Из этого можно вывести особенность сущности, а именно что необходимо, чтобы предсуществовала иная сущность, существующая в действительности, которая производит [её], например, животное, если возникает животное; для качества же или количества нет

необходимости [в предсуществовании иной сущности в действительности], но только в возможности.)

Грамматическая конструкция ἀναγκαῖον προϋπάρχειν (необходимо предсуществовать) с инфинитивом вводит онтологический закон. Причастие οὔσαν (сущую) в аккумулятиве при инфинитивной конструкции подчеркивает: предсуществующая сущность должна быть *в действительности* (ἐντελεχεία), а не только в возможности.

Противопоставление:

· Для сущности: ἀναγκαῖον... ἐντελεχεία (необходимо... в действительности).

· Для качества/количества: οὐκ ἀνάγκη ἀλλ' ἢ δυνάμει μόνον (нет необходимости... но только в возможности).

Это финальное различие — кульминация главы. Сущность требует актуально существующей производящей причины (человек рождает человека); качества же могут возникать из потенциально содержащей их материи без актуального предсуществования.

Заключение.

Глава 9 завершает учение о становлении, вводя принцип одноименности как универсальный закон всякого генезиса. Грамматические структуры — тройная классификация ἐξ ὁμώνυμου / ἐκ μέρους ὁμώνυμου / ἔχοντός τι μέρος, цепочки дизъюнкций ἢ... ἢ... ἢ..., повторяющиеся оп-

позиции οὐ... ἀλλὰ... — служат инструментами для моделирования каузальных связей различной степени полноты. Аналогия между силлогизмом и становлением (ὥσπερ ἐν τοῖς συλλογισμοῖς... οὕτως... αἱ γενέσεις) раскрывает глубинное единство логической и физической необходимости. Финальное различие между сущностью (требующей актуальной причины) и другими категориями (требующими лишь потенциальной причины) закрепляет онтологический приоритет сущности как единственной категории, способной быть причиной самой себя.

Глава 10.

(Bekker, 1034b 20 – 1036a 26).

1034b 20 Ἐπει δὲ ὁ ὀρισμὸς λόγος ἐστί, πᾶς δὲ λόγος μέρη ἔχει, ὡς δὲ ὁ λόγος πρὸς τὸ πρᾶγμα, καὶ τὸ μέρος τοῦ λόγου πρὸς τὸ μέρος τοῦ πράγματος ὁμοίως ἔχει, ἀπορεῖται ἤδη πότερον δεῖ τὸν τῶν μερῶν λόγον ἐνυπάρχειν ἐν τῷ τοῦ ὅλου λόγῳ ἢ οὐ.

1034b 24 Ἐπ' ἐνίων μὲν γὰρ φαίνονται ἐνόντες ἐνίων δ' οὐ. Τοῦ μὲν γὰρ κύκλου ὁ λόγος οὐκ ἔχει τὸν τῶν τμημάτων, ὁ δὲ τῆς συλλαβῆς ἔχει τὸν τῶν στοιχείων· καίτοι διαιρεῖται καὶ ὁ κύκλος εἰς τὰ τμήματα ὥσπερ καὶ ἡ συλλαβὴ εἰς τὰ στοιχεῖα.

1034b 27 Ἔτι δὲ εἰ πρότερα τὰ μέρη τοῦ ὅλου, τῆς δὲ ὀρθῆς ἢ ὀξεῖα μέρος καὶ ὁ δάκτυλος τοῦ ζώου, πρότερον ἂν εἴη ἢ ὀξεῖα τῆς ὀρθῆς καὶ ὁ δάκτυλος τοῦ ἀνθρώπου. Δοκεῖ δ' ἐκεῖνα εἶναι πρότερα· τῷ λόγῳ γὰρ λέγονται ἐξ ἐκείνων, καὶ τῷ εἶναι δὲ ἄνευ ἀλλήλων πρότερα.

1034b 31 Ἡ πολλαχῶς λέγεται τὸ μέρος, ὧν εἷς μὲν τρόπος τὸ μετροῦν κατὰ τὸ ποσόν - ἀλλὰ τοῦτο μὲν ἀφείσθω· ἐξ ὧν δὲ ἡ οὐσία ὡς μερῶν, τοῦτο σκεπτέον.

1034b 33 – 1035a 1 Εἰ οὖν ἐστί τὸ μὲν ὕλη τὸ δὲ εἶδος τὸ δ' ἐκ τούτων, καὶ οὐσία ἢ τε ὕλη καὶ τὸ εἶδος καὶ τὸ ἐκ τούτων, ἔστι μὲν ὡς καὶ ἡ ὕλη μέρος τινὸς λέγεται, ἔστι δ' ὡς οὐ, ἀλλ' ἐξ ὧν ὁ τοῦ εἶδους λόγος.

1035a 3 Οἷον τῆς μὲν κοιλότητος οὐκ ἔστι μέρος ἢ σὰρξ (αὕτη γὰρ ἡ ὕλη ἐφ' ἧς γίγνεται), τῆς δὲ σιμότητος μέρος· καὶ τοῦ μὲν συνόλου ἀνδριάντος μέρος ὁ χαλκὸς τοῦ δ' ὡς εἶδους λεγομένου ἀνδριάντος οὗ (λεκτέον γὰρ τὸ εἶδος καὶ ἡ εἶδος ἔχει ἕκαστον, τὸ δ' ὑλικὸν οὐδέποτε καθ' αὐτὸ λεκτέον).

1035a 7 Διὸ ὁ μὲν τοῦ κύκλου λόγος οὐκ ἔχει τὸν τῶν τμημάτων, ὁ δὲ τῆς συλλαβῆς ἔχει τὸν τῶν στοιχείων· τὰ μὲν γὰρ στοιχεῖα τοῦ λόγου μέρη τοῦ εἶδους καὶ οὐχ ὕλη, τὰ δὲ τμήματα οὕτως μέρη ὡς ὕλη ἐφ' ἧς ἐπιγίγνεται· ἐγγυτέρω μέντοι τοῦ εἶδους ἢ ὁ χαλκὸς ὅταν ἐν χαλκῷ ἢ στρογγυλότης ἐγγένηται.

1035a 11 Ἔστι δ' ὡς οὐδὲ τὰ στοιχεῖα πάντα τῆς συλλαβῆς ἐν τῷ λόγῳ ἐνέσται, οἷον ταδὶ τὰ κήρινα ἢ τὰ ἐν τῷ ἀέρι· ἡδὴ γὰρ καὶ ταῦτα μέρος τῆς συλλαβῆς ὡς ὕλη αἰσθητή. Καὶ γὰρ ἡ γραμμὴ οὐκ εἰ διαιρουμένη εἰς τὰ ἡμίση φθείρεται, ἢ ὁ ἄνθρωπος εἰς τὰ ὀστᾶ καὶ νεῦρα καὶ σάρκας, διὰ τοῦτο καὶ εἰσὶν ἐκ τούτων οὕτως ὡς ὄντων τῆς οὐσίας μερῶν, ἀλλ' ὡς ἐξ ὕλης, καὶ τοῦ μὲν συνόλου μέρη, τοῦ εἶδους δὲ καὶ οὗ ὁ λόγος οὐκέτι· διόπερ οὐδ' ἐν τοῖς λόγοις.

1035a 17 Τῷ μὲν οὖν ἐνέσται ὁ τῶν τοιούτων μερῶν λόγος, τῷ δ' οὐ δεῖ ἐνεῖναι, ἂν μὴ ἡ τοῦ συνειλημμένου· διὰ γὰρ τοῦτο ἔνια μὲν ἐκ τούτων ὡς ἀρχῶν ἐστὶν εἰς ἃ φθείρονται, ἔνια δὲ οὐκ ἔστιν.

1035a 20 Ὅσα μὲν οὖν συνειλημμένα τὸ εἶδος καὶ ἡ ὕλη ἐστὶν, οἷον τὸ σιμὸν ἢ ὁ χαλκοῦς κύκλος, ταῦτα μὲν φθείρεται εἰς ταῦτα καὶ μέρος αὐτῶν ἡ ὕλη· ὅσα δὲ μὴ

συνείληπται τῇ ὕλῃ ἀλλὰ ἄνευ ὕλης, ὧν οἱ λόγοι τοῦ εἶδους μόνον, ταῦτα δ' οὐ φθείρεται, ἢ ὅλως ἢ οὔτοι οὔτω γε· ὥστ' ἐκείνων μὲν ἀρχαὶ καὶ μέρη ταῦτα τοῦ δὲ εἶδους οὔτε μέρη οὔτε ἀρχαί.

1035a 25 Καὶ διὰ τοῦτο φθείρεται ὁ πῆλινος ἀνδριάς εἰς πηλὸν καὶ ἡ σφαῖρα εἰς χαλκὸν καὶ ὁ Καλλίας εἰς σάρκα καὶ ὀσᾶ, ἔτι δὲ ὁ κύκλος εἰς τὰ τμήματα· ἔστι γὰρ τις ὃς συνείληπται τῇ ὕλῃ· ὁμωνύμως γὰρ λέγεται κύκλος ὃ τε ἀπλῶς λεγόμενος καὶ ὁ καθ' ἕκαστα διὰ τὸ μὴ εἶναι ἴδιον ὄνομα τοῖς καθ' ἕκαστον.

1035a 29 – 1035b 2 Εἴρηται μὲν οὖν καὶ νῦν τὸ ἀληθές, ὅμως δ' ἔτι σαφέστερον εἴπωμεν ἐπαναλαβόντες. Ὅσα μὲν γὰρ τοῦ λόγου μέρη καὶ εἰς ἃ διαιρεῖται ὁ λόγος, ταῦτα πρότερα ἢ πάντα ἢ ἕνια· ὁ δὲ τῆς ὀρθῆς λόγος οὐ διαιρεῖται εἰς ὀξειάς λόγον, ἀλλὰ τῆς ὀξειάς εἰς ὀρθήν· χρῆται γὰρ ὁ ὀριζόμενος τὴν ὀξειαν τῇ ὀρθῇ· "ἐλάττων" γὰρ "ὀρθῆς" ἢ ὀξειᾶ.

1035b 4 Ὅμοίως δὲ καὶ ὁ κύκλος καὶ τὸ ἡμικύκλιον ἔχουσιν· τὸ γὰρ ἡμικύκλιον τῷ κύκλῳ ὀρίζεται καὶ ὁ δάκτυλος τῷ ὄλῳ· "τὸ" γὰρ "τοιόνδε μέρος ἀνθρώπου" δάκτυλος. Ὡστ' ὅσα μὲν μέρη ὡς ὕλη καὶ εἰς ἃ διαιρεῖται ὡς ὕλην, ὕστερα· ὅσα δὲ ὡς τοῦ λόγου καὶ τῆς οὐσίας τῆς κατὰ τὸν λόγον, πρότερα ἢ πάντα ἢ ἕνια.

1035b 10 Ἐπεὶ δὲ ἡ τῶν ζώων ψυχὴ (τοῦτο γὰρ οὐσία τοῦ ἐμψύχου) ἢ κατὰ τὸν λόγον οὐσία καὶ τὸ εἶδος καὶ τὸ τί ἦν εἶναι τῷ τοιῷδε σώματι (ἕκαστον γοῦν τὸ μέρος ἐὰν

ὀρίζεται καλῶς, οὐκ ἄνευ τοῦ ἔργου ὀριεῖται, ὃ οὐχ ὑπάρξει ἄνευ αἰσθήσεως), ὥστε τὰ ταύτης μέρη πρότερα ἢ πάντα ἢ ἔνια τοῦ συνόλου ζώου, καὶ καθ' ἕκαστον δὴ ὁμοίως, τὸ δὲ σῶμα καὶ τὰ τούτου μόρια ὑστερα ταύτης τῆς οὐσίας, καὶ διαιρεῖται εἰς ταῦτα ὡς εἰς ὕλην οὐχ ἢ οὐσία ἀλλὰ τὸ σύνολον.

1035b 16 Τοῦ μὲν οὖν συνόλου πρότερα ταῦτ' ἔστιν ὡς, ἔστι δ' ὡς οὐ (οὐδὲ γὰρ εἶναι δύναται χωριζόμενα· οὐ γὰρ ὁ πάντως ἔχων δάκτυλος ζώου, ἀλλ' ὁμώνυμος ὁ τεθνεώς). ἔνια δὲ ἅμα, ὅσα κύρια καὶ ἐν ᾧ πρώτῳ ὁ λόγος καὶ ἡ οὐσία, οἷον εἰ τοῦτο καρδία ἢ ἐγκέφαλος· διαφέρει γὰρ οὐθὲν πότερον τοιοῦτον.

1035b 21 Ὁ δ' ἄνθρωπος καὶ ὁ ἵππος καὶ τὰ οὕτως ἐπὶ τῶν καθ' ἕκαστα, καθόλου δέ, οὐκ ἔστιν οὐσία ἀλλὰ σύνολόν τι ἐκ τουδὶ τοῦ λόγου καὶ τηςδὶ τῆς ὕλης ὡς καθόλου· καθ' ἕκαστον δ' ἐκ τῆς ἐσχάτης ὕλης ὁ Σωκράτης ἤδη ἐστίν, καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως.

1035b 25 Μέρος μὲν οὖν ἐστὶ καὶ τοῦ εἶδους (εἶδος δὲ λέγω τὸ τί ἦν εἶναι) καὶ τοῦ συνόλου τοῦ ἐκ τοῦ εἶδους καὶ τῆς ὕλης αὐτῆς. Ἀλλὰ τοῦ λόγου μέρη τὰ τοῦ εἶδους μόνον ἐστίν, ὁ δὲ λόγος ἐστὶ τοῦ καθόλου· τὸ γὰρ κύκλω εἶναι καὶ κύκλος καὶ ψυχῇ εἶναι καὶ ψυχὴ ταυτό.

1035b 29 – 1036a 1 Τοῦ δὲ συνόλου ἤδη, οἷον κύκλου τουδὶ καὶ τῶν καθ' ἕκαστά τινος ἢ αἰσθητοῦ ἢ νοητοῦ - λέγω δὲ νοητοὺς μὲν οἷον τοὺς μαθηματικούς, αἰσθητοὺς δὲ οἷον τοὺς χαλκοὺς καὶ τοὺς ξυλίνους - τούτων δὲ οὐκ ἔστιν

ὄρισμός, ἀλλὰ μετὰ νοήσεως ἢ αἰσθήσεως γνωρίζονται, ἀπελθόντες δὲ ἐκ τῆς ἐντελεχείας οὐ δῆλον πότερον εἰσὶν ἢ οὐκ εἰσὶν· ἀλλ' ἀεὶ λέγονται καὶ γνωρίζονται τῷ καθόλου λόγῳ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.